

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

—
ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1930

Типография
Издательства НКВД
Москва,
Ново-Спасск. пѣ, 16. Зак. 128.
Главлит А 61792 ИКА 681.
Статформат Б_н, (176 × 250).
Печ. листов 11. Тираж 7000.

В. Милютин и Б. Борилин

К РАЗНОГЛАСИЯМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ¹

Революционные процессы в социальной и технической реконструкции, идущие вглубь и вширь всех сторон общественной жизни, бурные темпы коллективизации, социалистическое соревнование, — весь этот процесс создания нового общественного строя выдвигает на каждом шагу новые проблемы, новые жгучие вопросы, правильное разрешение которых требует углубленной теоретической работы.

Между тем нигде не наблюдается такое сильное отставание от темпов жизни, как в области теоретической работы над вопросами социалистического строительства и современного империализма. И это как раз тогда, когда теория, опираясь на практику, обязана идти впереди нее, намечая новые пути, открывая новые возможности, давая четкие марксистско-ленинские обобщения. Тов. Сталин, выступая на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, правильно и своевременно указал ряд вопросов, в которых теоретики-аграрники отстают от действительности. Указания т. Сталина относятся не только к аграрным проблемам, но и ко всем остальным областям нашей экономики и культуры.

Необходимо в значительно большей степени, чем до сих пор, заняться теоретическим изучением процессов нашего развития. СССР идет к завершению переходного периода и близится к построению социалистического общества в обозримые сроки, вопреки паникерству правых оппортунистов. Наша практика разоблачает все еще живучую в мелкобуржуазных слоях троцкистскую теорию об отсутствии в нашей стране источников и сил для построения социализма. Наша плановая работа перерастает за рамки пятилетнего плана, и на очередь дня выдвигается составление генерального плана — плана построения социализма. В связи с предстоящей работой над генеральным планом встает ряд проблем, требующих углубленной теоретической разработки. Необходимо осмыслить те новые общественные отношения, которые должны сложиться в процессе осуществления этого плана. Следует осознать и теоретически осмыслить характер новых производственных отношений. В новом свете выплывает вопрос о взаимоотношениях между производительными силами и производственными отношениями.

Генеральный план требует для своего осуществления изучения отдельных этапов и освещения конкретных путей нашего развития к социализму. Как будут протекать процессы новой организации труда, реконструкции техники, развития новых классовых отношений, изменения форм хозяйства в условиях сплошной коллективизации? Какова роль совхозов и колхозов в новых условиях? Как будет изменяться роль и значение предприятий последовательно-со-

¹ Примечание редакции см. на с. 17.

циалистического типа в нашем хозяйстве? Как видоизменяется значение денежной формы и реконструируется финансовая система? Как будет вместе с рыночными отношениями отмирать и денежная форма? Как видоизменяется структура потребления? Как будет происходить уничтожение противоположности между городом и деревней и, в частности, уничтожение «ножниц»? Как разрешить проблему социалистических городов? Как должны складываться наши экономические отношения с капиталистическим миром в условиях растущей экономической независимости СССР? Каковы законы расширенного воспроизводства в условиях переходной экономики и продвижения к коммунизму?

Указанные вопросы и целый ряд других властно требуют ответа и нуждаются в углубленной теоретической разработке. Вопреки актуальным требованиям жизни, двухлетняя дискуссия по вопросам политической экономии, углубившая постановку ряда важнейших вопросов и вскрывшая механистические и идеалистические тенденции в политической экономии отвлекла огромное количество квалифицированных партийных сил от насущных теоретических проблем социалистического строительства. При всей важности разработки общеметодологических проблем политической экономии необходимо напомнить, что всякая добродетель, продолженная дальше определенного предела, превращается в свою противоположность.

Дискуссия обнаружила тенденцию замкнуться в рамках одной только абстрактной теории и общей методологии, не подходя вплотную к крайне сложным вопросам социалистического строительства, где острая борьба классовых интересов делает теоретическое исследование особенно трудным и политически ответственным. Более того, среди некоторых экономистов подчас наблюдается прямо пренебрежительное отношение к проблемам советского хозяйства, как к «низкой» эмпирии, как к вопросам узкого практицизма; упускают из виду, что здесь-то и открывается обширное поле для творчества в области теории.

Характерным показателем отрыва дискуссии от актуальных политических и экономических проблем социалистического строительства является тот факт, что дискуссия прошла мимо такого извращения теоретических основ марксизма-ленинизма, как троцкизм.

В то время как троцкизм полностью и целиком разоблачил себя как одна из форм мелкобуржуазного влияния на пролетариат, в то время как троцкизм, перейдя все грани, превратился в контрреволюционную мелкобуржуазную разношерстную группировку, в то время как партия Ленина нанесла троцкизму сокрушительный удар,—спорящие стороны не уделили внимания дальнейшей критике теоретических корней этой формы фальсификации учения Маркса—Ленина.

Дискуссия не разоблачала и не вскрывала антидиалектической, антимарксистской сущности троцкизма с характерным для последнего, немарксистским пониманием законов классовой борьбы и связанным с этим антиленинским представлением об отношении рабочего класса к крестьянству, с его немарксистским пониманием сущности диктатуры пролетариата, основных характерных черт империализма, закона неравномерного развития капитализма в империалистическую эпоху и вытекающей отсюда возможности победоносного строительства социализма в нашей стране.

Для ленинца тем более невозможно игнорирование задачи разоблачения антидиалектических, немарксистских корней троцкистской

идеологии, что рецидивы последней имеют место и в настоящее время, несмотря на то, что переживаемый этап нашего развития наглядно демонстрирует полнейшее банкротство троцкизма.

Задачи по разоблачению антидиалектической концепции Бухарина ни в коей мере не снимают необходимости решительного и углубленного разоблачения основных теоретических и методологических установок троцкизма в целях противодействия проникновению его в каких бы то ни было формах в ряды рабочего класса.

Нет сомнения, что правильное разрешение поставленных в дискуссии методологических проблем безусловно необходимо для плодотворной коллективной работы экономистов-коммунистов над вопросами теории советского хозяйства и современного империализма. Но не следует забывать, что только на основе работ над этим кругом проблем метод диалектического материализма может быть обогащен и развит далее. К сожалению, забвением этого бесспорного положения страдает происходящая дискуссия в теоретической экономике. Тем самым многоречивые рассуждения о методе остаются бесплодными. Оторванные от действительности, они превращаются в пустышку, вырождаются в схоластику. Такой «метод» перестает быть отражением объективной закономерности развития. С этой точки зрения настоятельно необходимо переключить силы экономистов-коммунистов на разработку актуальных теоретических вопросов социалистического строительства. Это необходимо тем более, что в этой области до сих пор сильны враждебные делу социалистического строительства буржуазные и мелкобуржуазные теории.

Существенные ошибки, допущенные в этой дискуссии, приобрели тем более опасный характер, что в современных условиях ошибки в методе особенно быстро перерастают в ошибочные установки, ведущие ко всякого рода оппортунистическим извращениям политической линии партии.

Решительно борясь с ревизией марксистско-ленинского учения следует иметь в виду, что в эпоху диктатуры пролетариата выступления против марксизма сплошь и рядом облекаются в форму «нового понимания» и толкования теории Маркса—Ленина. Открытый ревизионизм и присоединение к буржуазной науке на манер Бернштейна и К^о в условиях диктатуры пролетариата не имеют шансов на успех. Господство марксизма в общественных науках заставляет ревизионистские выступления рядиться в одежды ортодоксии. Буржуазная и мелкобуржуазная, особенно социал-демократическая идеология зарождается у нас и проникает к нам с Запада сплошь и рядом под оболочкой марксистских фраз. Тем больше опасность проникновения ревизионистских взглядов в среду коммунистов и тем больше необходимость четкой, ясной, непримиримой линии ленинцев, сплоченной борьбы коммунистов со всеми извращениями теории и метода Маркса—Ленина.

Необходимо ни на минуту не упускать из виду, что «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (Сталин).

Гибнущий класс, капиталистические элементы в нашей стране сопротивляются всеми мерами и способами политического, экономического и идеологического характера. В области экономической теории это выражается конкретно в том, что буржуазные, неонароднические,

меньшевистские представления о законах экономического развития при капитализме шаблонно и в то же время в завуалированном советской фразеологией виде переносятся в условия переходной экономики и кладутся в качестве обоснования определенных программ практических мероприятий (Кондратьев, Громан, Базаров и др.). Поворот к ликвидации кулачества как класса требует решительного преодоления и этих остатков старых представлений и теорий, являющихся идеологическим заслоном капиталистических элементов в стране.

Только последовательное проведение диалектического материализма может обеспечить твердую научную базу для практической деятельности ленинской партии.

За последние десятилетия буржуазная наука, атакуя марксизм, изображала метод Маркса двойственным. Эту «двойственность» «критики» уematривали в мнимом соединении противоположных натуралистических и «социологических» тенденций в системе Маркса. Характерной чертой буржуазной критики является здесь отождествление материального с вещественным, социального с идеальным (Струве, Петри, Финн-Енотаевский и др.). Именно на этом основании буржуазные ученые объявляют общественную жизнь царством свободной воли и «телеологии».

В борьбе с субъективизмом народников Ленин показал, что общественное развитие подчинено объективной закономерности, прокладывающей себе дорогу через сознательные действия людей. Маркс и Ленин смотрели на развитие общественно-экономической формации как на «естественно-исторический процесс»². Но необходимость и закономерность общественного развития есть, по Марксу и Ленину, необходимость действия людей, общественных классов. Материалист-диалектик в отличие от «объективиста» и вульгарного материалиста «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»³. Материализм «включает в себя партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁴.

Непонимание метода диалектического материализма связано обычно с недооценкой или с отрицанием роли революционной теории Маркса—Ленина, как руководства к действию для рабочего класса. На этой основе растут двоякого рода ревизионистские течения. Одни из них идут по линии превращения марксизма в натуралистическую систему, другие превращают учение Маркса в безобидную «социологическую» игру понятий.

Причудливо сплетаясь в некоторых пунктах, оба вида извращений диалектического материализма, хотя и не в одинаковой степени, представлены в политической экономии. Корни этих ревизионистских течений лежат в философском агностицизме (Юм, Кант) и в «социологическом» извращении метода Маркса, которое давно было начато австро-марксистской школой и, в частности, Гильфердингом. Механи-

² Ленин, Собр. соч., т. I, с. 57.

³ Там же, с. 276.

⁴ Там же.

стическое направление в политической экономии ближайшим образом исходит из натуралистически-механистических взглядов Богданова.

Одной из основ богдановской политической экономии является механистическое сведение общественных законов к законам природы. Богданов пытается вывести общественные противоречия и борьбу классов из нарушения равновесия между обществом и средой (богдановский «энергетический баланс»). Воспринятая целиком т. Бухариным в его «Теории исторического материализма» «теория энергетического баланса» получила известное распространение в политической экономии.

Прямым продолжением той же механистической концепции является подмена закона данной общественной формации общими надисторическими законами. Теория ~~надисторичности~~ экономических категорий, распространение категории абстрактного труда на все общественные формации лежит в основе богдановско-бухаринского «закона трудовых затрат». Исходя из нее, т. Бухарин делает вывод, что с устранением «костюма» товарного хозяйства законы общественного развития выступают в «голом» виде. В социалистическом обществе, по мнению т. Бухарина, неизменный закон трудовых затрат будет регулировать движение производительных сил не непосредственно. Сами производительные силы, вопреки критике Ленина, зачастую отождествляются т. Бухариным с техникой и вообще берутся вне их специфической общественной формы. Производственные отношения изображаются просто как «размещение людей в пространстве», как чисто техническая связь.

Из такой установки растет недialeктическое представление о развитии производительных сил в переходный период, не учитывающее специфически-общественные особенности каждого этапа развития. Рост производительных сил в условиях диктатуры пролетариата изображается метафизически, как рост богатства вообще, народного дохода вообще, сельского хозяйства вообще. Социальная форма этого развития в различных секторах и его противоречия игнорируются. Необходимость роста производительных сил именно в социалистических формах смазывается. Борьба с капиталистическими тенденциями за развитие социалистических форм противопоставляется в конечном счете росту производительных сил в нашей стране.

Смещение технических отношений с общественным строем производства ведет далее механистов (т. Бухарин и его школа) к отождествлению процесса капиталистического производства с процессом непосредственно-общественного труда. Механисты упускают из виду, что обобществление труда капиталом усиливает, а не устраняет противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Говоря об обобществлении труда, они не видят ограниченной формы этого обобществления, происходящего под командой капитала. Механисты полагают, что капитализм развивается по направлению к сознательно «организованному хозяйству», «к дефетишизации» производственных отношений. Отсюда иллюзия т. Бухарина, что монополии устраняют конкуренцию, анархию капитализма. Он строит на этом свою теорию «организованного капитализма», устраняющего будто бы конкуренцию внутри отдельных капиталистических стран. Тов. Бухарин не понимает, что «эта монополия — капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке»

новке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой»⁵.

Тов. Бухарин не видит того, что «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов»⁶.

Механисты изображают процесс воспроизводства как механическое движение вещественных и личных элементов производства. Тов. Бухарин и его сторонники совершенно упускают из виду качественную определенность воспроизводства и его пропорциональности и потому не понимают процесса изменения количественных пропорций с изменением характера общественного воспроизводства.

Механисты изображают общественное воспроизводство в виде колебательных движений, «отклонений» от извне данного, самостоятельно движущегося уровня равновесия. Равновесие из момента движения, определяемого характером и формой последнего, превращается у механистов в исходный пункт как теоретического исследования в целом, так и действительного движения. Экономические законы формулируются ими как законы равновесия и противопоставляются законам движения. Отсюда противопоставление законов существования капитализма законам его гибели.

Теория равновесия «не имеет ничего общего с ленинизмом» (Сталин). Она вооружает теоретическими аргументами враждебные рабочему классу элементы против политики индустриализации, проводимой партией. Она служит в руках буржуазных и мелкобуржуазных экономистов для теоретической защиты индивидуального крестьянского хозяйства против коллективизации, для укрепления позиций частного капитала, вытесняемого развитием социалистической промышленности и кооперации. Несмотря на всю очевидность своего антиленинского существа, теория «подвижного равновесия» чрезвычайно широко распространена. Даже политические противники и критики взглядов т. Бухарина полностью не разделились с нею до сих пор, что лишней раз свидетельствует о живучести механистических тенденций в политической экономии.

Тов. Бухарин, будучи целиком подчинен своей механистической методологии и последовательно развивая теорию равновесия в теорию «балансирования», приходит к неизбежному выводу, что для каждого данного момента возможна только одна схема чисто количественных соотношений между элементами народного хозяйства. В переводе на язык экономической политики это влечет за собой требование равнения по «узким» местам. Тов. Бухарин не понимает, что дело не в одной только различной количественной характеристике элементов пропорциональности, но и в качественной их определенности, ибо от социальной формы воспроизводства зависит ход последнего и развитие свойственных ему противоречий.

Очевидна несостоятельность утопического стремления т. Бухарина отвлечься от противоречий классовых интересов в переходный период путем создания гладких схем воспроизводства.

Тип воспроизводства в советском хозяйстве качественно иной, чем при капитализме, подчинен другому строю общественного производства, другим законам движения.

⁵ Ленин. Собр. соч., т. XIII, с. 314, изд. 1924.

⁶ Там же, с. 305.

Наконец должно быть особенно подчеркнуто, что, исходя из механистической концепции, нельзя правильно понять условия развития классовой борьбы в СССР, активную роль пролетариата в деле создания социалистической формы производства и значение этой последней для развития производительных сил нашего хозяйства. Отсюда проистекает недооценка т. Бухариным наших возможностей, его неверие в высокие темпы индустриализации, невиданные при капитализме.

Непонимание основ диалектического материализма нашло свое выражение у т. Бухарина в его немарксистском понимании предмета политической экономии. Когда т. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода», что «теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве»... Ленин на полях замечает: «Две неверности: 1) Определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть тоже «организованное хозяйство». Когда т. Бухарин пишет, что «политическая экономия изучает товарное хозяйство» Ленин замечает «не только!» А на утверждение т. Бухарина, что «конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии», Ленин заявляет. «Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $Iv + m$ к $IIc?$ и накопление?»

Из бухаринского понимания предмета политической экономии логически вытекает непонимание необходимости как теории советского хозяйства, ошибочно - оправдываемой лишь в меру наличия стихийных, «неорганизованных» рыночных отношений в нашем хозяйстве, так и теоретического изучения производственных отношений социалистического общества. Марксистская политическая экономия изучает «общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения, как форму развития производительных сил данной общественной формации. Тем самым она исследует экономическую структуру как естественно-исторический процесс, познает объективную закономерность возникновения, развития и упадка данных производственных отношений, т. е. экономический закон движения общества. «Исследование производственных отношений данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке, — таково содержание экономического учения Маркса» (Ленин).

Методологические установки т. Бухарина были непосредственно восприняты тт. Коном, Бессоновым и др. Выступая на борьбу с антимарксистскими неокантианскими взглядами И. И. Рубина, они, вместо преодоления идеалистического ревизионизма в политической экономии, на деле лишь усугубляли и поддерживали механистическое направление в этой области и тем самым фактически способствовали укреплению и дальнейшему развитию идеалистических тенденций. Система ошибочных положений, выставленных этими товарищами, является прямым продолжением механистической, антидиалектической концепции т. Бухарина. Тт. Кон, Бессонов и другие оказались фактическими защитниками теоретических основ правого уклона, несмотря на то, что они защищают генеральную линию партии и не разделяют политических взглядов т. Бухарина.

Главнейшими из механистических ошибок тт. Кона и Бессонова являются: 1) утверждение о надисторичности категории абстрактного

труда, связанное с физиологически-энергетическим пониманием его; 2) непонимание роли обмена в товарно-капиталистическом обществе, связанное с вульгаризацией теории товарного фетишизма Маркса; 3) отождествление производительных сил с техникой и с процессом труда «как таковым»; 4) механистическое сведение производственных отношений непосредственно к производительным силам; отсюда вытекает вульгарное понимание материальности производственных отношений и непосредственная характеристика специфичности различных типов производственных отношений уровнем развития техники; 5) смешение политической экономии с технологией; 6) богдановская теория «энергетического баланса» (т. Кон); 7) теория равновесия и бухаринский «закон трудовых затрат»; 8) тезис о «дефетишизации» производственных отношений по мере развития капитализма, логически ведущий к положению о мирном вращении капитализма в социализм (т. Бессонов); 9) ряд коренных ошибок в теории империализма, воспроизводящих бухаринскую концепцию (т. Кон); 10) немарксистское представление об общественных науках (право, история и проч.), которые якобы не занимают вопросы социальной революции (т. Бессонов); 11) отождествление формы и содержания, проникающее все перечисленные выше ошибки, и ряд других ошибок.

Вытекающее отсюда смешение предмета технологии с предметом политической экономии ярко выступает в следующем положении т. Бессонова: «производительные силы в действит., процесс труда «как таковой» составляет такую же неотъемлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса»⁷. Тов. Бессонов выставил в свое время вульгарно-механистический тезис, что производительные силы и производственные отношения «равноправно» входят в объект политической экономии. После решительного отпора со стороны подавляющего большинства экономистов-коммунистов т. Бессонов от этого тезиса отказался, но лишь формально.

Тов. Кон в своей последней статье пишет: «Технология и экономические науки изучают одно и то же материальное производство, однако угол зрения, аспект этих двух наук на единый объект совершенно различны. Грань между политической экономией и технологией, стирать которую было бы преступлением, заключается в различии их точек зрения на материальное производство, в том, что первая (?) из них изучает материальный процесс производства с точки зрения эффективности воздействия человека на природу, вторая же изучает материальное производство с точки зрения его определенной общественной формы»⁸.

Субъективистская установка т. Кона бросается в глаза. Марксизм различает технологический процесс и экономическое развитие как две объективно существующие формы движения. Тов. Кон в зависимости от избираемой им точки зрения «видит» то одну, то другую сторону единого объекта. Тов. Кон делает ошибку, аналогичную ошибке т. Бессонова, смешивая исходный пункт политической экономии — «общественно-обусловленное производство индивидов» (Маркс) — с естественно-обусловленным процессом труда (технология).

⁷ «Проблемы экономики» № 4—5, с. 210.

⁸ «Проблемы экономики» № 6, с. 94.

По поводу такого оперирования «точками зрения» Ленин в своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина замечает: «Субъективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому „интересно“, а в том, что есть независимо от человеческого сознания»⁹.

Дискуссия отчетливо обнаружила всю несостоятельность и механистический характер положений, выдвинутых тт. Коном, и, Бессоновым и др. Непримиримая критика их механистических взглядов совершенно необходима, так как допущенная ими система ошибок непосредственно смыкается с антидиалектической концепцией т. Бухарина.

Эти ошибки тем более опасны, что мы имеем за последнее время попытки возрождения явной богдановщины (после Дашковского и Шабса — Кажалов и Финн-Енотаевский).

Заявления тт. Бессонова и Кона¹⁰, каковы бы ни были их желания, отнюдь не могут быть признаны достаточными. Заявляя теперь о своей борьбе на два фронта, эти товарищи до сих пор не поняли, что их ошибки и есть механистические ошибки и что в своих взглядах они примыкают к механистическому фронту. Они до сих пор не видят механистических тенденций в политической экономии.

Об этом свидетельствует выпущенный ими в самое последнее время сборник «Рубинщина или марксизм», не только повторяющий основные ошибки тт. Кона и Бессонова, но в ряде случаев усугубляющий их.

Решительный отказ названных товарищей от всех допущенных ими ошибок и вскрытие методологических основ этих ошибок настоятельно необходимы для преодоления механистического направления в политической экономии.

Вульгарно-механистические извращения Маркса—Ленина т. Бухариным и его учениками (Марецкий, Айхенвальд и др.) представляют собой серьезнейшую опасность в теоретической экономии, ибо они неизбежно ведут к правооппортунистическим выводам в области политики и теории советского хозяйства—главной опасности в рядах нашей партии.

Разоблачение антидиалектической концепции т. Бухарина отнюдь не может считаться законченным. Больше того, в ряде случаев это разоблачение только начинается (философские работы и работы по теоретической экономии). Отсюда вытекает настойчивая необходимость со всей энергией продолжать критику механистической теории и борьбу с оппортунистическими ошибками т. Бухарина в вопросах советского хозяйства и современного империализма. Не менее решительно должно разоблачаться и прикрытие этих ошибок т. Бухарина и примиренческое к ним отношение.

Признание рядом товарищей генеральной линии партии и активная ее защита от правооппортунистических извращений наряду с допущенной ими системой механистических ошибок (Кон, Бессонов и др.) не может рассматриваться иначе, как величайшая непоследовательность.

Однако грубейшей ошибкой было бы думать, что ревизия основ марксистско-ленинского учения идет только по линии их извращения

⁹ «XI Ленинский сборник», с. 385.

¹⁰ См. «Проблемы экономики» № 10—11.

со стороны механистов. В условиях обостренной классовой борьбы, выкорчевывания корней капитализма, бурной социалистической переделки всего общественного строя страны, в условиях капиталистического окружения и дальнейшего развития кризиса мирового капитализма, социально-чуждые и враждебные делу пролетариата элементы в стране питают как механистическую так и прямо идеалистическую ревизию учения Маркса—Ленина. Поэтому борьба с механистической опасностью никоим образом не должна ослабить борьбу с опасностью откровенных идеалистических извращений марксизма. И было бы грубейшей ошибкой в какой бы то ни было мере забывать марксистам-ленинцам эту первейшую обязанность борьбы с теорией идеализма во всех ее проявлениях и направлениях.

Решительная борьба с последними тем более необходима, что они возведены в систему идеологами мировой социал-демократии (К. Каутский, М. Адлер, К. Реннер, Р. Гильфердинг, Отто Бауэр и др.) и способствуют успеху непримиримых врагов марксизма, теоретиков буржуазной «социальной школы», выросшей на основе неокантианского идеализма (Аммон, Штольцман, Петри).

Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И. П. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гнущего капитализма И. П. Рубин ставит выше объективного научного анализа классиков политической экономии. Он считает «социальное направление» «многообещающим», находит в нем идейное «теоретическое» средство с марксизмом, приветствует то, что теоретики социальной школы ищут «новых путей» для экономической науки, сочувствует их стремлениям, выражает им свою «признательность», считает работу Штольцмана, Аммона, Петри «плодотворной»¹¹.

Оставаясь на позициях международного меньшевизма И. П. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И. П. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И. П. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И. П. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям, лишь прикрывает марксистской терминологией их антимарксистское, антиреволюционное, неокантианское содержание. Работы И. П. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики (социалистическое строительство) и противоречий мирового империализма (проблемы мировой революции). Не может быть ортодоксальной разработки общих теоретических проблем при антиреволюционной общеполитической линии¹².

Превосходство Маркса над классиками И. П. Рубин видит не в том, что «Маркс применил диалектику Гегеля в ее развитой форме (т. е. материалистическую диалектику—В. М. и В. Б.) к политической

¹¹ И. П. Рубин, *Современные экономисты на Западе* (предисловие).

¹² В этой связи следует считать совершенно правильным решение экономического отделения ИКП о И. П. Рубине (см. «Правда» от 2 февраля 1930).

экономию» (Ленин), а в анализе капиталистического хозяйства с новой «социологической точки зрения». Важнейший результат исследования Маркса—выкрытие за вещными категориями, экономическими формами вещей производственных отношений людей и классовых противоположностей—остается поэтому фактически вне поля зрения И. И. Рубина. Он не видит, что сущность метода Маркса при изучении капитализма заключается в рассмотрении капиталистической формации как естественно-исторического процесса. И. И. Рубин не понимает, каким образом Маркс выводит экономические формы вещей из специфически-общественного строя производства, из таких производственных отношений, существование которых не только «не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит»¹³.

Не случайно Рубин отрицает материальность абстрактного труда. «Абстрактный труд, образующий стоимость,—говорит он,—должен быть понят как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи»¹⁴. Это понимание социального показывает антимарксистский, антидиалектический характер всей концепции И. И. Рубина. По Марксу, абстрактный труд существует лишь в товарном хозяйстве, в котором равенство труда, как затрата одной и той же физиологической однородной человеческой рабочей силы, выступает как специфически общественная форма труда. Лишь в товарном хозяйстве это равенство труда становится общественной формой труда, т. е. абстрактным трудом. По И. И. Рубину, абстрактный труд есть не действительное объективное равенство труда, а лишь вещное выражение равенства товаропроизводителей как автономных субъектов хозяйства¹⁵.

Именно здесь коренится отрыв формы от содержания, который характерен для И. И. Рубина и который находится в непримиримом противоречии с методом Маркса—Ленина. Стремясь скрыть это противоречие и примирить свою теорию с Марксом, И. И. Рубин объявляет содержание стоимости то историческим, то неисторическим, в зависимости от подхода, от точки зрения: с «точки зрения» анализа содержанием стоимости объявляется, по Рубину, общечеловеческий труд—надисторическая материальная категория, с «точки зрения» синтеза абстрактный труд—историческая социальная категория. Рубин разрывает таким образом единство диалектического метода Маркса. Крайне характерно, что именно в этом вопросе с И. И. Рубиным солидаризируется т. Кон. Идеалистические тенденции Рубина неизбежно влекут за собой отказ от марксовой диалектики, несмотря на словесное признание ее.

Вопреки И. И. Рубину и т. Кону никакого разрыва у Маркса между анализом и синтезом нет. Конечный пункт анализа Маркса и исходный пункт его синтеза один и тот же. Отрыв синтеза от анализа свойственен кантианцам, а не диалектическому материализму. Анализ и синтез взаимно предполагают друг друга. Диалектический метод «на каждом шагу своего движения действует одновременно и аналитически и синтетически». Эта характеристика Гегеля одобрена Лениным заметкой: «Великолепно»¹⁶.

¹³ См. В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 2-е, с. 39.

¹⁴ См. И. И. Рубин, Очерки, изд. 3-е, с. 149—150.

¹⁵ Там же, с. 98 и 111.

¹⁶ «XI Ленинский сборник», с. 307.

Противоречие между формой и содержанием, являющееся движущей пружиной развития не отрицает, а предполагает их единство: никакого отрыва формы от содержания марксизм не допускает. Содержание не бесформенно. Это — оформленная материя. Форма содержательна¹⁷.

И форма и содержание историчны. Форма активна. Приоритет содержания ограничивает активность каждой данной формы определенной исторической ступенью развития содержания. По мере этого развития, противоречие между формой и содержанием растет. Из условия развития форма превращается в его оковы и «отвергается» содержанием. Лишь новая форма, возникающая на основе изменения самого характера содержания, создает условия для его дальнейшего развития. Только на этой основе можно понять диалектику производительных сил и производственных отношений, рост противоречий между ними, ведущий в классовом обществе к социальной революции. Никакой другой «точки зрения» диалектический материализм не знает.

Отрывая содержание от формы, И. И. Рубин уничтожает возможность материалистического их понимания, ставя форму над содержанием. Он выводит характеристику производственных отношений из особенностей правовой организации, относя право непосредственно к характеристике экономической структуры. «Отсутствие внеэкономического принуждения, организация трудовой деятельности отдельных лиц не на началах публичного права, а на началах права частного и так называемого свободного договора, есть характернейшая черта экономической структуры современного общества. Отсюда и основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами, форма обмена, приравнивания обмениваемых стоимостей»¹⁸. И так, по мнению И. И. Рубина, не экономическая структура общества определяет и характеризует его право, а право определяет («отсюда») и характеризует экономическую структуру. Он рассматривает капиталистическое производство как бесформенный процесс, к которому форма присоединяется извне, из процесса обмена¹⁹.

И. И. Рубин видит внутри отдельного предприятия, в процессе непосредственного производства только технические «организованные отношения» (см. главу II «Очерков»). Общественные производственные отношения, характеризующие капиталистический способ производства как специфическую общественно-экономическую формацию, он переносит в сферу рыночных отношений между предприятиями, в сферу обращения. В результате производственные отношения, отождествляемые И. И. Рубиным с отношениями купли и продажи, выступают только как отношения «владельцев вещей», как отношения равноправных субъектов хозяйства, а «не как» отношения товаропроизводителей²⁰. На основе этого противопоставления отношений обмена отношениям производства затушевываются далее отношения эксплоатации. Недаром И. И. Рубин берет термин «классовые» при характеристике производственных отношений в кавычки²¹.

¹⁷ Форма «содержит внутри» себя устойчивое существование или материю как одно из своих определений. Таким образом (как внутреннее строение. — В. М. и Б. Б.) форма есть содержание, а в своей развитой определенности она есть закон явления» (Гегель, Соч., т. I. с. 223).

¹⁸ «Очерки», изд. 3-е, с. 98 (Разрядка наша — В. М. и Б. Б.).

¹⁹ Там же, с. 18.

²⁰ Там же, с. 16. 30 и др.

²¹ И. И. Рубин, Современные экономисты на Западе, с. 188 — 189.

И. И. Рубин грубо извращает соотношение производства и обмена в экономической системе Маркса. Он игнорирует бесспорное марксистское положение, что экономическая структура определяется отношениями людей в процессе производства, и заявляет, что «предмет марксовой теории стоимости» составляет «исследование процесса обмена, его общественной формы и его связи с производством товарного общества»²². На самом деле форма производства определяет форму обмена. Процесс товарного производства включает в себя необходимость частного обмена для движения общественного воспроизводства. Капиталистическое воспроизводство сверх того включает и необходимость купли-продажи рабочей силы. Это—моменты самого процесса производства.

Ошибочная трактовка И. И. Рубиным проблемы производительного труда представляет собой явную ревизию учения Маркса. Отход от марксизма в этом вопросе широко открывает двери всякого рода современным буржуазным теориям распределения, исходящим из признания производительными всех видов «труда», выполняемого буржуазией и ее помощниками в деле присвоения прибавочной стоимости. В применении к советской экономике антимарксистская трактовка проблем производительного труда служит базой для ряда враждебных нашей партии теоретических концепций, совершенно извращающих характер, перспективы и задачи нашего хозяйственного строительства.

Своими комментариями смазывая качественное различие между простым товарным хозяйством и капитализмом, И. И. Рубин извращает отношение между развитием экономических категорий в системе Маркса и действительным историческим развитием. Простое товарное хозяйство объявляется только надуманной логической схемой, только абстрактной капитализма и перестает быть для И. И. Рубина исторической ступенью в развитии капитализма, его первой эмбриональной, зародышевой формой. Отрыв логического хода исследования от исторического хода развития явно противоречит многочисленным высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина. Этот отрыв смазывает момент возникновения капитализма и его гибели, ведет к вытравливанию из марксистской теории ее революционно-преобразующего смысла.

Вся концепция И. И. Рубина отличается тем, что у него социальное, общественное не берется как классовое. Концепция И. И. Рубина, в которой выхолощено боевое революционное классовое содержание, не может не служить на деле интересам чуждых и враждебных пролетариату слоев. В этом антимарксизм и антиреволюционность И. И. Рубина.

Центральный орган партии «Правда» своевременно и правильно выдвинул задачу борьбы на два фронта (см. «Правда», № 234, от 10 октября 1929 г.).

Борясь против механизма, нельзя забывать «рубинизма». и Смазывать актуальность критики ревизионистской концепции И. И. Рубина было бы глубочайшей ошибкой. Не следует упускать из виду нить, связывающую взгляды И. И. Рубина с австро-марксистами, с теорией социализации через обращение. По этой линии концепция И. И. Рубина представляет богатый питательный источник для меньшевизма. Извращения марксизма не являются и не могут быть «нейтральными». Из них могут и должны неизбежно вытекать антиреволюционные, меньшевистские тенденции.

²² См. «Очерки», с. 96.

Партия развернула невиданную активность в среде пролетариата, на основе нового способа производства, нового отношения рабочих «к дисциплине труда» (Ленин), на основе их отношения к средствам производства как к достоянию всего рабочего класса. Новые производственные отношения на предприятиях социалистического типа в городе и деревне ускорили развитие производительных сил нашей страны. Активность производственных отношений доказана на практике невиданным при капитализме темпами роста нашего хозяйства. В итоге — вслед за полным разоблачением авантюризма троцкистской политики сверхиндустриализации и троцкистской теории, утверждающей невозможность построения социализма в нашей стране, — бит жизнью правый уклон и окончательно добиты троцкистско-меньшевистские теоретические построения.

Для коммунистов-экономистов должен быть ясен ревизионистский, меньшевистский характер взглядов И. И. Рубина, его неспособность стать на путь классового анализа экономических отношений, антимарксистский характер его учения. Решительная борьба со взглядами И. И. Рубина является настоятельно необходимой, ибо они закрывают путь к марксистско-ленинскому пониманию нашего развития. Защита же их в какой бы то ни было форме со стороны коммунистов есть полный разрыв с марксизмом.

Игнорировать меньшевистскую опасность на том основании, что в партии выступает ревизионизм преимущественно механистического порядка, значит выпускать из поля зрения страну в целом, в которой меньшевизм представляет силу, враждебную марксизму. Недооценка рядом товарищей идеалистической меньшевистской опасности в дискуссии, свидетельствует о том, что они не сумели занять правильную позицию борьбы на два фронта. Односторонняя борьба против механистических тенденций («антибухаринизм») или односторонняя борьба против рубинщины («антирубинизм») явно не достигает цели. Глубоко ошибочно изображать И. И. Рубина борцом за ортодоксальный марксизм против ревизионизма механистов и против «социального направления», принимать некритически, с ничтожными оговорками ряд его теоретических положений как строго марксистские (см. сборник «Против механистических тенденций» и т. д., под редакцией тт. Борилина и Леонтьева, статьи тт. Греблиса, Коровая, Степанова и Г. Деборина).

Группа товарищей (Борилин, Леонтьев и др.) правильно выступила против механистической опасности, что следует поставить им в бесспорную заслугу. Однако не поняв антимарксистского, антидиалектического, антиреволюционного характера работ И. И. Рубина, эти товарищи давали в корне ошибочную положительную оценку его работ (см. ряд мест в «Сборнике против механистических тенденций», с. 9, 10, 57, 129) и тем самым стали на ошибочную эклектическую позицию, объективно способствуя распространению теоретических взглядов И. И. Рубина, затрудняя борьбу на два фронта, которую правильно вел ряд товарищей.

В односторонней борьбе против механистов некоторые товарищи разделяли ряд немарксистских положений И. И. Рубина об абстрактном труде, об отношении производства и обмена, его определение предмета политической экономии, отождествление производительных сил с материально-технической стороной производства, с технологическим процессом. В последнее время эти товарищи под напором кри-

тики начали отходить от неправильной позиции, признав у И. И. Рубина систему идеалистических ошибок, однако это сочеталось у них с утверждением, что для И. И. Рубина характерны не извращения марксизма, а в основном правильная интерпретация Маркса—Энгельса. Тем самым эти товарищи впадали в явную непоследовательность и эклектизм.

Единство взглядов экономистов-коммунистов может быть выработано только в борьбе на два фронта, исключающей примиренческое отношение к механистическим и идеалистическим меньшевистским тенденциям в политической экономии. Всякие попытки выработки положительных взглядов на затронутые в дискуссии вопросы вне такой борьбы осуждены на неудачу и ведут к эклектизму.

Только на этой основе, но никак не на основе беспринципного сговора по лозунгу «единство ради единства», консолидация партийных сил в области политической экономии пойдет быстрым темпом, и непроизводительные издержки дискуссии будут сведены к минимуму. Следует положить конец теоретическому разброду. Коммунистическая академия должна стать действительным центром, собирающим партийные силы для теоретической разработки современных экономических проблем. Экономисты-коммунисты должны помочь как плановым органам в деле поднятия плановой работы на должную научную высоту, так и нашим руководящим хозяйственным органам (ВСНХ, НКЗ, НКПС, НКторг и др.) в деле разрешения стоящих перед нами задач социалистического строительства. Научное обоснование социалистического строительства, планирования и практического его осуществления должно иметь в своей основе правильно понятую марксистско-ленинскую теорию общественного развития.

Экономисты-коммунисты должны преодолеть вредную тенденцию отрыва теории от практики. Проблема советской экономики должна стать во главу угла дальнейшей работы теоретической экономии. Вместе с этим необходимо углубить теоретическую разработку проблем послевоенного империализма. Следует радикально изменить то положение, при котором теоретическая работа сильно отстает от всего нашего строительства. Лишь в этом случае политическая экономия останется той «действительной теорией», которая, по словам т. Сталина, «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела».

О Т Р Е Д А К Ц И И

Редакция полностью разделяет основные положения настоящей статьи, публикуемой одновременно в ряде других журналов.

Исходя в основном из тех же положений и считая неправильными установки как тех авторов, которые развивали в том или ином виде механистические тенденции в политической экономии, примыкающие к теоретическим взглядам т. Бухарина, так и тех авторов, которые в той или иной форме защищали концепцию И. И. Рубина, редакция помещала такого рода статьи в специальном дискуссионном отделе («Трибуна»). Следует однако отметить допущенные нашим журналом по недосмотру редакции отдельные ошибки, напр., помещение в редакционном порядке статей вроде «Несколько замечаний о теории „организованного капитализма“», хотя и направленных против теоретических взглядов представителей правого уклона, но фактически критиковавших их с бухаринских же позиций.

Редакция особо подчеркивает правильность развиваемого в статье положения о необходимости для экономистов-коммунистов перенести центр тяжести своей работы на проблемы советской экономики и империализма.

АМЕРИКАНСКОЕ «ПРОЦВЕТАНИЕ» В СВЕТЕ ВСЕОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА ¹

I

«Вся мировая история вступила в новый фазис своего развития, в фазис длительного общего кризиса капиталистической системы» (программа Коминтерна). Это есть самое основное и решающее в послевоенной экономике, накладывающее свой отпечаток на всю динамику мирового хозяйства и на важнейшие явления в нем. В отдельных странах всеобщий кризис капитализма проявляется далеко не с одинаковой силой и не в равных формах. Неравномерность капиталистического развития имеет своим следствием и неравномерность в распространении кризиса капиталистической системы. Но отсюда еще не вытекает, что какая бы то ни была капиталистическая страна в мире может оказаться вне сферы действия этого кризиса.

Вся оппортунистичность теории «исключительности», которую развивают американские правые, в том и заключается, что САСШ рисуются, как страна цветущего капитализма, не охваченная теми глубочайшими противоречиями, в которых проявляется всеобщий кризис.

Ошибки правых этим не ограничиваются. Они грубо переоценивают роль САСШ в мировом хозяйстве, скатываясь на позицию Троцкого, сформулированную в крылатой фразе о Европе, посаженной на американский паек. Пеппер это выразил особенно четко, заявив, что «экспорт капиталов из Америки служил и продолжает служить основой стабилизации капитализма в Европе» ². Такой взгляд не имеет ничего общего со взглядами Коминтерна, который указывает, что «буржуазия достигла частичной стабилизации капиталистических отношений» прежде всего «на основе... поражений» пролетариата ряда стран, которые «являются в первую очередь результатом предательской тактики социал-демократических вождей и реформистских лидеров профессионального движения, а также результатом того обстоятельства, что за коммунистами не было еще большинства рабочего класса, а в ряде важнейших стран не существовало еще коммунистических партий вообще» ³. По мнению Пеппера более существенным, чем эти

¹ Статья является главной коллективной работой «Кризис в САСШ», выходящей под редакцией автора и др. в издательстве «Московский рабочий». Этим объясняется, что ряд проблем, неразрывно связанных с трактуемой темой, в том числе относящиеся к характеристике текущего кризиса, оставлены без рассмотрения—Л. М.

² «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», т. I, с. 169.

³ «Программа Коминтерна».

моменты, являются американские кредиты Европе. Но если последние стабилизировали европейский капитализм, если, с другой стороны, «американский империализм располагает еще громадными ресурсами и потенциальными возможностями дальнейшего роста» (Пеппер)⁴, то почему бы САСШ в своем подъёмном движении не увлечь за собой всю Европу? Отрицание значимости всеобщего кризиса для САСШ вместе с переоценкой роли последних в мировом хозяйстве неразрывно сопряжено, если быть последовательным, с признанием незыблемости капиталистической стабилизации и возможности преодоления капитализмом кризиса системы. Попытки правых спастись от этого вывода ссылкой на неизбежность обострения противоречий между САСШ и Европой бесплодны, ибо если американский империализм имеет неисчерпаемые ресурсы и возможности роста, если его внутренний рынок, как полагает Ловстон, «почти неограничен», то непонятно, чем питается растущая агрессивность САСШ в борьбе за рынки.

Отсюда необходимость анализа экономики САСШ, в частности наступившего кризиса в аспекте противоречий всеобщего кризиса капиталистической системы. Сама констатация промышленного кризиса в этом отношении говорит еще очень мало. Она опрокидывает, правда, теорию «организованного» капитализма, наглядно подтверждая, что даже для САСШ, где влияние монополий особенно велико, остается верным указание Ленина на то, что уничтожение кризисов картелями — это сказка буржуазных экономистов. Наступление кризиса ударяет и по «теории» перманентного «просперити» (расцвета) американского капитализма, блестяще подтверждая теорию Маркса, по которой «просперити» есть лишь фаза цикла, на которой производство достигает своего высшего уровня, но одновременно чрезвычайно возрастают все противоречия капитализма, ведя к неизбежному их взрыву. Но кризисы имманентны капитализму на всем протяжении его движения, как господствующей системы. Наступление экономического кризиса само по себе еще не является аргументом в пользу признания подверженности САСШ действию кризиса капиталистической системы.

Характеризуя сущность промышленных кризисов, Энгельс писал: «Во время кризисов противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением переходит в жесточайшее столкновение двух враждебных сил... Экономические противоречия доходят до своего апогея, — способ производства восстает против способа обмена... Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же созданных производительных сил»⁵.

Энгельс подчеркивает, что уже в обычном кризисе происходит взрыв коренных противоречий капитализма, тех самых, которые, в конечном счете приводят к гибели системы. И все же периодические кризисы и всеобщий кризис качественно глубоко отличны, ибо степень усложненности, объем, длительность и напряженность противоречий в первом случае таковы, что противоречия разрешаются на основе и в пределах капиталистического способа производства, во втором же — они приводят к гибели последнего.

⁴ Там же, с. 171.

⁵ Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, под редакцией Д. Рязанова, изд. 2-е, с. 260 — 261.

Промышленный кризис — критическая фаза капиталистического цикла, внешним проявлением которого служит кривая конъюнктуры. Цикличность же — форма движения капиталистического процесса производства. Поскольку всеобщий кризис охватывает длительный период времени, постольку на его протяжении сохраняются и конъюнктурные колебания, составными элементами которых являются периодические кризисы. Но всеобщий кризис не может не наложить своего отпечатка на характер конъюнктурной кривой, ибо последняя отражает все специфические противоречия процесса воспроизводства. Именно поэтому цикл не может быть «нормальным» в смысле своего полного сходства с довоенным. Теория «нормальности» цикла и конъюнктурных колебаний на деле исключает признание всеобщего кризиса системы. Это отлично понимают все оппортунисты, и недаром американские правые утверждают: «Паника на Уол-Стрит явилась результатом не ослабления американского империализма, а следствием силы последнего»⁶. Этот тезис означает, что налицо обычный кризис, в котором мы не найдем никакого отражения упадка капиталистической системы.

Но в том-то и дело, что здесь желанное принимается за данное. Фактически всеобщий кризис деформировал капиталистический цикл. Это не означает впрочем в коей мере ослабления разрушительной силы кризиса. Деформация заключается прежде всего в том, что капитализм сейчас уже не способен осуществить всеобщность подъема. Послевоенный период не знает мировых конъюнктурных подъемов; даже в моменты наиболее благополучного состояния конъюнктуры целые страны оставались в состоянии депрессии. Но всеобщности подъема мы не имеем и в отдельно взятых странах, не исключая САСШ. Отдельные важнейшие сферы и отрасли находятся в состоянии депрессии даже в моменты наивысшего напряжения конъюнктуры. Конъюнктурные колебания не исключены и на этих перманентно-депрессивных участках мирового хозяйства, но это лишь колебания в интенсивности депрессии. Такова конъюнктура Англии и таких отраслей, как мировая угольная промышленность, хлопчатобумажная и т. п. Энгельс гениально предвидел этот тип конъюнктуры, когда он писал: «С тех пор, как рыночная монополия Англии стала все более и более падать, благодаря участию Франции, Германии и особенно Америки в мировой торговле, видимо, стала нарождаться и некоторая новая форма компенсации: период всеобщего процветания, предшествующий обыкновенно кризису, все еще не наступает; а если он и вовсе не наступит, то хронический застой обратится в нормальное состояние современной индустрии, допускающее лишь незначительные колебания»⁷.

Кризисы наступают до того момента, когда подъем перерастает во всеобщий. Их острота растет, и они потрясают капиталистическую систему с большей силой. Четкость некоторых фаз цикла ослабляется, правда, в различных странах далеко неодинаково. Продолжительность цикла меняется, причем один цикл в этом отношении непохож на другой. Ряд моментов, которые были в довоенном капитализме типичными лишь для периода низкой конъюнктуры — высокая

⁶ «Revolutionary Age», орган группы Ловстона, 15/XI 1929 г.

⁷ Из Предисловия Энгельса к «Нищете философии», русский перевод Ульриха, СПб, «Библиотека просвещения» с. XIX.

безработица, огромная недогрузка производственного аппарата и т. п. — омрачают сейчас экономический горизонт и в условиях оживления и подъема.

Всеобщий кризис меняет лицо конъюнктурного цикла, ибо он определяет общие условия воспроизводства, формой движения которого является цикл. В САСШ в связи с глубокой неравномерностью капиталистического развития действие всеобщего кризиса, а вместе с тем и деформация цикла гораздо слабее, чем в решающих странах Европы. Все же понять особенности и значение разразившегося американского кризиса можно, лишь проанализировав, в какой мере экономика САСШ в послевоенные годы находилась под воздействием кризиса капиталистической системы.

II

Для капитализма эпохи всеобщего кризиса типично резкое замедление роста промышленности. Падающие темпы характерны и для довоенного капитализма, но в послевоенный период они достигают такого низкого уровня, что наглядно показывают, в какие оковы превратился капиталистический способ производства для роста производительных сил. Огромные темпы Советского Союза это особенно ярко иллюстрируют. «Загнивание», типичное для империализма, тем самым принимает более острые формы. Оно отнюдь не означает приостановки процессов расширенного воспроизводства: на отдельных участках накопление может идти даже быстрее, чем раньше, — но в огромной степени вырастают ножницы между потенциальными материально-техническими возможностями роста и реальными темпами, доступными капитализму при низком жизненном уровне, на который им обречены основные массы человечества. Ряд важнейших отраслей промышленности наталкивается в своем развитии на непреодолимые трудности расширения сбыта и вынужден в течение длинного ряда лет совершать бег на месте. Огромная масса производительных сил растрачивается оттого, что капитализм не в состоянии обеспечить достаточную нагрузку наличного производственного аппарата. Капиталистические отношения оказываются все более тесными для вызванных ими к жизни производительных сил, возможности дальнейшего развития последних на капиталистической основе оказываются все более ограниченными, а отсюда резкое обострение всех противоречий капитализма, типичное для периода его упадка.

Исходя из теории «исключительности», правые оппортунисты склонны признать верным это положение для всех стран, кроме САСШ. Ловстон поэтому резко возражал на VI Конгрессе против тезиса, в котором указывается, что «снижение темпа роста производства совершенно ясно выявилось»⁸. Ему вторит Пеппер, считающий, что налицо не только «исключительно быстрый рост американского империализма», «небывалый темп роста его экономической мощи», но что этот темп сохранится и впредь, ибо возможности и ресурсы роста колоссальны⁹.

⁸ „Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна“, т. I, с. 473.

⁹ Там же, с. 169, 170, 172.

Обратимся к цифрам и фактам, чтобы проверить, в какой мере эта философия соответствует объективной действительности.

Индексы промышленной продукции за 1929 г. ¹⁰ в % к 1913

САСШ обрабатывающ.	170	Франция	139
„ добывающ.	161	Германия	107
		Англия	100

Данные отчетливо вскрывают резкое обострение неравномерности развития современного капитализма. За 16 лет продукция английской промышленности не дала ни одного процента прироста, а продукция германской индустрии выросла лишь на 7%, причем следует учесть, что уровень 1929 г. является рекордным за послевоенный период. Сдавленные железными тисками всеобщего кризиса решающие страны европейского капитализма переживают застой, гниение на корню. В этом именно и заключается особая глубина неравномерности развития, ибо до войны все страны давали систематический рост производства, — различались лишь темпы этого роста.

Прирост в 60—70% в САСШ кажется в этих условиях колоссальным. Но это «процветание» САСШ носит сугубо относительный характер. Маркс как-то писал, что на плоских равнинах буржуазной мысли всякая кочка выглядит горой. Это замечание в перефразированном виде применимо и в данном случае. Успехи САСШ кажутся огромными, ибо масштабом служит старческий, граничащий в отдельных случаях с параличом шаг умирающего капитализма. Эти успехи подчеркивают всю неравномерность в интенсивности кризиса капиталистической системы. Англия имеет все основания завидовать американским темпам. Но дела капитализма действительно печальны, если в богатейшей стране мира он не может обеспечить большего роста продукции, чем 3—4% в год. Только безнадежный оппортунист может называть это «процветанием» и толковать об «исключительно быстром росте».

Темпы САСШ не только низки абсолютно. Вопреки Ловстону, они проявляют и до и после войны неуклонную тенденцию к снижению.

ТЕМПЫ РОСТА ПРОМЫШЛЕННОСТИ САСШ ¹²

Г О Д Ы	Механич. двигатели ¹¹	Здания и сооруже- ния ¹²	Продукция			
			Вся об- рабатыв. промы- шлен.	Сталь	Уголь	Авто- мобили
1899—1903	6,0	7,0	5,5	10,9	10,2	—
1904—1908	6,7	6,0	4,4	9,4	3,1	42,2
1909—1913	3,7	3,6	3,7	6,0	6,5	49,5
1914—1918	5,6	0,3	3,9	7,6	3,5	31,0
1919—1923	2,9	8,1	3,1	1,9	—	16,9
1924—1927/9	4,3	4,4	3,1		—	4,7

¹⁰ САСШ за 11 месяцев. Германия и Франция за 10 месяцев.

¹¹ Среднегодовые, среднегеометрические. Сопоставляются годы с максимальной продукцией двух пятилетий.

¹² Обрабатывающая промышленность.

Рост продукции обрабатывающей промышленности САСШ составлял в среднем ¹⁸ 4,5% в 1899—1913 гг. В годы «небывалого» военного подъема он упал до 3,9%. Вывод, что война дала снижение темпов, несколько не опорочивается тем, что последние довоенные годы, ряд которых был отмечен депрессией, дают темпы ниже военных. Ибо, чтобы установить средний темп, нужно взять по крайней мере отрезок не меньший, чем «нормальная» длительность довоенного цикла.

Явное снижение темпов роста дает наряду с продукцией и производственный аппарат. В нашем распоряжении два показателя размеров последнего: индекс стоимости промышленных строений и сооружений и мощность механических двигателей. Первый из них в своем движении весьма точно отражает и изменения в стоимости машинного оборудования промышленности, как это подтверждается следующими цифрами:

Индекс стоимости:	1899	1914	1918	1922
пром. зданий	100	221	225	285
пром. оборудования	100	222	230	296

Стоимость машин растет несколько быстрее стоимости зданий, но не настолько значительно, чтобы это могло серьезно отразиться на характере темпов кривых.

Ежегодный прирост мощности механических двигателей в годы войны (5,6%) равен темпу последних довоенных 30 лет. Относительно высокий темп объясняется двумя обстоятельствами: а) острым недостатком рабочей силы в годы войны, который стимулировал процессы механизации и рост двигательной силы промышленности; б) направлением новых инвестиций в годы войны почти исключительно в отрасли тяжелой индустрии с наиболее высоким органическим строением капиталов. И все же, несмотря на эти условия, особо благоприятствовавшие росту силового аппарата промышленности, темп этого роста в годы войны отнюдь не был рекордным, сильно уступая хотя бы темпам за 1899—1909 годы.

Отрицательное влияние войны особенно ярко сказалось на динамике стоимости промышленных зданий и машинного оборудования. Если в 1899—1914 гг. среднегодовой темп их роста составлял 5,4% и 5,5%, то в 1914—1918 гг. он упал до 0,4 и 0,8%. Характерно, что площадь пола строившихся в годы войны промышленных зданий была выше, чем во все последующие годы. Но все эти постройки были, в основном, временного порядка, не означавшие реального увеличения основных фондов. Что же касается машин, то темп их изнашивания в военных условиях, когда очень значительная часть оборудования использовалась в результате мобилизации промышленности не по прямому назначению, был так высок, что общий прирост был ничтожен.

Таким образом темп роста промышленности САСШ в годы войны был ниже довоенного. И когда в итоге войны роль американского производства в мировом хозяйстве резко возросла, то причины этого лежат не в особой интенсивности военного подъема в САСШ, а в прямом разрушении войной производительных сил Европы.

¹⁸ Среднегодовые проценты прироста здесь, как и везде, взяты нами среднегеометрические.

Кризисе 1920/21 г. подвел окончательные итоги военному «расцвету». Пришлось расплачиваться жесточайшими потрясениями хозяйственного организма за полученную возможность в течение 4 лет перегонять кровь народов в звонкие доллары. Но после бури началась новая полоса, которую официальные и неофициальные апологеты американского капитализма называют не иначе, как эрой «процветания», т. е. «процветания». Чтобы не компрометировать американское «процветание», Ловстон категорически отрицает факт падения темпов промышленного роста в этот период. Но даже по сугубо оптимистическому отчету комиссии Гувера среднегодовой рост продукции обрабатывающей промышленности составляет за 1922—1927 гг. не больше 4%⁰. До войны же прирост составлял и 4,5%⁰. Но почтенные профессора, составившие этот отчет, допустили статистическую вольность, взяв за исходный пункт сравнения 1922 г., когда начался подъем 1923 года, подготовленный предшествовавшими четырьмя годами кризиса и застоя. Выбросив эти годы, они естественно, получили более высокий темп. Методологически же правильное для исчисления темпа брать или выравненную кривую («тренд») или верхние точки циклов. Максимальную продукцию для цикла, завершившегося кризисом 1920 г., дал 1917 г. Сопоставив ее с продукцией 1929 г., которая является послевоенным максимумом, получаем 2,8%⁰ прироста в год. Но если взять даже только 1923—1929 гг., отбросив первые послевоенные застойные годы, получаем прирост 3,1%⁰ в год. Это на 20%⁰ меньше, чем в годы войны, и почти в полтора раза меньше, чем в 1899—1913 гг. Разве не прямой апологией капитализма является игнорирование этих фактов и отрицание падения темпов?

Те же результаты мы получаем, анализируя динамику основного капитала. Прирост двигателей промышленности в 1919—1927 гг. составил в год лишь 3,6%⁰ против 5,5%⁰ в предшествующий период. Стоймость промышленных зданий дала резкий скачок в первые послевоенные годы, когда заполнялся военный провал в строительстве. Но затем темп роста упал, дойдя в 1923—1927 гг. до 4,4%⁰ в год против 5,5%⁰ в 1899—1914 годах.

Для дополнения общей характеристики движения темпов следует отметить, что снижение их во время войны по сравнению с довоенным периодом и дальнейшее их падение в последующие годы типичны не только для промышленности в целом, но и для большинства ее отраслей в отдельности. Не составляют исключения даже такие отрасли, как стальная и автомобильная. Выплавка стали в этом отношении особо выразительна, ибо она чутко отражает все состояние современной индустрии. Ее рост в годы войны был весьма высоким (7,6%⁰ в год), но все же ниже довоенного (1900—1913 гг. — 9%⁰). За последние же 10 лет рост выплавки стали составил меньше 2%⁰ в год, снизившись против довоенного раза в 4. Это наиболее ярко вскрывает всю вздорность буржуазных сказок о «невиданном процветании» САСШ, особенно если учесть, что целый ряд важнейших производств за этот период вообще не дал никакого роста.

По сравнению с капиталистической Европой САСШ развивает свои производительные силы с гораздо большей быстротой. Такова острота неравномерности развития современного капитализма. И все-таки темпы роста промышленности являются основной чертой послевоенной экономики САСШ. Они показывают, что имманентная капитализму тенденция к постоянному расширению производства на-

талкивается в САСШ на все большие трудности. В этом чувствуется дыхание всеобщего кризиса капиталистической системы, который накладывает все больший отпечаток на американскую экономику. Именно здесь один из узловых пунктов всех коренных послевоенных противоречий страны доллара. Здесь же нужно искать ответ на вопрос об особенностях послевоенной конъюнктуры и в частности кризиса 1929/30 г. С тем большим усердием стремятся затушевать это противоречие вульгарные апологеты капитализма, от которых не хотят отстать и правые ренегаты Коминтерна.

III

Общее замедление роста производительных сил современного капитализма — одна из важнейших причин обострения неравномерности его развития. Когда возможности экспансии сильно ограничены, конкурентная борьба не может не дойти до небывалой остроты. Одна страна пытается переложить все издержки всеобщего кризиса на другую страну, одна отрасль производства на другую отрасль, одно предприятие на другое предприятие. Менее полнокровные звенья мирового капитализма превращаются при этом в очаги постоянной депрессивности, общие противоречия современного мирового хозяйства здесь проявляются наиболее ярко. Блестящий пример — послевоенная Англия. Если взять мировое хозяйство в отраслевом разрезе, то очагами такой депрессивности являются: сельское хозяйство, угольная промышленность, хлопчатобумажная и т. п. Значимо ли все это для САСШ? Или эти проявления всеобщего кризиса типичны лишь для Европы? Посмотрим, каков рост продукции отдельных отраслей американской промышленности в 1913—1928 годах.

Индексы продукции промышленности САСШ

	Отрасли промышленности	1928 в % к 1913 — 1914
1	Искусственный шелк	6211,3
2	Автомобили	898,7
3	Каучуковая промышленность	523,2 ¹⁴
4	Электрическое машиностроение	399,5 ¹⁴
5	Алюминий	382,8
6	Сырая нефть	363,1
7	Общее машиностроение	244,4 ¹⁴
8	Бумажная и полиграфическая промышленность	192,8
9	Табачная промышленность	192,3
10	Цинк	173,8
11	Медь	173,1
12	Силикатная промышленность	172,2
13	Свинец	168,8
14	Сталь	164,5
15	Пищевая промышленность	144,1
16	Суперфосфат	138,2
17	Потребление хлопка	124,6
18	Чугун	121,9
19	Кожевенная промышленность	113,6
20	Уголь	99,9
21	Лесная промышленность	87,1
22	Горная	149
23	Обрабатывающая	157

¹⁴ 1927 г.

Таблица рисует чрезвычайно пеструю картину. Закономерности соотношения темпов проявляются в ней весьма расплывчато. Отчетливо сказывается лишь огромная неравномерность развития отдельных производств. Сильно выделяются высокими темпами так наз. «новые» отрасли. Значительный прирост дают выплавка и обработка металлов. Отстают по темпам отрасли легкой индустрии, производящие средства потребления. Только немногие отрасли находятся на уровне ниже довоенного, или близком к нему. В этом отношении состояние промышленности гораздо более благоприятно в САСШ, чем в Европе.

Все же и по этим данным можно констатировать наличие длительной депрессии в некоторых отраслях индустрии.

Эти цифры, однако, далеко не точно отражают развитие американской промышленности в послевоенный период, ибо они не элиминируют влияния войны. Чтобы выяснить фактический рост продукции отдельных отраслей в так называемую «эру процветания», сравним размеры производства в 1928/29 г. с тем максимумом, который был достигнут до кризиса 1920/21 года.

Темпы послевоенного роста промышленной
продукции САСШ¹⁵

О Т Р А С Л И	Сопоставлен- ные годы	Прирост	Средне-
		за весь период	годуш. рост
В процентах			
Искусственный шелк	1920—28	849,4	32,5
Резиновые шины	1921—29	163,6	12,9
Автомобили	1920—29	144,5	10,5
Нефть	1920—29	128,0	9,6
Электротехника	1919—27	118,8	10,3
Силикаты	1920—29	100,0	8,0
Табачная	1920—29	55,2	5,0
Бумажно-полиграфическая	1920—29	42,5	4,0
Машиностроение общее	1919—27	32,0	3,5
Алюминий	1920—28	27,7	3,1
Медь	1916—29	23,3	1,6
Свинец	1918—28	22,0	2,0
Сталь	1917—29	20,5	1,6
Чугун	1916—29	8,0	0,6
Лесная	1919—29	7,6	0,7
Пищевая	1919—29	4,3	0,4
Цянк	1917—28	3,2	0,3
Кожевенная и обувная	1919—29	1,0	0,1
Потребление хлопка	1917—28	0,7	
Каменный уголь	1918—29	-11,5	-1,1
Суперфосфат	1920—28	-23,0	-3,2
Вся обрабатывающая промышленность	1917—29	40,0	2,8

До войны каждый новый цикл приносил новые рекорды в области продукции почти всех отраслей. Но в послевоенном периоде

¹⁵ Подсчитано нами на основе данных официальной статистики. Данные за 1929 г. экстраполированы по цифрам за 9—11 месяцев и поэтому несколько преувеличены.

картина резко меняется. Ряд важнейших отраслей американской промышленности переживал в последнее десятилетие состояние застоя, не имея возможности сколько-нибудь заметно превысить или даже просто сохранить уровень продукции, достигнутый в предшествующем цикле.

Перманентная депрессивность ряда отраслей, эта типичная болезнь капитализма периода его упадка, не минула таким образом и САСШ. Пораженными оказались в основном те же секторы промышленности, что и в других странах. Это свидетельствует об общности причин, о включении САСШ в сферу действия всеобщего кризиса капиталистической системы.

Тяжелое положение ряда важнейших отраслей американской промышленности не могут отрицать даже Ловстон и Пеппер. Но они ухитрились и эти наиболее уязвимые стороны американской экономики представить, как признаки «полнокровия» и «расцвета».

«Большим местом американского империализма — говорит Пеппер, — является кризис в угольной и текстильной промышленности. Но и здесь факты показывают, что причиной этих частичных кризисов является технический прогресс»¹⁶.

Пеппер склонен признать наличие кризиса ряда отраслей, но он их оценивает как болезни «роста», а не «загнивания». Причины их он видит лишь в техническом прогрессе, игнорируя специфические противоречия послевоенного капитализма.

Мысль Пеппера почти в тех же выражениях повторяет Ловстон.

«Существуют также кризисы и в различных отраслях промышленности. Но эти кризисы — не явление упадка; они являются симптомами роста рационализации в этих производствах. В качестве примера укажу на промышленность угольную, нефтяную, текстильную»¹⁷.

Ловстон однако отличается от Пеппера тем, что для апологии американского капитализма он готов использовать доводы всякого порядка, хотя бы они и противоречили друг другу. Выдвинув утверждение, что кризис этих отраслей — продукт рационализации, он ничтоже сумняшеся тут же заявляет, что этот кризис «объясняется в настоящее время недостаточной рационализацией и подчиненным характером этих индустрий, вроде угольной, которая подчинена стальной и рельсопрокатной»¹⁸.

В своем излишнем усердии Ловстон не заметил, что одно доказательство у него исключает другое.

Нет сомнения, что положение ряда отраслей промышленности было ухудшено техническими сдвигами последнего периода. Так например, угольная промышленность сильно страдает от конкуренции нефти и водной энергии, с одной стороны, и успехов в области экономии топлива, с другой. С 1913 по 1927 г. доля угля во всех источниках механической энергии упала в САСШ с 84 до 64% при общем их росте на 39%. Коэффициент полезного действия угля был повышен за послевоенный период¹⁹ на 12% в выплавке чугуна, на 26% на железных дорогах и на 42% на электростанциях общественного пользования. Все это сужает рынки экспансии угольной

16) «Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна,» т. I, с. 171.

17) Там же, с. 474.

18) Там же, с. 475.

19) 1919—1927

промышленности. Но ведь и до войны процесс повышения коэффициента полезного действия топлива был весьма интенсивен, и все же добыча угля быстро росла. Что же касается новых источников энергии, то рост их происходит в значительной мере за счет сфер, углю недоступных. Если бы темпы роста всей американской промышленности не были столь низкими, то и угольная промышленность не могла бы жаловаться на депрессию.

Как и в других странах, угольный кризис в САСШ в очень значительной степени—результат общего замедления роста производительных сил послевоенного капитализма.

В ряде застойных отраслей видное место занимает обработка хлопка. Но опять-таки ни в какой мере ее застойный характер невозможно объяснить факторами технического порядка. Правда, в лице искусственного шелка, продукция которого возросла в 62 раза по сравнению с довоенной и в 10 раз по сравнению с 1920 г., хлопчатобумажная промышленность встретила сильного конкурента. Но пока что искусственное волокно составляет лишь меньше 2⁰/₁₀ потребляемого текстильного сырья и сколько-нибудь заметную роль в определении состояния хлопчатобумажной промышленности играть не может. Точно так же не имеет значения и наблюдающийся интенсивный процесс территориального перемещения хлопчатобумажной промышленности САСШ с севера на юг. Он может объяснить лишь особо тяжелое состояние отдельных текстильных районов, но не депрессивность промышленности в целом. Наоборот. Самый процесс перемещения в значительной мере—продукт депрессии, результат стремления ослабить ее силу путем передвижки в район более дешевой рабочей силы.

Судьбу хлопчатобумажной промышленности разделяют и пищевая, кожевенная и деревообрабатывающая отрасли. В состоянии застоя находясь таким образом важнейшие из производств, обслуживающие широкое личное потребление.

Но в самой констатации этого факта лежит ключ к объяснению конечной причины как низких темпов роста всей промышленности, так и депрессивности ряда ее отраслей. Она заключается в ограниченности потребления масс, тенденции к ухудшению экономического положения пролетариата и фермеров, в слабой эластичности внутреннего рынка. Технические сдвиги лишь обостряют это противоречие, раздвигая ножницы между материально-техническими и социально-экономическими возможностями роста производительных сил.

Ловстон этого не понимает, когда он толкует об «огромном внутреннем рынке, до сих пор еще почти неограниченном»²⁰. Рынок САСШ правда велик, но он жестко ограничен в возможностях своего роста, колоссально отстающих от возможностей роста продукции. Росту промышленности тем самым поставлены очень узкие границы. Страна «перманентного процветания» подпадает под действие общих противоречий современного капитализма. Наблюдается тенденция к «европеизации САСШ» в смысле выравнивания условий развития в них и в Европе на основе затухающих темпов и углубляющихся противоречий опрокидывающая оппортунистическую теорию «исключительности».

²⁰ Там же, с. 475.

Конечная причина замедленного роста промышленности САСШ лежит таким образом в слабой эластичности рынка предметов широкого потребления. Следует однако учесть и влияние специфических структурных изменений в промышленности, обусловленных войной.

Последняя сопровождалась крайне непропорциональным распределением новых вложений между отдельными производствами, колоссальным обострением неравномерности их развития.

Так, если взять основные отрасли тяжелой индустрии²¹, то их доля в приросте механических двигателей обрабатывающей промышленности составила около 70% в годы войны против 40% в 1899—1914 гг. Удельный вес этих производств по мощности силового аппарата составил 31% в 1899 г., 35,8% в 1914 г. и 40,6% в 1919 г. Рост в военный период был в 3 раза выше, чем до войны. Совершенно очевидно, что обычная тенденция более быстрого роста тяжелой индустрии в связи с повышением органического состава капиталов была необычайно усилена под влиянием специфических особенностей военной экономики.

В итоге американская тяжелая промышленность вышла из войны с производственным аппаратом, сильно разбухшим, отнюдь не соответствовавшим обычным условиям сбыта. Но уже этим самым предопределялось сильное замедление темпов дальнейшего роста.

Среднегодичный темп роста мощности механических двигателей²².

	1914 — 1919	1919 — 1927	Послевоенный темп в % к довоенному
	I	II	
Вся промышленность	5,6	3,6	64,3
Черная металлургия . . .	7,0	3,3	47,1
Цветная »	11,6	3,2	27,6
Машиностроение	10,4	4,9	47,1
Средства передвижения . .	19,3	4,1	21,2

Снижение темпов по тяжелой индустрии оказывается гораздо более резким, чем в среднем по всей промышленности. Те же результаты дает и сравнение динамики продукции. Даже 1929 г. дает по выплавке металлов меньший прирост по сравнению с высшей точкой военного периода, чем в среднем вся промышленность.

В условиях полного застоя одних отраслей и ничтожных темпов роста других естественно выделяются и приобретают особое значение те немногочисленные «новые» производства, которые, опираясь на происходящие технические сдвиги и структурные изменения в сфере производства и потребления, сравнительно быстро развертывают и производственный аппарат и размеры продукции. Обычно к этой группе отраслей относят электротехническое, автомобильное, химическое, резиновое, шелковое производства и выплавку цветных металлов. Их доля во всей американской промышленности с 1914 по 1927 г. выросла по числу рабочих с 14,5% до 18,6%, по мощности двигателей—с 14,3% до 19,7%, по валовой продукции—с 23,2% до 26,7%.

²¹ Выплавку и обработку металлов, машиностроение, химическую промышленность и производство средств транспорта.

²² Исчислено нами по данным цензов.

в общей экономике САСШ выше, чем в какой бы то ни было другой стране. Рост продукции всей американской промышленности в послевоенный период в очень значительной степени сопряжен с успехами «новых» отраслей, развитие которых в свою очередь опирается на технические сдвиги в хозяйстве САСШ. Динамика этих производств накладывает сильный отпечаток и на характер американского цикла. В частности, подъем 1928/29 г. и наступивший кризис выявил хотя и далеко не решающее, но все же особое место автомобильной промышленности в формировании конкретных изломов конъюнктурной кривой. Не следует забывать, что автомобильная промышленность поглощает 18⁰⁰/ прокатной стали, 85⁰/о резины, 74⁰/о плоского стекла, около 1/4 продукции цветных металлов, значительную долю изделий хлопчатобумажной и других отраслей промышленности.

Учитывая успехи «новых» отраслей, все же нужно иметь в виду, что этим не ослабляется значение таких производств, как черная металлургия, угледобыча, общее машиностроение и т. п., ибо снабжение полуфабрикатами, основными орудиями производства, топливом—попрежнему принадлежит им. Это обстоятельство нельзя игнорировать при анализе как общих тенденций развития, так и конъюнктуры. С другой стороны, значение «новых» производств, особая роль, которую они играют, в очень сильной степени объясняется не столько высокими темпами их собственного развития, сколько застоем и незначительностью повышательного движения остальных отраслей. Именно поэтому чрезвычайно существенно отметить, что в динамике целого ряда «новых» производств наметилась тенденция, которую можно охарактеризовать, как появление признаков «старости» как постепенную нивелировку возможностей их дальнейшей экспансии с отраслями «старыми».

Пример автомобильной промышленности в этом отношении особенно разителен. Темп роста ее продукции падает столь интенсивно, что уже немногим превышает средний.

Среднегодичный рост в процентах

1909 — 1913 1914 — 1918 1919 — 1923 1923 — 1929

Автопромышленность	49,5	31,0	16,9	4,7
Вся обработ. промышленность	3,7	3,9	3,1	3,1
Разница	45,8	27,1	13,8	1,6

Суженные возможности экспансии находят выражение и в крайнем обострении конкурентной борьбы внутри страны, и на мировых рынках, и в огромной недогрузке производственного аппарата. Мощность последнего, примерно, равна 9 млн. машин в год, продукция же колеблется на уровне ниже 5 млн. и лишь в 1929 г. составила около 5,4 млн. Нагрузка в 50—60⁰/о стала обычной.

Ту же тенденцию можно проследить и в динамике химической промышленности. Темп роста мощности ее механических двигателей был выше среднего для всей обрабатывающей индустрии в 1899—1914 гг. на 80⁰/о, а в 1919—27 гг.—лишь на 38⁰/о. Разница темпов значительно снизилась. Рост же продукции и числа занятых в 1914—27 гг. не превышал средний.

Нельзя отрицать, что ряд «новых» производств все еще имеет, по сравнению с другими отраслями, особо благоприятные условия

развития. Но, несомненно, что для таких производств как автомобильное, химическое, выплавка цветных металлов, нефтяное, отчасти электротехническое, которые недавно переживали период бурного подъема, повышавшего и общий темп движения промышленности, наступает новая фаза, чреватая огромными трудностями в области дальнейшего расширения сбыта и медленными темпами. Это—фактор дальнейшего замедления роста всей промышленности САСШ, действие которого ощущалось уже в последние годы и которое проявится с особой силой в ближайшем будущем.

Выше мы отметили резкое обострение неравномерности развития отдельных стран и отраслей в современном капитализме. В частности, это обострение проявляется в том, что различие темпов роста перерастает в различие типов развития. Отдельные участки мировой промышленности испытывают постоянную депрессию при продолжающемся росте других. Но наряду с этим явственно прокладывают себе дорогу и тенденции нивелирующего порядка на понижательной основе. Ограничение возможностей экспансии промышленности САСШ, падающие темпы сближают условия ее хозяйственного развития с европейскими точно так же, как потеря «новыми» отраслями своих преимуществ означает известное выравнивание шансов их дальнейшего роста с отраслями «старыми».

Подчеркивая специфичное для империализма обострение неравномерности развития, Ленин одновременно отмечал и тенденцию к нивелировке в связи с подчинением новых стран и областей капиталистическим отношениям производства. Теперь налицо также «нивелировка» особого рода, которая заключается в том, что действие всеобщего кризиса капитализма, давление основных его противоречий все острее начинает чувствоваться и в тех странах и отдельных отраслях мирового хозяйства, которые, благодаря историческим и техно-экономическим условиям своего развития, являются наиболее здоровыми частями мирового капитализма и находятся в относительно более благоприятном положении. Именно поэтому эти нивелирующие тенденции не только не исключают, но и неразрывно сопряжены с резким обострением неравномерности развития стран и отраслей, ибо источник этих противоречивых тенденций один и тот же—углубление всеобщего кризиса капиталистической системы.

IV.

Количественный рост производительных сил неразрывно связан с изменениями их технической структуры и обратно. Характер капиталистического цикла определяется не только условиями экстенсивного роста но и размахом и интенсивностью процессов реконструкции производственного аппарата. При всей неразрывности этих моментов их темпы могут не совпадать, накладывая своеобразный отпечаток и на динамику промышленности и на конкретные очертания кривой конъюнктуры.

Достижения американской техники в послевоенный период огромны. Темп технической реконструкции весьма интенсивен. Факты коренного изменения всего характера отдельных звеньев производственного процесса в самых различных отраслях промышленности очень многочисленны. Но пафос, с которым либеральствующие профессора (в особенности, европейские, проделавшие краткое турне

по САСШ) толкуют об этих достижениях, а тем более разговоры о технической революции вряд ли заслуживают достаточного доверия. Их источником у американцев служит прозаическая реклама, у европейского буржуа—бессилие конкурента, чувствующего свою неспособность сравняться с противником. Что же касается правых оппортунистов, то ссылки на техническую революцию нужны им как доказательства неизбежности капиталистической стабилизации.

В данной связи мы не можем даже в самых общих чертах коснуться всех основных изменений технической структуры американской промышленности. Остановимся лишь на двух-трех процессах, имеющих синтетический характер и наиболее существенных для понимания основных условий воспроизводства в послевоенной Америке. На одном из первых мест по значению здесь стоят процессы электрификации.

Г о д ы:	1899	1914	1919	1923	1925	1927
Мощность механических двигателей обработ. промышленности в млн. л. с.	10,0	22,3	29,3	33,1	35,8	39,0
Доля электромоторов в %:						
а) всех	5	39	55	66	73	78,0
б) в т. ч. покупного тока .	2	17	32	40	44	49,0

Если учесть, что в ряде отраслей процессы электрификации сопряжены с трудностями технико-экономического порядка, то можно признать, что САСШ стоят накануне завершения перевода всех рабочих машин своей промышленности на электрический ток. Около 80% двигательной силы индустрии электрифицировано, а по ряду отраслей (машиностроение, автостроение, резиновая, цветные металлы и т. п.) этот процент поднимается до 90—97. Весь прирост механической силы промышленности составил за 1914—27 гг. 16,7 млн. л. с., прирост же электромоторов—21,2 млн. л. с., в том числе чужого тока—15,3 млн. л. с. Налицо абсолютное падение мощности не-электрических установок промышленности, используемых как источник движения рабочих машин при очень большом росте силового аппарата промышленности. Характерно, что весь почти прирост двигательной силы получен за счет электромоторов чужого тока. В итоге половина мощности получается промышленностью извне—с центральных электростанций, причем процент этот быстро повышается. Значение этого факта огромно не только для технической структуры производства, но и чисто экономически, ибо это не что иное, как то колоссальное обобществление производства на антагонистической основе, которое по Ленину, представляет материально-техническую подготовку социализма.

На основе процессов электрификации происходит качественное изменение ряда производственных процессов. Тов. Осинский совершенно правильно указывает, что «конвейер, в частности, есть продукт электрификации». Электромотор позволил механизировать целый ряд работ, в которые не могли проникнуть двигатели иного порядка. Небывалое ускорение темпа движения машин в очень значительной степени обязано электрификации. На последней же базируется получивший широкое применение переход к станкам с индивидуальными моторами.

При всех успехах электрификации последняя все еще не принесла той технической революции, потенциальные возможности которой в ней скрыты. Препятствием служат общие противоречия капиталистической системы и специфические противоречия эпохи всеобщего кризиса в особенности. Электромотор уже завоевал почти монопольное положение, как источник механической энергии. Но та же конвейеризация, радикально меняющая лицо производства, не может быть реализована в более или менее широком объеме, ибо это требует такой технической концентрации во всех отраслях промышленности, которая при капитализме в полной мере не осуществима.

Пока конкретные размеры предприятий ограничены отсутствием единства в распределении общественных ресурсов, узостью сбыта, на который может рассчитывать отдельное предприятие, находящееся в ожесточенной конкурентной борьбе и внутри и вне страны, пока количество заводов, вырабатывающих один и тот же продукт в мировом хозяйстве, определяется не технической целесообразностью, а соотношением борющихся капиталистических сил,—до тех пор конвейер может прокладывать себе дорогу лишь с огромными трудностями. Современный капитализм еще способен на большие технические сдвиги, но объективно он выступает даже в САСШ как фактор, тормозящий ту техническую революцию, потенциальные возможности которой даны достигнутым уровнем техники и науки. Конвейеризация—лишь частный пример; но к тому же выводу мы придем, анализируя проблему создания единой энергетической системы, электрификации сельского хозяйства, электрификации транспорта и т. п.

Эту реакционную роль современного капитализма, в которой сказывается его загнивание, правые оппортунисты затушевывают своими утверждениями о якобы имеющей место технической революции.

Электрификация—рычаг механизации. Имеется масса данных об успехах последней в отдельных производствах. Но они не всегда показательны для всей промышленности. Обратимся поэтому к менее точному, косвенному, но все же более общему показателю—динамике энерговооруженности занятой рабочей силы.

Принимая данные за 1899 г. за 100, получаем следующий ряд;

Г о д ы:	1899	1904	1909	1914	1919	1923	1925	1927
Мощность механических двигателей на 1 раб. обр. промышленности	100	115	132	151	152	176	199	217.
Среднегодовой рост в %	—	2,8	2,8	2,7	0,1	3,7	6,3	4,6

Энерговооруженность занятого рабочего непрерывно растет. Но темп роста выделяет причудливые скачки. Стабильный до войны, он спускается до нуля в годы войны, сильно колеблется в последующий период, но на уровне, значительно превышающем довоенный. Но можно ли отсюда заключить, что послевоенные годы дают необычно высокие темпы механизации и что война имела в этом отношении резко отрицательное значение?

Данные о динамике производительности как будто бы позволяют ответить на вопрос положительно. Механизация повышает

эффективность трудовых затрат, и движение производительности поэтому должно в известной мере отражать успехи механизации. Картина же получается та же самая.

Г о д ы:	1899	1904	1909	1913	1916	1919	1923	1925	1927
Выработка на 1 рабочего	100	104	110	116	119	104	132	147	151
Среднегодовой рост в %	—	0,8	1,1	1,3	0,9	—4,4	6,1	5,6	1,3

Медленный рост производительности труда продолжался вплоть до вступления САСШ в империалистическую войну. Затем наступает резкое падение, сменяемое в послевоенные годы интенсивным ростом, темпы которого в целом значительно выше довоенных. Все это, как будто, свидетельствует об особом размахе технических сдвигов в послевоенной промышленности САСШ. Теория технической революции получает здесь как бы солидное обоснование. Нездаром к этим данным апеллируют все ее сторонники. Но при этом забывается: 1) что мощность механических двигателей, падающая на одного рабочего и служащая показателем механизации, не только определяется, но и определяется в очень значительной степени производительностью труда, 2) что выработка на 1 рабочего зависит не только от оборудования производства, но и от степени интенсивности труда; 3) что поэтому возрастание интенсификации труда может статистически проявиться как возрастание его механизации, как симптом технического прогресса, преувеличивая реальные размеры последнего. Конкретизируем это положение на примерах.

Энерговооруженность рабочего по приведенным данным за годы войны не возросла, а производительность труда упала. Но заключить отсюда, что мы имеем застой в росте механизации и, как следствие, низкую производительность, глубоко ошибочно.

Острый недостаток рабочих рук в годы войны служил сильнейшим рычагом механизации. Темп роста механических двигателей был весьма высок. Но уход лучшей части пролетариата в армию с заменой ее менее полноценной рабочей силой, использование значительной части оборудования не по прямому назначению в связи с мобилизацией промышленности, перебои в снабжении снижали производительность труда, действуя сильнее, чем обратные тенденции.

Для использования определенной массы основного капитала требовалось больше рабочих, на каждого занятого падало меньше механических двигателей. Падение производительности привело к снижению энерговооруженности. Переход к системе двойных смен, широко практиковавшейся в годы войны, также уменьшил, — но уже чисто статистически, так как американская статистика поправок на количество смен не вносит, — мощность двигателей на 1 рабочего.

После войны мы имеем явления иного порядка. Огромная масса механических двигателей бездействует за недостатком рынков. Даже отчет Гувера вынужден это признать. Но механические рабы имеют то преимущество перед живыми, что их не только учитывают, но о них заботятся даже в период бездействия. Живые же рабы выбрасываются из предприятий и из статистических обзоров. Когда же затем производится математическая операция деления всей на личной мощности двигателей на число фактически работающих лиц

для получения данных об энерговооруженности и успехах механизации, то последние не могут не оказаться преувеличенными, ибо не учитывается, что для приведения в движение всех двигателей потребуется значительно больше рабочих.

Послевоенный период принес далее огромную интенсификацию труда. В частности это выражается в том, что один рабочий обслуживает большее число станков, чем раньше. Естественно, что на него падает большая мощность механических двигателей. Рост энерговооруженности усилится, производительность труда — также. Сильное возрастание интенсивности, как это ни парадоксально, отразилось в статистике как рост механизации производства. Фактические отношения тем самым поставлены на-голову. Но буржуазные экономисты, опираясь на эти «бесстрастные», «объективные» цифры, на этой основе творят легенду о небывалых успехах механизации, граничащих с технической революцией; они превращают этот «факт» в причину быстрого темпа возрастания производительности, затемняя действительно небывалое увеличение эксплоатации.

Бесспорно, что послевоенный темп механизации производства весьма интенсивен. Возможно, что он даже выше довоенного. Точному учету это не поддается. Но, во-первых, темп механизации значительно ниже, чем это фиксируется обычно используемыми для его характеристики данными о возрастании энерговооруженности рабочих. Во-вторых, — что особенно важно — не здесь, а в усиленной интенсификации труда основная причина быстрого роста производительности труда.

Сама механизация служила рычагом повышения интенсивности, особенно, в той мере, в какой она была сопряжена с переходом к производству «непрерывным» потоком ²².

К числу существенных сдвигов в структуре американской промышленности относится дальнейшее возрастание степени ее концентрации. Последняя неразрывно связана с ростом органического состава капиталов, процессами механизаций, переходом к производству «непрерывным потоком», ростом значений отраслей тяжелой промышленности, возникновением «новых» отраслей, предприятия которых обычно имеют очень крупные размеры. Концентрационные процессы поэтому отражают в известной мере все основные изменения технической структуры промышленности.

²² Апологеты американского капитализма, конечно, отрицают это обстоятельство. Но более удивительно, что находятся советские филистеры, которые принимают мне за чистую монету. А. М. Гинзбург в своей новейшей работе (А. М. Гинзбург. Очерки промышленной экономики, Гиз, 1930 г.) ставит вопрос: «Каковы же причины громадного роста производительности труда в американской промышленности?» Ответ носит прямо классический характер.

«Широко распространено мнение, что Америка обязана таким ростом выработки прежде всего чрезвычайному повышению интенсивности американского труда. Это мнение не совсем правильно. (Разрядка моя Л. М.). Мне пришлось беседовать с одним просвещенным инженером, ведающим производством ламп в «Дженерал Электрик» на экспериментальном заводе в Гаррисоне. Он сообщил мне, что за последние три года количество лампочек, вырабатываемых одним рабочим, увеличилось примерно в два раза, но не потому, что увеличена интенсивность труда, а потому, что совершенно реорганизован весь производственный процесс в таком направлении, чтобы работа переходила от одной машины на другую непрерывным потоком. Интенсивность труда, говорил мой собеседник, несколько не возросла. Мы вообще, продолжал он, стремимся создать «радость труда». Мы хотим, чтобы рабочий имел возможность посмеяться и не чувствовал себя на фабрике точно в казарме».

Отчет комиссии Гувера приводит следующие данные, характеризующие концентрацию производства²³:

Годы	В среднем на одно заведение обрабатывающей промышленности					
	Рабочих (в тыс.)	Механич. двигатели (т. с.)	Валовая продукция (т. дол.)	Рабочих	Механич. двигатели	Валовая продукция
	Индексы (1914 = 100)					
1914	39.0	126.2	135	100	100	100
1919	42.1	137.1	135	108	109	100
1923	44.8	169.0	214	115	134	158
1927	43.5	203.4	238	112	163	176

Средний размер предприятий в 1927 г. был выше довоенного по размеру продукции и мощности двигателей больше, чем в 1½ раза. Но в связи с сильно возросшей производительностью труда среднее число рабочих увеличилось лишь на 12%. Уровень концентрации таким образом сильно возрос, главным образом за счет послевоенного периода. Только за два года (1923—25 гг.) погибло около 10 тыс. мелких предприятий с годовой стоимостью продукции не свыше 100 тыс. долл. каждое. Наступивший кризис особенно усилит эту тенденцию. Но уже в 1923 г. около ¼ рабочих было занято в заведениях-гигантах с числом рабочих свыше 1000 в каждом, около 30% в предприятиях с числом рабочих от 250 до 1000. Заведения со стоимостью продукции свыше 1 млн. долл. в год дали в 1925 г. 68% всей продукции. Все это свидетельствует об огромном уровне концентрации.

Степень концентрированности отдельных отраслей промышленности однако глубоко различна в зависимости от органического состава капитала, общей технической структуры производства, темпов развития и «возраста» данной отрасли.

Итак, неверно признать интенсификацию труда решающим фактором роста производительности. Ибо... «просвещенные» инженеры это отрицают, болтая о «радости труда». Сам Гинзбург вынужден признать, что последняя не «установилась» (а может быть, еще установится?), но все же он подтверждает, что сам видел «кое-где улыбающихся людей, весело перебрасывающихся шуткой», «кое-где и непринужденные позы разговаривающих».

Но всю эту болтовню тот же Гинзбург, противореча сам себе, опрокидывает, указывая, что он видел «в накаленной атмосфере, наполненной пылью и едким запахом», «лихорадочно быстрые движения, еле поспевающие за неумолным ходом конвейеров», что «все построено на напряженном труде, до конца захватившем духовные и телесные силы работников и работниц». Он ссылается на известного немецкого профессора Мюллера, доказывающего, что «американские рабочие работают на 30—100% быстрее немецких». Какому же Гинзбургу прикажете верить: тому ли, кто указывает, что «весь производственный процесс построен так, что движения автоматически развиваются наиболее интенсивным темпом», или тому, кто вслед за «просвещенными» слугами американского капитала отрицает значение роста интенсивности труда? Диалектика процесса в том и заключается, что и прогресс в области организации и механизация производства имеют своим непосредственным эффектом прежде всего небывалую интенсификацию труда. Недооценка этого обстоятельства объективно прикрашивает современный капитализм.

²³ «Recent Economic Changes», т. I, р. 167. Данные о ценности продукции перечислены нами в довоенные цены по оптовому индексу Bureau of Labour Statistics. Данные о мощности двигателей за 1914—19 гг. не вполне сопоставимы с последующими, ибо охватывают заведения со стоимостью продукции ниже 5 тыс. долл., впоследствии из учета исключенные.

Доля предприятий с числом рабочих свыше 1000 в общем числе рабочих данной отрасли ²⁴

1.	Железод. и транспортн. машины	71,3
2.	Черная металлургия	60,5
3.	Электротехническая	56,2
4.	Нефтеобрабатывающая	56,1
5.	Судостроение	51,4
6.	Хлопчатобумажная	36,8
7.	С.-х. машин.	36,6
8.	Шерстяная	34,9
9.	Общее машиностроение	24,6
10.	Табачная	19,5
11.	Стекольная	16,8
12.	Шелковая	15,7
13.	Трикотажная	14,1
14.	Бумажная	13,9
15.	Кожевно-обувная	12,8
16.	Цементная	12,8
17.	Полиграфическая	11,3
18.	Лесная	7,8
19.	Фарфоро-фаянсовая	3,0

Первые места занимают так называемые «новые» производства и тяжелая промышленность. Чрезвычайно сильно отстают отрасли легкой индустрии. Но даже в машиностроении только четверть рабочих падает на заведения-гиганты. Уровень концентрации в целом далеко не соответствует еще требованиям технического оптимума. Разрешение этой задачи в пределах капитализма однако невозможно, несмотря на то, что напряженная конкурентная борьба, типичная для современной эпохи, обеспечивает концентрационным процессам большую интенсивность.

Приведенные данные рисуют крупные сдвиги в технической структуре американской промышленности. Они закрепляют технические преимущества САСШ перед Европой, которые сыграют огромную роль в решающей схватке за рынки.

Следующие цифры иллюстрируют конкретные размеры технических ножиц главнейших стран.

	Доп. сил на 100 занятых в 1924—25*	% электр- фикации промышл. в 1924—25**	Ср. число рабочих на 1 зав. крупн. пром. в 1923—25	% механ. доб. угля в 1927—28	Среднесу- точная вы- плавк. 1 дом. печи в тонн. в 1928 г.
САСШ	400	73	246	71	520
Германия	143	65	180	85	318
Англия	187	50	—	23	127

Соотношение сил совершенно ясное. Отчетливо вырисовывается огромная отсталость Англии. Расстояние между Германией и САСШ также немалое. Американский капитализм однако имеет и свои слабые места. Это прежде всего угольная промышленность, одна из наиболее

²⁴ Заведения с числом рабочих ниже 50 в каждом в учет не вошли.

* Вся промышленность, включая горную. В число занятых включены служащие.

** Только обрабатывающая промышленность.

отсталых отраслей американской индустрии. Но ее положение облегчается благоприятными естественными условиями добычи. К тому же последние годы проходят под знаком усиленной механизации.

Подведем итоги. Рост значения «новых» производств, — интенсивная электрификация, рост технического состава капитала, растущая механизация, значительный размах концентрационных процессов, внедрение конвейера, — все это свидетельствует о крупных изменениях технической структуры американской промышленности. Но темп последней гораздо ниже, чем это рисуется в официальных отчетах и во всяком случае не достиг еще размеров технической революции. Потенциальные возможности последней заложены в основных тенденциях современной техники, ее научные предпосылки достаточно разработаны. Но полному раскрытию этих возможностей мешают противоречия современного капитализма, и в этом его реакционная роль. Наконец больше, чем когда бы то ни было, «новая техника служит сейчас орудием усиления эксплуатации пролетариата».

Все это проглядывается правыми. В своем восхищении перед достижениями новейшей техники они не только не замечают тенденции к загниванию, но затушевывают острейшие противоречия, сопряженные со всеобщим кризисом капиталистической системы.

V

В своем докладе VI конгрессу Коминтерна т. Бухарин дал следующую характеристику состояния экономики САСШ.

«САСШ идут вперед. Пусть те или иные предсказания относительно кризиса в Америке верны. Это не исключено; более того, это даже очень вероятно, но общий курс развития — это рост промышленности, рост производства. Там впервые в мировой истории, в истории рабочего движения, говоря словами Маркса, c (переменный капитал — ценность рабочей силы) уменьшается не только по сравнению с c (постоянный капитал — ценность средств производства), но и абсолютно. Количество промышленных рабочих уменьшается. Это впервые в крупном масштабе происходит в мировой истории и истории рабочего движения»²⁵.

Тезис о том, что САСШ «идут вперед», бесспорен. Но парадоксом звучит единственное доказательство, приведенное в его обоснование. Подтверждение подъема американского капитализма т. Бухарин видит в том, что число рабочих в обрабатывающей промышленности абсолютно падает. До сих пор мы склонны были думать, что одним из показателей роста промышленности является увеличение числа занятых рабочих. Их сокращение как будто бы сигнализирует о некотором неблагополучии, об особых трудностях этого роста. Но по т. Бухарину оказывается иначе.

Весьма странное рассуждение т. Бухарина однако становится более ясным после конкретизации этой мысли Ловстоном: «Жизненность американского империализма не может измеряться одними цифрами, выражающими стоимость продукции за период нескольких лет. О ней можно судить по всей системе рационализации, в особенности по уровню производительности производительной единицы, т. е. по производительности человеко-часа... До 1919 г. число рабочих, занятых

²⁵ Стенографический отчет VI Конгресса, т. I, с. 32.

в промышленности, и производительность труда росли одновременно. В настоящее время мы видим тенденцию к постоянному росту производительности, но на ряду с ней мы видим, в особенности последние три года, заметное падение числа рабочих, занятых в промышленности»²⁶.

Итак, показателем состояния американского капитализма служит не динамика продукции, а движение производительности труда, последнее же характеризуется фактом абсолютного падения числа промышленных рабочих. Именно поэтому данный факт служит доказательством возрастающего могущества капиталистической Америки и необычайного размаха происходящих в ней технических сдвигов. В этой аргументации однако вне поля зрения оказываются основные противоречия современного капитализма.

Одним из этих решающих противоречий, которое приобрело особую остроту в САСШ, являются небывалые размеры безработицы. Четыре основных причины оказывают здесь свое влияние:

1) медленный темп роста промышленности, граничащий с полным застоем в отраслях с наиболее низким органическим составом капиталов, в которых занята основная масса пролетариата;

2) огромная интенсификация труда;

3) перманентный кризис в послевоенном сельском хозяйстве и интенсивное разорение мелкого производства в городе и деревне;

4) вытеснение ручного труда, введение усовершенствованных, более производительных машин, используемых как рычаг интенсификации труда.

Отсюда медленное впитывание новых рабочих рук в промышленность, перерастающее в времена на отдельных участках в абсолютное сокращение числа занятых при одновременном усиленном предложении со стороны подрастающего поколения и деклассированной мелкой буржуазии. В итоге — астрономические цифры безработицы и «впервые в мировой истории» абсолютное сокращение *v*. Буржуазные экономисты, а за ними кое-кто из «марксистов» окрестили эту безработицу «технологической». Ее причины тем самым сводятся к техническим сдвигам, ее огромные размеры объясняются «невиданным» размахом технического прогресса. Объяснение это, на поверхностный взгляд вполне «марксистское», ибо социальное явление ставится в связь с изменениями в техническом базисе. А в итоге смазывается и оправдывается одно из существеннейших противоречий современного капитализма. Виновником обнищания миллионов, потерявших «право на труд», выступают не капиталистические общественные отношения производства, а безличный технический прогресс. Огромные размеры безработицы, оказывается, свидетельствуют не о всеобщем кризисе капитализма, не о его неспособности развивать производительные силы темпом, обеспечивающим использование растущих кадров пролетариата, а об особой интенсивности технической реконструкции. Зияющая язва современного капитализма благополучнейшим образом превращается в показатель его растущей силы.

К тем же результатам приходят правые, объясняя техническими сдвигами и депрессивность отдельных отраслей, как это делает Пеппер, и снижение числа рабочих в промышленности САСШ. Сведение причин всех этих явлений исключительно к факторам

²⁶ Там же, с. 476—477.

технического порядка есть яркий образец богдановской механистической методологии с ее примитивным техницизмом, игнорированием качественного, социального существа явлений. Она закрывает путь к пониманию специфических противоречий капитализма в эпоху всеобщего кризиса, что объективно граничит с его апологией.

Абсолютное снижение числа рабочих в промышленности не является законом развития современного капитализма. В целом пролетариат и в эпоху заката капитализма продолжает численно расти. Снижение, как мы указали, происходит лишь временами и на отдельных участках. Но оно не случайно. Это—частная форма проявления одного из крупнейших противоречий современной капиталистической экономики, которое заключается в том, что происходит систематическое снижение той доли наличной рабочей силы общества, которая используется в процессе производства. Все большая доля рабочей силы общества не может найти производительного приложения и обречена на скрытую или явную безработицу, в лучшем случае на пополнение быстро растущей армии, обслуживающей процесс личного потребления капиталистов. Паразитическая природа современного капитализма проявляется в том, что суживаются его возможности использования основной производительной силы общества—рабочей силы, и то, что этот процесс имеет место и в САСШ. лишь подтверждает, что и Америка включена в сферу воздействия всеобщего кризиса капитализма.

Оставляя все большую массу рабочей силы за бортом производственного процесса, капитализм все с большим усердием интенсифицирует труд остальной ее части. Границы для впитывания добавочных рабочих этим еще больше суживаются. Круг «неработоспособных» при бешеном темпе работы увеличивается. Возрастной предел фабричного рабочего, или—как метко выразился Стюарт Чэз—«смертная черта», падает.

Бездействие рабочей силы не находит своего отражения в капиталистической бухгалтерии. О ней вспоминают лишь под вспышки социальной грозы. Не то с основным капиталом промышленности. Каждый час его бездействия, каждый процент его недоиспользования означает чистую потерю. И все же современный капитализм вынужден мириться с огромной растущей недогрузкой своего производственного аппарата. Капитализм оказывается неспособным использовать производительные силы, вызванные им к жизни.

Мы видели выше, что наряду с продукцией падает и рост основного капитала. В этом отражаются суженные возможности развертывания продукции. Но та же причина создает стимулы и для ускоренного роста мощности производственного аппарата. Ожесточенная конкурентная борьба стимулирует использование всех возможностей усовершенствования производства, могущих обеспечить перевес в борьбе за сбыт. Но качественный рост неразрывно связан с ростом мощности, которая еще больше увеличивается с интенсификацией труда. В итоге—дальнейший рост недогрузки. Получается порочный круг.

О конкретных размерах недогрузки производственного аппарата американской промышленности можно судить по следующим данным. Автомобильная промышленность недопроизводит $4\frac{1}{2}$ —5 млн. машин в год, угольная 450—500 млн. т угля, металлургическая—10—12 млн. т чугуна, обувная—400 млн. пар обуви. Производственный аппарат,

который не может быть использован даже на 50%, имеют по данным Чэза, лесопильная, обувная, полиграфическая, медноплавильная, стекольная, сахарная и ряд других отраслей. Бездействующее оборудование оценивается в 30 млрд. долл., ежегодные убытки — в 5 миллиардов²⁷.

Растрата производительных сил этим не ограничивается. Значительная масса оборудования, физически очень мало изношенного, ежегодно идет на слом, ибо в условиях ожесточеннейшей конкурентной борьбы оно успевает устареть за пару-другую лет. При более широких возможностях промышленного роста потери, сопряженные с «моральной» амортизацией, были бы неизмеримо ниже, ибо в значительной своей части они определяются не технической целесообразностью, а условиями конкурентной борьбы.

Своеобразную форму этой «моральной» амортизации мы имеем в хлопчатобумажной промышленности. Вся она переживает в САСШ застой. Все же на юге, где рабочая сила дешевле, а сырье ближе, происходит массовое строительство новых фабрик. Зато северные текстильные районы замирают. Те же явления можно наблюдать и в некоторых других отраслях.

Огромная безработица и слабое использование наличного производственного аппарата — явления однородного порядка, свидетельствующие о растущих противоречиях между производительными силами и капиталистической системой производственных отношений.

VI

Конкурентная борьба рождает монополию. Современный капитализм отличается поэтому особой интенсивностью не только конкурентной борьбы, но и процессов картелирования и трестификации. Рост технической концентрации производства подводит прочную базу под эти процессы.

Монополия редко возникает как соглашение равносильных. Ее предпосылкой чаще является изнурение одной из сторон в конкурентной борьбе, вынужденная необходимостью отказаться от своей самостоятельности. Неравномерность в степени «процветания» — лучшая предпосылка интенсивного картелирования, а что она очень велика, показывают хотя бы следующие цифры. В 1924 г. 901 общество из 417 тыс. обществ получили $\frac{2}{3}$ всего дохода, в 1925 г. — 95 обществ получили 45% промышленной прибыли, 39% не получили никакой прибыли.

Таков фон, на котором разворачивается процесс трестификации. Следующие данные показывают, что рост монополий идет непрерывно, но интенсивность его колеблется. Концентрационная волна дает взлет в 1920 г. и сильно падает в последующие годы. С 1925 г. начинается новый подъем, достигающий в 1928-29 г. исключительной напряженности²⁸.

Промышленность	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Число слияний	89	173	89	67	67	95	121	139	207	221	—
Поглощено предприятий . . .	438	760	487	309	311	368	554	856	870	1038	1500

Отдельные отрасли принимают в этом движении далеко не одинаковое участие. Устойчиво высоки цифры железодельательной про-

²⁷ Чэз Стюарт, Трагедия расточительства, с. 99—100.

²⁸ „Recent Economic Changes“, V. I, p. 186—187.

мышленности, на видное место выдвигаются отрасли «новые», некоторое оживление наблюдается в пищевой и текстильной промышленности.

Особенно сильный рост монополии происходит в отраслях, уже имеющих гигантские объединения. Последние скупают предприятия независимых или вынуждают их к объединению. Типичен пример железодельательной промышленности. Господствующее положение в ней занимают Стальная корпорация (40% выработки стали) и Вифлеемская компания. Оба эти треста в последнее время поглотили ряд предприятий Западных штатов, чтобы иметь опорные пункты, более близкие к экспортным рынкам. Кроме того путем слияния ряда независимых создан новый трест производительностью в 5 млн. т стали. Одновременно Вифлеемская компания закупила акции одного английского металлургического предприятия, а Стальная корпорация подчинила себе некоторые предприятия Польши.

Под влиянием депрессии оживились монополистические тенденции в угольной промышленности. Обсуждается проект создания картеля с целью регулирования цен и рационализации производства, который должен охватить большинство предприятий и обладать капиталом в 2 млрд. долларов.

В «новых» отраслях укрепление монополий происходит преимущественно за счет усиления их опорных пунктов за границей. Расширение сети филиалов Форда в Европе, покупка германского автомобильного завода «Опель» американским трестом «Дженераль Моторс», переход солидного пакета акций германской Всеобщей Электрической компании в руки «Дженераль Электрик Компани», покупка последней 60% акций одноименной английской компании и представление сю займа концерна Сименса, договоры о «сотрудничестве» электротехнической промышленности САСШ с крупнейшими заводами во Франции и «Стандарт Ойль» с германским химическим трестом, покупка американцами завода авиационных моторов в Германии,—все это лишь незначительная доля фактов, свидетельствующих об экспансии «новых» отраслей американской промышленности в Европе. Эта тенденция чрезвычайно характерна. Здесь сказывается влияние назревающей решительной борьбы за сбыт в связи с выжившимися трудностями его расширения. С другой стороны, «новые» отрасли в Европе наиболее прибыльны и потому наиболее выгодны в смысле перекачки прибавочной стоимости в Америке. Этот же процесс создания опорных пунктов в Европе наблюдается и в других отраслях промышленности.

В своей экспансии в Европе промышленность САСШ уделяет решающее внимание Германии. Экономическое положение последней и ее зависимость от американских кредитов чрезвычайно облегчают этот процесс. К тому же Германия обладает наиболее совершенным производственным аппаратом и сможет быть использована как плацдарм в борьбе с Англией.

Борьба таких гигантских монополий САСШ, как Форд и «Дженераль Моторс», одновременно переходит в другую фазу, перерастая в борьбу за овладение командными высотами европейской промышленности.

Наряду с внешней экспансией в «новых» отраслях происходит интенсивный процесс роста монополий внутри страны. В автомобильной промышленности в апреле 1929 г. объединились 4 независимых,

создав трест, на долю которого падает 16⁰/₀ продукции. Под руководством Моргана произошел ряд слияний в области снабжения электроэнергией и газом. В частности созданы «Объединенная корпорация» в Нью-Йорке с капиталом в миллиард долларов и «Ниагарско-Гудзоновская» компания с капиталом в 600 млн. долл. В конце 1929 г. объединились под руководством «Радио-корпорейшн» ряд заводов по выработке радио-аппаратуры, оборот которых достигает 1/2 млрд. долл. в год. Ряд слияний имел место в аэропланной промышленности. Крупнейшие из них — в июле 1929 г. охватили 10 заводов, в сентябре 1929 г. объединились две крупнейшие кинематографические компании, на долю которых падает 60⁰/₀ капиталов данной отрасли.

Усилилась в последний период и тенденция к комбинированию отраслей. В недавно возникшей в Нью-Йорке американской химической корпорации участвуют, наряду с химической, нефтяная и автомобильная отрасли. Включение последних вызвано их заинтересованностью в выработке искусственного бензина и искусственного каучука.

Для легкой промышленности типично, что объединения охватывают прежде всего функции сбыта. Недостаточная техническая концентрация производства служит крупнейшим препятствием к созданию мощных монополий трестовского типа.

Процессы трестификации промышленности, борьба за позиции на мировых рынках требуют наличия строго централизованного аппарата финансирования. Именно этим объясняется громадный размах объединительных тенденций в банковской области. Только за первый квартал 1929 г. произошло 100 слияний банков, 42 из них охватили банки с активом в 12 млрд. долл. После ряда слияний, имевших место в 1929 г. в Нью-Йорке, возникли 3 банка-гиганта, из которых один обладает активом в 2,4 млрд. долл., занимая первое место в мире. Всего с 1921 по 1929 г. прекратили свое существование в САСШ 4 тыс. банков.

Американский капитализм обладал мощнейшими монополиями в мире и до войны. Успехи послевоенного периода еще больше укрепили его позиции в этом отношении, несмотря на то, что и в Европе происходил интенсивный процесс организационной консолидации промышленности.

Гигантский рост монополий — продукт ожесточенной конкурентной борьбы, но он же и фактор ее глубочайшего обострения. Американский империализм, как мы показали, испытывает острейшие противоречия, специфичные для капитализма эпохи всеобщего кризиса. Но он все же находился и находится в условиях, неизмеримо более благоприятных, чем европейский капитализм. Однако угроза «европеизации» экономики САСШ становится все более реальной. Замедленные темпы, небывалая безработица, депрессия ряда отраслей свидетельствуют об этом чрезвычайно ярко. Наступивший кризис обострит все эти противоречия. На этой основе растут агрессивность американского империализма и угроза новых войн. В подготовке последних гигантские монополии играют решающую роль. Их организующее влияние оказалось жалким по сравнению со стихийностью капиталистической системы, проявившейся в кризисе. Но оно вполне достаточно, чтобы подготовить новую бойню народов.

О ПРЕДМЕРЕ И МЕТОДЕ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА *

1. О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В настоящее время широкими кругами все более осознается необходимость углубленного теоретического изучения советского хозяйства. Эта необходимость диктуется самой практикой строительства социалистической экономики, осуществляемого путем планового пролетарского руководства народным хозяйством.

Исследования по теории советского хозяйства зачастую немало грешили чрезмерной абстрактностью, но отсюда отнюдь не следует отрицание абсолютной необходимости углубленной методологической разработки проблем теории советского хозяйства, отрицание теснейшей связи методологических проблем с вопросами революционной практики. Без правильной методологической установки теория не даст практике «силы ориентировки, ясности перспективы, уверенности в работе, веры в победу нашего дела»¹.

Блестящим примером, иллюстрирующим теснейшую связь глубоких методологических изысканий (в частности разработки философских проблем) с революционной практикой, является деятельность Ленина.

Теснейшую связь методологических установок и практических выводов выявляет систематическая критика, которой сейчас подвергается («снизу доверху») концепция Бухарина. В связи с этой критикой на наших глазах наблюдается огромный рост интереса широких кругов к методологическим вопросам, связанным с философской дискуссией (между «диалектиками» и «механистами»). Сейчас уже совершенно ясно и для невооруженного глаза, что этот спор, имевший казалось бы сугубо академическое значение, на самом деле теснейшим образом связан с вопросами революционной практики, поскольку «механистический метод» является основой бухаринской концепции. Не даром партия так интересовалась исходом этого спора.

Ленин всегда усиленно подчеркивал, что нет беспартийной философии, что нет аполитичной методологии. Ревизия Маркса обычно начиналась с ревизии методологических установок, затем, постепенно расширяясь на этой основе, захватывала различные области исторического материализма, проблем классовой борьбы, государства, политической экономики, оценки конкретного развития капитализма, его

* См. примечание редакции на с. 84.

¹ См. Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов.

перспектив, понимания переходного периода, тактики пролетариата и т. д. Особенно быстро перерастают вопросы метода в вопросы практической политики в наших условиях. Подобное философскому спору (если не большее) значение имела последняя дискуссия в области политической экономии. Необходимость значительно большей увязки работы по методологии политической экономии с работами по исследованию современного капитализма и советской экономики бесспорна; бесспорна теснейшая логическая связь между содержанием этих работ. Поэтому то дискуссия в политической экономии так интересовала партию. И немудрено: методологические установки в области политической экономии дают ключ и к пониманию нынешнего этапа капитализма и к методологии изучения советской экономики. Вопрос о категориях товарно-капиталистического хозяйства, об их историчности, о регуляторе, о модификации экономических законов, о понятии производственных отношений и их роли, о роли обращения в процессе воспроизводства и т. д.—все это теснейшим образом связано с пониманием закономерностей советского хозяйства. Механистические установки в области политической экономии растут через концепцию т. Бухарина в определенную систему экономико-политических взглядов, представляющих на данном этапе главную опасность для социалистического строительства. С другой стороны уклоны в сторону идеализма в своем развитии также не могут не привести к определенным практическим выводам.

Любая концепция в области экономической политики представляет собой логический вывод из теоретических установок в области советской экономики; сами же эти установки в свою очередь исходят из определенных методологических предпосылок. Чрезвычайно характерным является, например, огромное значение диалектического понимания взаимоотношения формы и содержания в деле методологической критики различных концепций в области советской экономики.

Теория советского хозяйства должна постоянно впитывать все эти методологические предпосылки, возможно полнее использовать то методологическое оружие, которое непрерывно обтачивается в области философии, политической экономии и т. д. Однако эти методологические предпосылки не являются для теории советского хозяйства самоцелью, а должны быть применены к изучению того огромного конкретного экономического материала, на основе анализа которого только и может существовать и развиваться теория советского хозяйства как теоретическая экономическая дисциплина, непосредственно связанная с практикой социалистического строительства.

Располагаем ли мы уже развернутой теорией советского хозяйства? Основы теории советского хозяйства или вернее ряда теорий советского хозяйства (ленинской, троцкистской, правооппортунистической, классически-меньшевистской, эсеровско-народнической, различных групп буржуазных экономистов), естественно, имеются. Без ленинских основ теории советской экономики немислима была бы та гигантская социалистическая реконструкция, которая осуществляется; они являются методологическим путеводителем при изучении конкретной советской экономики. Однако все же теория советского хозяйства, развернутая в теоретическую экономическую дисциплину, находится еще в процессе становления. Ленинское наследие не включает этой дисциплины. Она лишь должна быть со-

здана и создается на основе ленинского учения. Ленинизм—марксизм эпохи империализма и диктатуры пролетариата естественно включает систему взглядов на переходный период. Сюда относятся учение о государстве и праве переходного периода, о классовых взаимоотношениях, о стратегии и тактике классовой борьбы и, конечно, об экономике переходного периода и т. д. Эта система взглядов охватывает как общие закономерности, свойственные любому обществу переходного типа, так и особенности СССР. Ленинское наследие включает основные принципы движения нашей хозяйственной системы: имманентные законы движения к социализму (теория построения социализма в СССР), единство хозяйственной системы (несмотря на наличие 5 укладов) на основе рабоче-крестьянского блока под гегемонией пролетариата, неизбежность непримиримой классовой борьбы с капиталистическими элементами, стихийного роста капитализма из мелкотоварного хозяйства, невозможность стихийного «врастания» советского хозяйства в социализм, наличие революционного «скачка» между товарно-капиталистической системой и советской экономикой, резкое подчеркивание специфичности советского хозяйства, гигантской роли надстройки в ее влиянии на базис, необходимость для построения социализма глубоких технических и экономических сдвигов (а не изменения лишь внешней формы регулирования хозяйства) и т. д. Ленин детально разработал и конкретизировал проблемы экономической политики первых лет нэпа и наметил линию развития советской экономики на весь переходный период. Ленинские принципы составляют методологическую основу теории советского хозяйства. Изучая конкретную экономику СССР, мы, пользуясь ленинским анализом, классифицируем и сопоставляем явления на основе этих принципов, получаем необходимую абстрактную модель классовых взаимоотношений, хозяйственных процессов и т. д.

Диалектический метод включает единство анализа и синтеза—от абстрактных положений мы должны снова «совершить восхождение» к миру конкретики, пройдя соответствующие опосредствующие звенья от абстрактного к конкретному, представляющие последовательно ступени конкретизации. Располагаем ли мы в достаточной степени этими опосредствующими звеньями? Несомненно, нет. Естественно, что это отнюдь не означает отсутствия приводных ремней от ленинских теоретических положений к конкретному социалистическому строительству (без них немислимо было успешное строительство этой системы приводных ремней тем самым конечно не «снижаются с порядка дня».

Развернутая в теоретическую экономическую дисциплину теория советского хозяйства и должна явиться этой конкретизацией ленинских основ теории переходного периода, не превращаясь при этом, конечно, в простое описание конкретной динамики процесса воспроизводства и классовых взаимоотношений, выступающих на поверхность явлений. Теория советского хозяйства выявляет их закономерность, притом не только общего, но и более конкретного характера. Эта конкретизация заключается в изучении самого механизма процесса воспроизводства, в изучении разнообразных форм этого механизма, в последовательном размещении этих форм во времени, выявлении закономерностей трансформации этого механизма, выявлении модификации экономической структуры СССР на различных этапах.

Не давая сейчас развернутого определения предмета теории советского хозяйства, остановимся на некоторых моментах, требующих соответствующей теоретической разработки. Прежде всего необходима систематизация разрозненных работ по анализу частных закономерностей советской экономики, синтезирование их в систему, логическое размещение общих и частных закономерностей, выявление связи между ними.

Характерно, что до сих пор мы не располагаем систематически разработанной теорией регулятора нашей хозяйственной системы (его эволюции на различных этапах), анализирующей его многочисленные формы проявления. До сих пор даже среди коммунистов-экономистов нет единства в самых общих вопросах теории регулятора советского хозяйства. У некоторых из них общетеоретические установки находятся в вопиющем противоречии с их же взглядами по конкретным вопросам социалистического строительства. Мы не располагаем разработанной теорией цены, денег, кредита, разработанной теорией взаимоотношения плановых рычагов—рычагов непосредственного руководства и рычагов косвенного рыночного воздействия—на различных этапах, взаимоотношения натуральных и денежных форм регулирования; теоретически не разработана сложнейшая проблема перехода к плановому продуктообмену. Характерно, что бурный рост коллективизации застал теорию «враспих»; требуется разработка теории социалистической контрактации, теории трансформации мелкого хозяйства в условиях сплошной коллективизации; проблемы воздействия производственных отношений на способ производства в условиях сплошной коллективизации; проблемы «общественных стимулов» и распределения в колхозах. Следует подчеркнуть, что вообще теоретическая разработка проблемы распределения у нас находится в зародышевом состоянии; неряшливость и путаница в терминах являются немалым симптомом путаницы в понятиях. Общеизвестно, далее, как слабо разработана проблема воспроизводства в СССР (анализ которой связан с разработкой вышеперечисленных проблем). В связи с этим крайне затрудняется задача построения народнохозяйственных балансов, имеющая такое актуальное значение. Словом, начиная с наиболее общих проблем (как общая теория регулятора), через проблемы, изучающие конкретный механизм его действия, его модификаций, дающие ключ к пониманию процесса воспроизводства, темпа, распределения дохода, накопления и т. д., вплоть до более конкретных проблем — по всем этим линиям до сих пор еще не проделано и необходимого на данном этапе минимума теоретической работы.

Практика социалистического строительства проходила при отсутствии развернутой теории советского хозяйства. Попытки создания такой теории среди коммунистов-экономистов в общем были неудачны². Во-первых, они не могли достичь нужной степени конкретизации, во-вторых, они страдали рядом существенных погрешностей, приводивших некоторых из них к явному противоречию с основными принципами ленинизма. Общим грехом всех этих попыток была недооценка роли планового начала в экономике СССР, следовательно, тем самым недостаточный учет ее специфических особенностей (об этом ниже).

² В данном случае мы, естественно, оставляем в стороне те теоретические попытки анализа советской экономики, авторы которых и не пытались исходить из ленинских принципов.

Развернутая теория советского хозяйства, которая являлась бы ведущим началом практики строительства, у нас отсутствует. Те колоссальные сдвиги, которые осуществлены и осуществляются в практическом строительстве, создали известный перелом в работе и в теории советского хозяйства (пройденные этапы теоретически сейчас осознаются по новому), но все же эта работа и до сих пор является лишь слабым рефлексом практики. Между тем колоссальное усложнение задач строительства, особая важность уточнения не только проблемы направления, но и темпа развития, теоретические задачи, возникающие в связи с генеральным планом построения социализма, технические, экономические, организационные задачи построения фундамента социалистического общества в условиях сложнейших взаимоотношений с мировым капитализмом—диктуют жизненную необходимость скорейшего создания этой теории (не говоря уже о необходимости систематического изучения «русского опыта» для международного пролетариата). Необходима развернутая углубленная методологическая работа и тщательный анализ на ее основе богатейшего конкретного материала в его динамике, поскольку задачей теории советского хозяйства, естественно, является не столько выявление общих закономерностей всего переходного периода, сколько изучение трансформации экономики по этапам.

Предмет и метод теории советского хозяйства зависят от характера закономерностей экономики СССР. Обратимся к основному закону ее движения к проблеме регулятора.

2. О РЕГУЛЯТОРЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Прежде чем перейти к вопросу о регуляторе хозяйства СССР, остановимся на понятии «регулятора экономики».

Сплошь и рядом встречается противопоставление или раздельное изучение 1) регулятора хозяйственной системы, 2) ее закона движения и 3) производственных отношений этой системы.

Это неправильно. Производственные отношения являются не застывшим понятием, а социальным процессом. Марксизм знает лишь производственные отношения в динамике. Капитал вне кругооборота, деньги вне их функционирования не существуют. Постоянно имеет место воспроизводство этих отношений, их трансформация; в один период она протекает относительно медленно, в наш переходный период—относительно быстро, причем эта количественная разница в темпе переходит в качественную.

В товарном обществе основным производственным отношением является стоимость, ее модификация—превращение в капитал означает возникновение отношений капиталистического общества, далее—модификации монополистического порядка знаменуют наступление новой фазы развития капитализма.) В переходный период специфические производственные отношения основаны на гегемонии пролетариата в рабоче-крестьянском блоке. План, как выражение этой гегемонии, имеет на протяжении переходного периода ряд модификаций своих форм, сводящихся к тому, что моменты косвенного регулирования отступают перед моментами непосредственного руководства хозяйством; иными словами, происходит процесс обобществления хозяйства, процесс развертывания социалистических производственных отношений. Можно ли отделять процесс воспроизводства производст-

внешних отношений, их трансформацию, от движения хозяйственной системы? Конечно нет. Движение хозяйственной системы и означает процесс воспроизводства (включающий трансформацию) социальной формы производительных сил, производственных отношений. Это движение, естественно, не может не быть закономерным. Нет движения вне его законов, нет законов вне движения. «Закон есть прочное (остающееся) в явлении» (Ленин). В процессе воспроизводства производственных отношений нас и интересует то постоянное, то устойчивое, что составляет их закон. Случайное, поверхностное нами оставляется в стороне. Закон стоимости—закон движения товарной системы. Стоимость—ее основные производственные отношения. Закон стоимости—это закон воспроизводства этого производственного отношения, т. е. иными словами, производственное отношение в динамике. Нет производственного отношения вне закона движения хозяйства, нет стоимости вне закона стоимости.

Можно ли отделять от закона движения хозяйственной системы регулятор этого движения? Находится ли этот «регулятор» вне этого движения, в виде какой-то внешней силы, сообщающей хозяйственной системе движение посредством толчка извне? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы сразу выявился отрицательный ответ. Поскольку мы признаем само движение хозяйственной системы, законы ее движения не могут естественно не быть законами, регулирующими это движение. Регулятор или законы, регулирующие движение хозяйства (кстати «регулятор хозяйства»—крайне неудачный механистический термин), не могут быть оторваны от этого движения: такой механистический разрыв приводит к внеклассовой трактовке регулятора, как чего-то формального, бессодержательного,—с одной стороны, и к затушевыванию внутренних глубоких законов движения хозяйственной системы и к подмене саморегулирования движения регулированием со стороны внешней формы,—с другой⁴.

Производственные отношения в их динамике, закон движения хозяйственной системы и ее «регулятор» тождественны.

Изменение производственного отношения означает тем самым и изменение регулятора не только по форме, но и по содержанию. Такая установка резко противоречит бухаринской концепции, согласно которой содержание регулятора остается неизменным («закон трудовых затрат»), независимо от смены производственных отношений, меняющих лишь форму проявления этого регулятора (об этом ниже). Раздельное рассмотрение регулятора как механизма, аппарата, устанавливающего пропорциональность, от специфического социального закона движения хозяйственной системы, т. е. от развития внеклассовой структуры, может привести к уступке бухаринской концепции, так как при этом регулятор в значительной степени также мыслится лишь как внешняя форма, механически связанная с содержанием производственных отношений.

⁴ Тов, Леонтьев в своей ценной брошюре «Закон трудовых затрат» рассматривает регулятор, как один из подчиненных элементов (разрядка моя—Л. Т.) общего закона движения данной хозяйственной структуры (с. 58). Поскольку однако под регулятором «правильнее всего было бы понимать принцип, устанавливающий определенные пропорции в общественном производственном процессе» поскольку «в регуляторе объединяется как форма установления этой пропорциональности, так и конкретное материальное содержание» (с. 58),—поскольку это так, возникает невольно вопрос, не совпадает ли регулятор с законом движения, а если нет,—то что собственно выпадает на долю этого закона помимо того, что отведено по штату регулятору.

В условиях товарного хозяйства стоимость представляет собой основное производственное отношение — основной закон движения — регулятор. Регулятор экономики имеет естественно содержание и форму, не отделимые друг от друга: форма и содержание составляют диалектическое единство, в котором нет бессодержательной формы, нет бесформенного содержания. Лишь механически можно объединять форму с чуждым содержанием. Содержание процесса воспроизводства производственных отношений неотделимо от механизма его осуществления, от формы выражения этого процесса воспроизводства.

В условиях СССР, естественно, регулятор хозяйства также не может не совпадать с законом движения экономики, т. е. с процессом воспроизводства ее специфических производственных отношений (это воспроизводство в условиях СССР означает постоянную их трансформацию). Поскольку осуществляется правильная экономическая политика (а это является непременной предпосылкой того, чтобы экономика СССР являлась экономикой переходной к социализму) — этот закон движения является законом движения к социализму.

Поскольку же это движение к социализму не может быть стихийным — закон движения к социализму не может не быть и законом построения социализма. Иными словами, законы построения социализма являются не только нормами (составляя суть ленинского учения об экономике переходного периода), но и реальными формами движения хозяйства СССР к социализму.

Закон построения социализма или, вернее, система этих законов представляют собой формы, в которых должен протекать (и реально протекает при правильной политике) процесс трансформации производственных отношений СССР, превращающий их из отношений переходного типа в отношения социалистические.

Таким образом эта трансформация производственных отношений⁵, иными словами, процесс обобществления, осуществляемый в условиях диктатуры пролетариата на основе рабоче-крестьянского союза, и составляет содержание регулятора экономики СССР.

Этот процесс обобществления неотделим от трансформации способа производства, от индустриализации, и является ее ведущим началом.

Следовательно, воспроизводство производственных отношений СССР означает процесс такого распределения живого и мертвого труда, которое бы соответствовало задачам воспроизводства этих отношений, соответствовало бы социалистическому направлению развития нашего хозяйства. Тем самым регулятор хозяйства СССР, имеющий в качестве своего содержания этот процесс, не может быть отделен от системы классовых отношений СССР, не будучи оторван от самой хозяйственной системы, не будучи лишен своего содержания⁶.

⁵ Специфичность хозяйственной системы СССР проявляется между прочим в том, что эта социалистическая трансформация составляет ее суть, между тем как нельзя утверждать, что сутью феодального хозяйства является его движение к капитализму или сутью капиталистического хозяйства — процесс нарастания элементов, являющихся предпосылкой движения к социализму.

⁶ Это относится к любому регулятору хозяйства, между тем как иногда встречаются попытки противопоставить закон стоимости, как регулятор капиталистического хозяйства, классовым отношениям капитализма, в то время как стоимостный регулятор лишь в определенной модификации — в капиталистической форме — является регулятором капиталистического хозяйства и тем самым выражает его классовые отношения.

Поскольку процесс обобществления, составляющий содержание регулятора, не может осуществляться путем стихийного «врастания», он неотделим от планового руководства хозяйством, от плановой формы. Иными словами регулятором экономики СССР является плановый регулятор процесса построения социализма.

Плановый механизм отличается множественностью форм. Здесь напрашивается следующая аналогия: деньги, являющиеся формой стоимости, имеют в свою очередь несколько форм, которые выражаются в функциях денег,—также и плановая форма регулятора имеет ряд своих форм (или определенностей формы, употребляя терминологию Маркса)—формы непосредственного управления, косвенного воздействия, регулирования через цены, через налог, контрактацию и т. д. Эти определенные плановые формы, выступающие на поверхности явлений, следует отличать от основной формы. Определенности формы могут сохранять внешние признаки, свойственные формам проявления регулятора прежней системы, хотя за ними уже скрывается другая основная форма.

Нередко имеет место «вульгаризация» методов изучения советской экономики, ее основных закономерностей. Так например по внешним признакам этих определенных форм, вне зависимости от основной формы, которая скрывается за ними, допустим, на основе наличия рыночных и ценовых принципов, путем рассмотрения рынка и цены формально вне зависимости от плана,—делается вывод о том, что у нас господствует стихийный регулятор⁷. Необходимо тщательное изучение трансформации основной формы и определенностей формы для объяснения закономерностей советского хозяйства. Особый интерес представляет изучение противоречий между этими определенными формами и содержанием регулятора. Например рыночная форма в тех или иных конкретных особенностях становится тесной для плана на определенных этапах движения к социализму⁸.

Единство формы и содержания планового регулятора совершенно ясно, если мы рассматриваем регулятор не формально, не как

⁷ Стихия и план являются основными формами регулятора, рыночная же форма не может являться «определенной формой» и стихия и план, сохраняя при этом и некоторые общие внешние черты.

Не следует смешивать борьбу плана со стихией, как непримиримым началом, и использование планом рыночной формы, ее трансформацию.

⁸ Эти «определенности формы» должны конечно соответствовать природе нашего регулятора на том или ином этапе его развития (например рыночные формы, форма цены «возникли» в нашей экономике не случайно); при этом надо иметь в виду, что при непосредственном проявлении регулятора через эти определенные формы в самом «грешном мире явлений»—в этих определенных формах не могут не иметься и «случайные», с точки зрения ошибки закономерностей движения хозяйства, моменты (например различного рода «конъюнктурные» явления, влияние метеорологических условий и т. д.).

В этих моментах «форма бывает равнодушной к содержанию... И это бывает именно потому, что явление вообще еще не вполне чуждо внешности. Возьмем, например, книгу: для ее содержания, конечно, безразлично, написана ли она или напечатана, переплетена ли она в папку или в сафьян. Но это отнюдь не значит, что, отвлекаясь от такой внешней и безразличной формы, само содержание книги бесформенно» (Гегель, «Логика», с. 224). Однако наступают моменты, когда не только в этих случайностях, но и по существу «определенности формы» становятся «равнодушными внешними формами», вступая в конфликт с содержанием регулятора. Недавно мы были свидетелями, как прежние методы хлебозаготовок, вступившие в противоречия с задачами плана на данном этапе, были в условиях ожесточенной борьбы с капиталистическими элементами заменены другими методами.

оторванный от классовой системы механизм. Воспроизводство производственных отношений, социалистическое накопление, процесс обобществления не могут быть осуществлены вне планового руководства хозяйством (социализм не вырастает стихийно), наоборот, действительное плановое руководство народным хозяйством немыслимо в неопределенной классовой структуре, вне процесса обобществления.

Наш план является в известном смысле «народнохозяйственным». Термин «народнохозяйственный план» подчеркивает, что наш план руководит народным хозяйством в целом, что он не является планом частных хозяйств или планом, действующим на определенном участке. Термин этот, впрочем, несколько затушевывает классовую природу нашего плана, его отличие от плана социалистического общества. Наш план в отличие от плана социалистического общества, являющегося планом всего общества в целом, есть классовый план, план рабочего класса, интересы которого в основном совпадают с интересами бедняcko-середняцких масс крестьянства и резко расходятся с интересами капиталистических элементов (медовательно, его осуществление мыслимо лишь в условиях классовой борьбы). Далее, если план социалистического общества при распределении ресурсов исходит из максимальной производительности народного хозяйства в сочетании с наилучшим удовлетворенным общественной потребности, то наш план в условиях неполного обобществления производства не способен распределять ресурсы с таким эффектом (хотя это распределение и даст значительно больший эффект, чем в условиях товарно-капиталистической системы), эффективность распределения ресурсов достигается у нас путем преодоления противоречий (не всякое противоречие выражается в классовой борьбе; следует различать антагонизм плана пролетарской диктатуры и кулака и противоречие) планового начала и стихийных тенденций индивидуальных (не только кулацких) хозяйств.

Наличие классовой борьбы, наличие этих противоречий означает наличие противодействующих этому народнохозяйственному плану тенденций. Смешно было бы отрицать наличие стихийных тенденций в нашем народном хозяйстве. Мы ощущаем все время довольно сильные удары стихии при осуществлении народнохозяйственного плана. Возьмем хотя бы последний 1928/29 год, давший в общем и целом значительную победу плановому началу. Продвижение хозяйства вперед по линии индустриализации, обобществления, сопровождалось однако таким распределением народного дохода, которое не совсем совпадало с планом. Так, рабочий класс получил не столько, сколько намечалось по плану; кулацкая верхушка деревни получила в денежном выражении несколько больше, чем намечалось (правда, это сопровождалось сокращением ее производственной деятельности). Проявлением стихийных тенденций является наблюдаемый в 1928/29 и 1929/30 гг. усиленный убой скота. В 1928/29 г. сократились крестьянские посевы сахарной свеклы, в связи с очень сильным ростом (вопреки плановым расчетам) цен вольного рынка на конкурирующие со свеклой товары, в особенности в связи с ростом цен на картофель. Сокращение посевов свеклы повлияло на выработку сахарной промышленности, и тем самым на состояние снабжения городского населения. Этот факт также является иллюстрацией одного из «прорывов» стихийных тенденций, направленных против народнохозяйственного плана.

Отсюда следует, что мелкотоварное крестьянское хозяйство может рождать стихийно лишь капитализм, что у нас имеется больше, чем для капитализма, чем для социализма, если отвлечься от всего прочего и манетного развития мелкотоварного хозяйства.

Тов. Сталин резко подчеркивает капиталистический характер стихии и оппортунистичность теории «самотека» (стихийного вращивания в социализм).

«Капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе одноклассным хозяйством.

Конечно мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство, но оно в своей основе одноклассно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина „Экономика переходного периода“, о „товарнокапиталистической тенденции крестьянства в противоположность социалистической тенденции пролетариата“. Этим именно и объясняется, что „мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе...“ (Ленин). Можно ли сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе одноклассно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом.... Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская»⁹.

Маркс, абстрагируясь от мелкотоварных форм в анализе капитализма, не абстрагировался тем самым от основного закона движения капитализма—от закона стоимости (поскольку у мелкотоварного и капиталистического хозяйства—общий закон движения, различающийся своими формами).

Абстрагироваться же в условиях советского хозяйства от мелкотоварного хозяйства значит абстрагироваться от существеннейшего элемента «планового регулятора переходного периода», без которого он не может вообще функционировать—от необходимого включения и подчинения стихийных тенденций. Таким образом эта абстракция означает полное искажение природы нашего плана, приводя на практике либо к троцкизму (план госсектора, не учитывающий стихийных тенденций), либо к оппортунизму, замазывающему проблему «кто кого?», отрицающему необходимость подчинения стихии плану. Таким образом, лишь преодолевая стихийную тенденцию мелкого хозяйства, насаждая социалистические формы, заменяя мелкохозяйственный уклад иным, крупносоциалистическим, пролетарская диктатура может построить социализм. «Социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый социалистический лад» (Сталин)¹⁰.

Наступление на стихийную тенденцию мелких товаропроизводителей отнюдь не означает однако наступления на интересы мелких товаропроизводителей. Интересы мелкотоварного производителя могут идти как по линии стихийной тенденции (перерастание в кулака), так и по линии подема своего жизненного уровня на основе включения своего хозяйства в осуществляемую плановым путем

⁹ Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов.

¹⁰ Там же.

коллективизацию. Лишь у капиталистических элементов стихийная тенденция развития их хозяйств неотделима от их интересов. Поэтому их интересы никак не совместимы с «социалистической тенденцией пролетариата», между тем как у середнячко-бедняцкой деревни коренные интересы не противоречат этой тенденции пролетариата. Мало того, их перспективы при победе этой тенденции неизмеримо благоприятнее, чем при победе тенденции капиталистической. Наличие плана как регулятора хозяйства возможно лишь благодаря тому, что основным производственным отношением является у нас отношение пролетариата и мелкого крестьянства.

Естественно, что поскольку регулятор означает определенное объективное, реально существующее, материальное (не в смысле чувственной материи) производственное отношение (всякое производственное отношение материально), мы можем констатировать наличие единого планового регулятора и независимо от того факта, что отдельные товаропроизводители или даже миллионные их массы то или иное плановое воздействие субъективно воспринимают как «стихийный» рыночный стимул¹¹. Это несомненно имеет место, поскольку моменты косвенного регулирования через обмен играют большую роль, постольку крестьянство производит, имея перед собой те или иные стимулы, в значительной степени не по непосредственным директивам планового центра. Однако поскольку объективно эти стимулы, создаваемые планом, движут хозяйство в намеченном плане направлении, постольку в едином процессе воспроизводства между тяжелой промышленностью, легкой промышленностью и сельским хозяйством («треугольник»), обобществленный сектор, план, господствует в форме ли непосредственного управления или—выступая основным заготовителем и снабжающим органом—в порядке более косвенного воздействия; план является регулятором народного хозяйства СССР, если направление и темп движения хозяйства соответствуют «закону построения социализма».

Итак, осуществление плана построения социализма возможно лишь при ожесточенной борьбе с капиталистическими элементами, ведущей к ликвидации их как класса и тем самым к подрыву стихийной тенденции, а также путем преодоления ряда противоречий, в которых протекает процесс направления мелкотоварного хозяйства по линии социальной и технической реконструкции.

Процесс воспроизводства в СССР на каждом данном этапе, как и процесс трансформации всей советской системы, проходит в условиях противоречия.

Эти противоречия находят свое отражение в хозяйственных затруднениях, в классовой борьбе.

Из теории двух регуляторов или теории двух «кругов воспроизводства в СССР», естественно, следует, что основные противоречия нашей хозяйственной системы вытекают из наличия двух регуляторов. Эта установка, отрицая по существу единство системы, не видит возможности разрешения этих противоречий путем имманентного дви-

¹¹ Марксистская теоретическая экономия не сводит объективные закономерности к мотивам индивидуальных хозяев.

Наличие товарного фетишизма, как неотъемлемого момента стихийного регулятора, мы должны, естественно, констатировать, не исходя из богдановской концепции товарного фетишизма, не как «точку зрения», а прежде всего как объективную категорию.

жения системы; разрешение противоречий мыслится лишь благодаря вмешательству внешней силы.

Признание наличия единого планового регулятора и единого процесса воспроизводства отнюдь не снимает не только противоречивости, но и ее антагонистической формы в советской системе хозяйства. То, что классовая борьба не только не исчезает при наличии планового регулятора, но даже обостряется на известных этапах при росте роли непосредственного планового руководства—сейчас ясно и невооруженному глазу: достаточно привести примеры классовой борьбы при плановом снабжении деревни, при осуществлении плана посевных компаний (этот план уже является директивным), при организованной сдаче хлеба верхушкой деревни, при осуществлении сплошной коллективизации.

* * *

В условиях СССР мы имеем резкое противоречие между уровнем производительных сил, унаследованным от дореволюционного периода (аграрный характер страны), между способом производства (раздробленность сельского хозяйства)—с одной стороны, и новой социальной системой, ее классовой структурой, задачами построения социализма, которые эта система ставит, ее имманентным движением—с другой.

Недостаточная степень индустриализации, не проявлявшаяся в условиях царизма в виде рыночных хозяйственных затруднений (иная система распределения дохода, иная система платежей в деревне), влияющая на спрос, импорт промтоваров, благодаря искусственному экспорту и т. д. в условиях СССР, благодаря иной социальной структуре, благодаря осуществлению задач социалистического строительства вскрывается и проявляется в ряде хозяйственных трудностей, напряженностей (недостаток средств производства, отставание сельского хозяйства благодаря низкому уровню техники и раздробленности, усиленной революцией, недостаток промтоваров широкого потребления и т. д.).

В условиях капитализма растущие производительные силы не могут развернуться, сдерживаемые специфической социальной формой, товарно-капиталистическими производственными отношениями, частной формой присвоения. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями, между общественным способом производства и частной формой присвоения не может не быть конфликтом внутри производственных отношений—классовая борьба его выражает и должна привести—а в шестой части мира уже привела—к созданию новой социальной формы, в конечном итоге снимающей эту специфическую преграду для развития производительных сил. Социалистическое общество, социалистические производственные отношения, давая возможность развертыванию скрытых потенциальных возможностей в области производительных сил, вместе с тем разделка их соответствующего роста, требуют новой технической базы: напр, электрификация, встречая препятствия при капитализме благодаря частной собственности,—при социализме становится не обходимым базисом новой социальной формы.

Разрешая специфическое противоречие—уничтожение частных форм присвоения,—социализм требует соответствующей технической базы для упрочения коллективной формы присвоения. В переходный период это требование строящегося социализма к производительным

силам особенно ярко проявляется в технически-отсталой стране. Трансформация производственных отношений «идет впереди» подтягивающегося уровня производительных сил, социальная реконструкция дает толчок развитию производительных сил. В наших условиях особенно ясно видно, что изменение производственных отношений отнюдь не является пассивным рефлексом развития производительных сил.

Если в условиях капитализма социальная форма отстает от потенциальных возможностей производительных сил, от способа производства, то в наших условиях изменение этой социальной формы, далеко не законченное, еще не успело привести к тому, чтобы эти потенциальные возможности превратились в реальность. Таким образом разрешение этого противоречия осуществляется не механически, не сразу. В наших условиях эти противоречия между требованиями производственных отношений и наличным способом производства усугубляются тем, что proletарская революция произошла в отсталой капиталистической стране. Не быстрый темп индустриализации создает «советскую систему» производственных отношений, а наоборот. Не рост производительных сил сельского хозяйства является ведущим началом в коллективизации, а наоборот. Это особенно ярко заметно сейчас, когда бурный темп коллективизации осуществляемой под руководством социалистического города, создал переворот в производственных программах промышленности. Конечно без соответствующего роста производительных сил немисливо закрепление и развертывание коллективизации, но в данном случае важно подчеркнуть, что «дало толчок». Политика колхозного строительства у нас отнюдь не грешит механистическим уклоном: развертывание коллективизации отнюдь не идет автоматически, пассивно вслед за подведением высокой технической базы, а наоборот идет впереди последнего («мануфактурный период» колхозов). Итак, поскольку социальная трансформация является ведущей, задачи социальной системы в условиях СССР не могут не вступать в противоречие с унаследованным низким уровнем производительных сил, несовместимым с социалистической формой производства. Отсюда напряженность хозяйственных процессов на определенных этапах периода реконструкции и возможное временное обострение трудностей. Социальная система, вызывающая необходимость быстрого роста производительных сил, создает и возможность этого рода, возможность для быстрых темпов в СССР. Вскрывающая эти противоречия, социальная система в своем имманентном развитии находит средство для их разрешения. Естественно, что и проявление этих противоречий и их разрешение немислимы вне системы производственных отношений.

Эти противоречия не могут не проявляться и не обостряться в классовой борьбе.носителем прогрессивных тенденций хозяйства выступает социалистический сектор, прообраз социалистического общества. Консервативные и реакционные тенденции концентрируются в частных секторах, в раздробленном мелком хозяйстве, причем активными носителями этих тенденций выступают капиталистические элементы. Процесс индустриализации, неотделимый от процесса обобществления, заканчивающийся ликвидацией класса капиталистов, закрытием каналов, порождающих капитализм, подведением новой техники под коллективную форму производства, разрешает противоречие между общественным способом производства и частной формой присвоения путем ликвидации последней.

В отличие от концепции Преображенского, концепция единого планового регулятора исходит таким образом из постепенного разрешения внутренних противоречий в условиях переходной к социализму экономики СССР, но вместе с тем эта концепция, в отличие от правых установок, констатирует наличие структурных противоречий, которые на определенном этапе обостряются и которые не могут быть произвольно сняты политикой наименьшего сопротивления. «Противоречие движет вперед». Лишь форсированное развертывание новых социальных форм, одновременно создающее возможности, требующее и осуществляющее быстрое подтягивание производительных сил, есть единственный способ разрешения этих противоречий.

Огромный интерес представляет* вопрос о том, имеем ли мы на всем протяжении всего переходного периода с момента новой экономической политики господство плана, или, по крайней мере, на два основных этапа — восстановительный и реконструктивный — приходится по различному регулятору (или системе регуляторов). В связи со всем вышесказанным следует ответить на этот вопрос в первом смысле. Бесспорно, что формы планового регулятора менялись, менялся характер, формы, соотношение его рычагов, но ведь плановый регулятор переходного периода не может не изменяться и притом быстрым темпом; ведь закон построения социализма постоянно модифицируется, сохраняя общие неизменные принципы, в конкретных условиях того или иного этапа. Соотношение классовых сил в СССР все время быстро трансформируется, формы классовых отношений меняются¹². Задача теории советского хозяйства, задача экономической политики заключается в тщательном изучении этих переходов, этого процесса трансформации, динамики классовых взаимоотношений. Однако можно ли утверждать, что мы имеем сейчас в реконструктивный период уже совершенно иной тип основных производственных отношений по сравнению с восстановительным периодом? А ведь об этом именно и говорят те, кто считает, что в реконструктивный период «появляется» новый регулятор, т. е. новый закон движения по сравнению с восстановительным периодом. Отсюда — логический вывод, что новая экономическая политика, отражающая производственные отношения и включающаяся в них, в реконструктивный период или на нынешнем «новом этапе» отменяется.

Иной регулятор — значит другой закон движения хозяйственной системы, иное производственное отношение, иная экономическая политика. Между тем, разве основная ленинская формула классовых взаимоотношений не является директивной на весь период нэпа, на весь переходной период? Естественно, что построение фундамента социалистического общества означает ликвидацию нэпа, но речь ведь пока идет не об этом.

¹² Вспомним отношение к частному капиталу в начале нэпа, выкорчевывание его корней и затем ликвидацию как класса в реконструктивный период; преобладание рыночных форм в смычке с деревней в восстановительный период, все больший переход к непосредственному воздействию на сельское производство и к плановому про-дуктообмену в период реконструктивный; преобладание в подавляющей массе индивидуального хозяйства в деревне в один период и переход и преобладание коллективных хозяйств в дальнейшем, когда «смычка города и деревни» все больше становится отношением внутри обобщественного сектора, когда партия, осуществляя свою генеральную линию, выдвигает для данного этапа реконструктивного периода лозунг «ликвидации кулачества как класса» в районах сплошной коллективизации.

Разве нэп с его классовыми противоречиями уже отпал? Отпало взаимоотношение социализма, необобщественного или неполностью обобщественного мелкого хозяйства? возможность частного сбыта, порождающая стихийные тенденции? разве проблема «кто кого»? уже разрешена? С другой стороны, разве резкое ограничение «свободы торговли» не совместимо с нэпом?

Основной принцип нэпа не в наличии неограниченного свободного товарооборота. Противопоставляя нэп «военному коммунизму», Ленин подчеркивал, что переход к нэпу есть переход к правильному обмену между городом и деревней в отличие от периода «военного коммунизма», когда у деревни брали в долг¹³ и когда, естественно, военно-административные способы хозяйствования господствовали. Нэп должен был обеспечить расширенное воспроизводство сельского хозяйства. Поскольку мелкотоварное хозяйство само в своем имманентном стихийном развитии не может «расширенно воспроизводиться», не переходя в капиталистическое, а капиталистический путь деревни не совместим с нэпом, нэп предусматривает постоянно трансформирующуюся систему воздействия социалистического сектора на мелкотоварное хозяйство при ограничении капиталистических элементов. Этим-то воздействием и объясняется тот факт, что при некапиталистическом пути развития деревни мы не имеем деградации или стагнации хозяйства бедняцко-средняцких слоев. Это воздействие через обмен города и деревни направлено в сторону полной коллективизации сельского хозяйства. Формы этого обмена на различных этапах различны. Ленин подчеркивал обусловленность значения рыночных форм наличием мощной машинной индустрии. Таким образом «свобода торговли» не только не является основным признаком нэпа, но никогда не имела при нэпе места.

Нэп—за исключением первого года «перестройки» сил, когда имело место отступление,—есть непрерывное социалистическое наступление, непрерывное осуществление закона построения социализма. Уже восстановительный период привел к овладению социалистическим сектором, командными позициями (включая обобществление оборота) для генеральной битвы с капитализмом, которая сейчас на данном этапе реконструктивного периода уже развернулась и исход которой уже ясен—нынешняя пятилетка даст социалистическому сектору мощную техническую базу и сплошную коллективизацию деревни. Следующий этап непосредственно смыкается уже с построением социалистического общества, когда особенно заострится проблема качества коллективных хозяйств, их коммуникация, создание системы энергичных центров (осуществление плана Гозларо для деревни), связывающих их в единый с промышленностью хозяйственный механизм, действующий в порядке планового управления¹⁴.

¹³ Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия... Брали большей частью, в долг за бумажные деньги» (Ленин, О продналоге).

¹⁴ Полное фактическое обобществление производства означает завершение нэпа. Пока в сельском хозяйстве не ликвидировано частное хозяйство, элементы которого сохраняются и в начальный период сплошной коллективизации,—нэп еще действует.

Таким образом нам отнюдь не приходится признавать, что в отношении восстановительного периода был прав Юровский или Смилга, утверждая, что регулятором был закон ценности, или был прав Преображенский, утверждая, что имелось два регулятора, одним из которых являлся закон ценности. Закон ценности, как регулятор, воспроизводит капиталистический строй, капиталистический путь развития всего хозяйства или его частного сектора. Всякое иное утверждение является оппортунистическим, механистическим пониманием закона ценности¹⁵.

Ни народное хозяйство в целом, ни сельское хозяйство не развивалось у нас в восстановительный период стихийно. Если бы это имело место, результаты социалистического наступления к концу восстановительного периода не могли бы быть объяснены. Откуда мог бы тогда явиться «плановый регулятор» реконструктивного периода? Следует резко подчеркнуть, что «скачок», означающий конец закона стоимости как регулятора, произошел не перед реконструктивным периодом, а он был уже пройденным этапом и в восстановительный период.

Уже в начале эпохи Ленин констатирует наличие у нас всего необходимого для построения социализма. Национализация промышленности, транспорта, кредита, командное положение в оптовом обороте, огромный вес обобщественного сектора в рознице, национализация земли, монополия внешней торговли—составляли уже в начале восстановительного периода мощную базу для единого плана.

Следует вспомнить о влиянии раскулачивания, проведенного в период военного коммунизма, о мощном механизме, сдерживающем рост капитализма, об ограничениях рыночного оборота: еще в 1925 г. приходилось принимать меры к снятию остатков «военно-коммунистических» преград для рыночного оборота, однако «свобода торговли» отнюдь не была осуществлена. Кстати уже следующая за 1925/26 гг. хлебная кампания 1926/27 г. проходила в условиях жесткого осуществления планового начала.

Огромное значение аппарата пролетарской диктатуры в деле ограничения капитализма в СССР бесспорно. Концессионная, разрешительная система организации капиталистических предприятий, невозможность свободного перелива капиталов, классовая налоговая политика, внеэкономическое давление на частных заготовителей—все это играло колоссальную роль. Направление ресурсов в стране проходило объективно в основном в соответствии с народнохозяйственным, а не частнохозяйственным, коммерческим принципом (рост тяжелой индустрии и т. д.). Хотя писанный народнохозяйственный план (контрольные цифры) возник лишь в 1925 г., но это отнюдь не означает, что в основном всюду на разных участках госсектор не осуществлял социалистического накопления, распределяя ресурсы в соответствии с его задачами. Яркой иллюстрацией роли планового начала в тот период являлось быстрое изживание кризиса 1923 г. и осуществление денежной реформы, когда проводилось плановым путем даввшее миллионные убытки снижение цен, когда блестящий результат дала система плановых мероприятий в области финансов и натурального распределения ресурсов.

¹⁵ Смилга в своем введении к «Восстановительному процессу» рассматривает закон стоимости как пулемет, который служит тому, к кому он повернут казенной частью. Проф. Кажанов признает возможность существования «планово-регулируемой формы стоимости».

Естественно, что роль стихии в первые годы нэпа была значительно сильнее. В 1923 г. мы имели со стороны стихии такой прорыв, который выбил плановое руководство хозяйства «из седла». Экономическая связь города и деревни резко ослабела. Система цен нарушала возможность «правильного» обмена. Социалистическая промышленность находилась под серьезной угрозой. Вносились предложения, идущие по линии массового импорта промтоваров широкого потребления и т. д. Однако вскоре план победил и снова занял свое место; уже весной и летом 1924 г. основные последствия кризиса были ликвидированы.

В начале нэпа стихийные тенденции естественно были сильнее, в реконструктивный период они опаснее (имевший место за восстановительный период рост капиталистических элементов, возросшая напряженность наших планов, новые более сложные задачи социальной реконструкции), зато и парализующие их силы значительно возросли.

Опасность победы стихийных тенденций вовсе не устраняется и сейчас мы отнюдь не вступили в царство произвольного индетерминированного плана. Для предотвращения победы стихии, т. е. капиталистического пути развития, требуется правильная экономическая политика, требуется наличие такого планирования, которое основано на познанный объективной закономерности, на объективных законах построения социализма.

При правильной политике исход проблемы «кто кого» предрешен (внутри страны), но предрешить еще не значит разрешить. Предстоит еще гигантская борьба, затушевывание необходимости которой на руку классовым врагам.

Нэп еще существует, и опасности, порождаемые им, не сняты.

Концентрируя внимание на особенностях того или иного этапа нэпа, мы не можем тем не менее отрицать наличие и общих основных закономерностей, общего планового регулятора для всего периода нэпа; разумеется, что этот регулятор не существовал вообще, вне тех модификаций, которые он претерпевал на различных этапах.

3. О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ И ПРЕДМЕТЕ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ленинизм дает основные принципы, основные методологические установки для теории советского хозяйства.

Остановимся на некоторых из них.

Ленинизм рассматривает переходный к социализму период как относительно длительный период, резко отличный от капитализма, отделенный от него революционным «скачком». Отсюда следует ряд выводов. Прежде всего, раз подчеркивается специфичность переходного периода, наличие этого революционного скачка, после которого начинается новая особая хозяйственная система, то отсюда следует вывод, что «врастание» старой хозяйственной системы в новую невозможно. Следует подчеркнуть, что речь идет не только о невозможности врастания в социализм без пролетарской революции, но и невозможности этого врастания после пролетарской революции. Теории врастания регулятора, товарно-капиталистического общества, стихийных законов движения хозяйственной системы в новую хозяйственную систему, т. е. производственных отношений товарно-капитали-

стихического общества в социализм как помимо пролетарской революции, так и после нее — по существу суть две стороны одной и той же оппортунистической, антиленинской теории (дело в степени, но не в существе).

Сюда же относится вопрос о резкой враждебности этих старых закономерностей новым, о резкой враждебности плана — стихии. Нет плана «вообще» и стихии «вообще». План и стихия имеют определенное классовое содержание¹⁶. Закон стоимости, к господству которого приводит победа стихийного начала, воспроизводит капитализм¹⁷. Мысль о том, что стихийные тенденции рождают капиталистические отношения, Ленин подчеркивал многократно и неустанно.

Таким образом стихия и план не могут сосуществовать под одним «колпаком» единого регулятора, — либо та, либо другая тенденция должны победить, господствовать и подчинить другую.

С внешней стороны как будто диалектической кажется формула, согласно которой и план и стихия являются у нас регулятором, формула же, допускающая господство или плана или стихии кажется формально-логической, метафизической, так как она якобы отрицает процесс перерастания старого регулятора в новый.

Однако не всякая формула «и — и» диалектична. Она является эклектической в том случае, если в ней механически объединяются разнородные моменты, если мы не делаем ударения на основном звене, на специфическом качестве, которое и является определяющим для данного явления или данной системы (вспомним критику Лениным буферной позиции Бухарина в профсоюзной дискуссии). Если мы признаем, что стихия и план суть классово-враждебные моменты, то должно быть ясно, что, отрицая гегемонию одного из них, как регулятора, можно объединить их только механически. Отсюда механическая концепция Преображенского. Мы не можем создать диалектического единства движения в определенном направлении, если будем иметь «объединение» этих двух регуляторов. Это объединение является эклектическим. Одна из тенденций должна господствовать, направлять систему в ту или иную сторону. Сторонники эклектической формулы: «план и стихия — регулятор экономики СССР» по существу мыслят господство планового регулятора лишь в стопроцентно-социалистическом обществе, т. е. как господство «абсолютного» плана, очищенного от взаимоотношений со стихией. Как известно, Преображенский для анализа советской экономики механистически изолировал «чистый» план от закона стоимости.

Признание господства «и плана и стихийности» должно привести к одному из следующих выводов: либо мы правильно трактуем отношение плана и стихийности, их классовую враждебность, — тогда мы должны стать на точку зрения двух регуляторов, отвести соответствующий участок хозяйства плану, соответствующий участок стихии,

¹⁶ Этот момент является одним из центральных в замечаниях Ленина на полях «Экономики переходного периода». Затумашивание классовой природы плана и стихии приводит к рассмотрению переходного периода, как трансформационного периода «вообще», к переоценке организационно-формальных моментов, к иллюзии о возможности чисто «организационного» охвата стихии, а не подавления ее путем выкорчевывания ее классовых корней.

¹⁷ В данной статье мы не останавливаемся на обосновании антагонистичности закона стоимости социалистическому строительству, так как этот вопрос получил уже достаточное освещение за последнее время.

признать, что план будет направлять хозяйство в одну сторону (социализм), а стихия в другую (капитализм). В результате произойдет некое «топтанье», которое в конце концов должно перейти в капиталистическую деградацию хозяйства. Так, у Преображенского нет теории экономики переходной к социализму—он дал теорию хозяйства, которое движется в неизвестном направлении (по существу—в капиталистическом направлении) и которое лишь после вмешательства внешней силы пойдет по социалистическому направлению. Имманентное движение к социализму у советского хозяйства в его теории не имеет места.

Если же мы будем по-иному трактовать отношение плана и стихийности, то придем к оппортунистической формальной, классово-бессодержательной трактовке плана и идеализации стихии. Отсюда шаг к теории «врастания стихии в социализм».

Ленинизм подчеркивает необходимость в переходный период глубоких сдвигов, сопровождаемых обостренной классовой борьбой, в противоположность теориям о том, что капитализм, особенно в своей последней фазе, создает такие элементы организованности, что по существу его гибель совпадает с построением социализма, между тем как пролетарская революция с фактом переворота и захвата командных высот еще не заканчивается и внутри страны (задача выкорчевывания корней капитализма). Отсюда в задачах переходного периода преувеличиваются моменты организационной перестройки, перемещения людей по ступеням иерархической лестницы. В этом отношении грешит в известной степени «Экономика переходного периода» Бухарина, в связи с его концепцией «чистого империализма». Ошибочность этого Ленин подчеркнул между прочим и в замечания на полях «Экономики переходного периода».

Из других основных моментов в ленинской теории следует отметить резкое подчеркивание огромной роли в переходный период надстройки, ее воздействия на базис. Чрезвычайно интересна в этом отношении речь Покровского на последней конференции историков-марксистов; противопоставляя механистический «экономический материализм» диалектическому материализму, он подчеркивал недооценку у первого роли организованного воздействия пролетариата на производственные отношения и через них на производительные силы.

«Экономический материализм» рассматривает производственные отношения и надстройки, как пассивный рефлекс уровня производительных сил, забывая, что производственные отношения суть социальная форма производства, упуская, что производственные отношения, возникнув, воздействуют обратно на производительные силы. Пролетариат есть основная производительная сила, при его диктатуре возникают колоссальные возможности роста производительных сил.

Статья Ленина по поводу записок Суханова¹⁸ особенно подчеркивает огромную роль экономической политики в наших условиях, роль воздействия пролетариата на производственные отношения, на способ производства, на производительные силы. Отсюда следует возможность высоких темпов, возможность построения социализма

¹⁸ Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 109 — 112.

в СССР. Ясно, что вопрос о роли технической и экономической отсталости СССР тесно связан с этим вопросом об «экономическом материализме». В самом деле, если уровень производительных сил определяет механически производственные отношения и всю экономическую политику, то отсюда следует соответствующая оценка общих перспектив СССР в различных вариантах (троцкизм, оппозиция 1925 г., меньшевики, буржуазные экономисты и т. д.), отсюда следуют теории развития в СССР производительных сил, вне зависимости от социальной формы (правые, буржуазные экономисты).

Ленинская теория советского хозяйства является таким образом частью теории хозяйства переходного периода; ленинизм есть учение, не ограничивающееся рамками СССР. Ленин написал на полях «Экономики переходного периода» что: «мировая революция началась не с наиболее слабого звена империалистической системы, а с «средне слабых». «Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»¹⁰. Хозяйственный строй, имевший место в России до пролетарской революции, входил в мировую империалистическую систему, подчинялся общим законам развития, гибели этой системы, и те закономерности, которые имеют место у нас после гибели этого «средне-слабого звена империалистической системы», неотделимы от общих закономерностей гибели всей хозяйственной империалистической системы. Новая экономическая политика есть универсальная политика переходного к социализму периода. Конечно ряд моментов, как техническая и экономическая отсталость, играет существенную роль, но отнюдь не такую, чтобы нельзя было советское хозяйство квалифицировать как переходное к социализму, не в смысле какой-то средней между капитализмом и социализмом хозяйственной системы, а как систему, трансформирующуюся в социалистическую.

Вопрос о специфической роли надстройки, о ведущей роли экономической политики теснейшим образом связан с вопросом о единстве хозяйства СССР, основанном на гегемонии пролетариата, и с вопросом о возможности построения социализма в СССР. Все эти три круга вопросов неразрывно связаны между собой. Ленинская трактовка этих вопросов составляет краеугольный камень теории советского хозяйства. Существеннейшим признаком ленинизма является не столько своеобразная трактовка «крестьянского вопроса», сколько специфическая оценка возможности гегемонии пролетариата²⁰. Для антиленинских установок характерна недооценка этой возможности. Выражением ленинской установки в этом кардинальнейшем вопросе является признание планового начала ведущим началом в хозяйстве СССР (гегемония пролетариата выражается в ведущей роли плана).

Все неленинские установки в области теории советского хозяйства могут быть объединены одним общим признаком — недооценкой роли планового начала в СССР, недооценкой специфических особенностей советской системы, ее возможностей, а, следовательно, механистическим проведением неверной аналогии — в той или иной степени — с товарно-капиталистической системой.

Несмотря на огромный диапазон колебаний, в установках Преображенского, Бухарина, Юровского, Дашковского, Смилги, Сокольникова, Богданова, Базарова, Громана и т. д. имеется эта общая

¹⁰ «XI Ленинский сборник», с. 397.

²⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 106.

черта. Конечно, этим нисколько не отрицается огромное принципиальное отличие в установках в области теории советского хозяйства и (особенно) в области экономической политики коммунистов правоуклонистского типа, троцкистов и буржуазных экономистов, но в данном случае нас интересуют именно тождественные черты в их взглядах. Характерной является следующая параллель между точкой зрения Преображенского, с одной стороны, и точкой зрения Громана, Базарова—с другой: Преображенский, как известно, считал необходимым абстрагироваться от экономической политики в целях изучения внутренних закономерностей советской экономики, обвиняя своих противников в штаммлериапстве, в телеологическом, а не генетическом подходе; Базаров и Громан в свою очередь выступают поборниками «генетического» подхода к советской экономике в противовес сторонникам «планового телеологизма» (об этом термине см. ниже). Характерно, что и Преображенский и Громан и Базаров по существу допускают наличие основных законов движения хозяйственной системы СССР вне планового воздействия, т. е. вне экономической политики в действии. Характерным для методологии Преображенского при изучении советской экономики является именно абстрагирование от экономической политики, а отсюда и раздельное изучение социальных секторов (абстрагированно друг от друга), Преображенский мотивировал такое применение абстрактного метода тем, что оно имело место со стороны Маркса при изучении товарно-капиталистического общества. Однако как известно, предмет исследования определяет метод исследования. В зависимости от того, как расценивать объект теории советского хозяйства, т. е. закономерности советской экономики, следует применять те или иные методы их изучения. Если фактически роль экономической политики в СССР настолько приближается к ее роли в товарно-капиталистической системе, что возможно при выявлении основных закономерностей экономики от нее отвлечься, то в этом случае метод вполне соответствует предмету исследования. Корень методологии Преображенского и заключается именно в его оценке природы советского хозяйства. В свою очередь Громан, Базаров, Кондратьев отвергали директивность планирования в отношении несоциалистического сектора, исходя из наличия внутренних железных стихийных закономерностей его развития, т. е. проща говоря, из незыблемости капиталистического пути их развития. Таким образом их план—прогноз—по существу не должен был препятствовать капиталистической реставрации.

Поскольку план—экономическая политика в действии, т. е. иными словами воздействие социалистического сектора на прочие секторы, на народное хозяйство в целом,—не играет ведущей роли, ~~секторы~~, что от него можно и должно отвлечься при изучении основных закономерностей движения хозяйственной системы по аналогии с товарно-капиталистической системой. Можно и должно изолированные от него внутренние закономерности движения отдельных секторов; в этом случае естественно, что мелкотоварный сектор, предоставленный по существу «внутренним» «стихийным» законам, должен покатиться к капитализму по рельсам закона стоимости.

И действительно, согласно концепции Преображенского, стихия, закон стоимости играют в хозяйстве СССР огромную роль. Государ-

ственный сектор сдавлен с двух сторон этим законом. С одной стороны— море крестьянских хозяйств и частных хозяйств, развивающихся к капитализму.— Закон стоимости, порождающий капитализм, является регулятором развития частного сектора. С другой стороны— на государственный сектор давит мировой капитализм с его законом стоимости и «отношение государственного хозяйства к крестьянскому с этой точки зрения чем дальше, тем больше делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом»²¹.

Вспомним, кстати, теорию Троцкого о воздействии мирового капитализма на нашу систему, его предложение строить наши хозяйственные планы по срокам, соответствующим капиталистическим циклам.

Естественно, что такая установка Преображенского логически приводит к его выводам.

Троцкизм, естественно, переоценивает роль стихии в СССР. Среди троцкистской оппозиции мы встречаем либо сторонников концепции двух регуляторов, в которой закону стоимости отводится весьма существенная роль, приближающая— с этой стороны— эту концепцию к установке Юровского и др., либо прямое признание господства закона стоимости в СССР (В. Смирнов, Смилга, Дашковский и др.). Оппозиция 1925/27 г. в основе своего анализа природы советского хозяйства и его перспектив имела переоценку стихийных тенденций (отрицание социалистического характера госпредприятий, нэп—отступление, вся наша хозяйственная система— госкапитализм, капиталистический путь развития деревни, невозможность построения социализма и т. д.). Естественно, что эти установки сливаются или растут в сторону классически-меньшевистских и либерально-буржуазных установок. Последние рассматривают хозяйство СССР как систему, могущую развиваться в силу имманентных законов лишь в сторону капитализма, если искусственно навязываемое «военно-коммунистическое» руководство— так они расценивают политику социалистического наступления— не приведет к хозяйственной деградации. Словом, либо реставрация капитализма, либо хозяйственная деградация.

Коренным является во всех этих установках вопрос о пути развития деревни. Сходство позиций троцкистов и буржуазных экономистов в оценке этих путей и роли государственного сектора выявляет тождественные черты— отрицание ведущей роли планового руководства.

Какова концепция правых уклонистов под этим углом зрения? Позиция так называемых «аграристов»,— наиболее крупный представитель которых т. Сокольников является сторонником теории, признающей господство закона ценности в СССР,— естественно сводилась к проведению максимальной аналогии между советской и товарно-капиталистической системами.

Позиция правоуклонистов 1928 г., в частности концепция т. Бухарина, основывается также на переоценке стихийных тенденций, на проведении аналогии между нашей системой и товарно-капиталистической (внеисторическое материально-трудовое содержание регулятора хозяйственной системы и т. д.), на недооценке ведущей роли плана (об этом см. ниже).

²¹ Преображенский, Новая экономика, изд. 2-е, с. 318.

Для концепции регулятора советской экономики т. Бухарина характерен механистический разрыв формы и содержания. «Материально-трудовое» содержание регулятора является «бесформенным», взятым вне специфической социальной формы (по существу об этом ниже — содержание закона стоимости под другим термином объявляется содержанием любого регулятора), а форма тем самым является «бессодержательной», внешней, взятой вне специфической классовой структуры, классовых тенденций советской экономики.

По т. Бухарину, в переходный период происходит своеобразный процесс «высвобождения» неизменного «рационального зерна» (вечного «закона трудовых затрат») из иррациональной рыночной внешней формы. Меняется форма при неизменности содержания — отсюда это изменение не может не быть внешним, поверхностным. Отсутствие взаимопроникновения формы и содержания приводит к концепции механистического «врастания» внеисторического материально-трудового содержания закона ценности в социализм²².

«Рациональное зерно» начинает «высвобождаться» по т. Бухарину еще при капитализме (теория «организованного капитализма»).

Поскольку у т. Бухарина рыночная форма является лишь внешней формой (отсюда и ошибочная переоценка «организованности» капитализма на основе некоторых внешних признаков), процесс «высвобождения» «закона трудовых затрат», «врастания» старой системы в новую через смену внешних форм — в чем по существу и заключается суть переходного периода при такой установке — должен быть сравнительно мирным. В этом процессе ударение делается на «организационной» переделке, внешней перестройке. Не мало общего можно найти по этой линии как в «Экономике переходного периода», вышедшей в 1920 г., так и в статье о «Политическом завещании Ленина», (1928 г.)²³.

Это чрезмерное выпячивание внешних организационных моментов затушевывает глубокие структурные процессы, создающие величайшие классовые сдвиги, ломающие старый способ производства, трансформирующие содержание регулятора.

²² «Закон трудовых затрат — голенький или в костюме — оказывается обязательным регулятором хозяйственной жизни» («К вопросам о закономерностях переходного периода», с. 37).

«Нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона», (с. 35). «Правильно то, что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности» (с. 43); в товарном обществе закон трудовых затрат «надевает на себя фетишистский костюм закона ценности» (с. 35), при социализме «закон трудовых затрат совпадает с . . . нормой трудовых затрат» (с. 49).

Таким образом по линии своего содержания стоимость является внеисторической категорией (прямое следствие механистического разрыва формы и содержания стоимости); чтобы избежать богдановщины, т. Бухарин, признавая, что «нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона» (речь идет о «закоме трудовых затрат») подчеркивает, что «сущность ценности как исторической категории состоит в ее фетишистском характере» (с. 35). В результате форма стоимости по т. Бухарину не может не являться внешней, механически соединенной с внеисторическим содержанием, — это, следовательно, не меновая стоимость (как форма, неотделимая от содержания стоимости — от абстрактного труда), а «фетишистский костюм» закона трудовых затрат.

²³ Характерна оценка т. Бухариным природы государства после пролетарской революции: «Старое государство разрушается, но новое есть в известной степени по-другому связанные старые элементы» («Теория исторического материализма», с. 308).

В рыночной стихийной форме затушевывается классовое содержание, а потому трансформация рыночной формы мыслится вне обостренной классовой борьбы, вне глубоких структурных сдвигов, вне выкорчевывания корней капитализма, — вместо этого якобы произойдет «организационный» охват частного сектора, установится новая система связей между теми же элементами, в частности установится новая система равновесия между теми же элементами и социалистическим сектором. На этом «организационном» охвате товарного хозяйства при сохранении элементов старой системы и основывается «вращание» последней в социализм.

Естественно, что при такой установке классовая опасность рыночной стихии затушевывается — отсюда предложения о развертывании свободы торговли, «нормализации рынка» и т. д.

Однако предложения, идущие по линии «нормализации» товарооборота, вытекают не только из теории допустимости этой «нормализации», они связаны и с установкой на ее необходимость, что логически следует из концепции т. Бухарина.

Поскольку перерастание рыночной формы в плансвую является по т. Бухарину лишь внешним, поверхностным процессом, постольку форма регулятора т. Бухариным по существу рассматривается вне механизма процесса воспроизводства. Речь идет не о внешнем проявлении этого механизма (внешние признаки могут затушевывать суть этого механизма), а о его сущности. Железный «закон трудовых затрат» как универсальный закон равновесия²⁴, составляющий и материально-трудовое содержание закона стоимости, и представляет по т. Бухарину собой сущность этого «внеисторического механизма». По существу однако, т. Бухарин объявляет внеисторическим железным законом равновесия то, что имеет отношение к стихийному механизму воспроизводства (но не как закон равновесия). Ошибочность его приобретенной печальную славу концепции «закона трудовых затрат» не в том, что она якобы исходит из необходимости соблюдения именно тех пропорций в распределении, которые имели бы место при реставрации капитализма. Согласно концепции т. Бухарина в различных социальных системах должны быть различные пропорции — и это положение отнюдь не противоречит сугубой механистичности его взглядов. Весь вопрос в том, что это различие в пропорциях, а следовательно, и степень их различия в СССР по сравнению со «стихийным» хозяйством у него создается не планом, как двигателем процесса воспроизводства, план по т. Бухарину лишь осуществляет новые пропорции, возникающие помимо его директивной роли, в силу железного закона равновесия гетерогенным путем — так возникает соотношение спроса-предложения, требование известного баланса, вне удовлетворения которого немисливо развитие системы.

Структура этого баланса по т. Бухарину, естественно, несколько иная, чем в капиталистических условиях (иное распределение дохода); план в процессе приспособления к этому балансу вносит известную рационализацию, экономию, устраняя внешние стихийные колебания, но по существу, задачей экономической политики может быть лишь приспособление к этому балансу, максимальное его осуществление —

²⁴ «Этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия» (с. 39).

таков железный неизменный закон «узких мест»²⁵, сохраняющий суть стихийного регулятора и для советской экономики.

Следовательно по т. Бухарину новые пропорции возникают в сущности автоматически, путем взаимоприспособления различных элементов новой хозяйственной структуры.

Между тем, директивная, ведущая роль нашего народного хозяйственного плана такова, что он сам создает (конечно не «произвольно»), спресс и предоживает, что он системой своих рычагов в значительной степени обезвреживает отсутствие рыночного баланса спроса-предложения²⁶. Система плановых рычагов внедряется в процесс образования спроса-предложения, ломая стихийные тенденции. Особенно ярко это выявляется сейчас, на нынешнем этапе, по линии воздействия социалистического сектора на сельское хозяйство через «новые формы смычки» когда четко вырисовывается не пассивное приспособление плана к балансу, стихийно возникающему в результате комплекса тенденций индивидуальных хозяйств; когда народнохозяйственный план (через рычаги сплошной коллективизации, делающей планирование сельского хозяйства оперативным, подрывающей стихийность по линии внутридеревского оборота, мер общественного воздействия, жесткого «зажима» в отношении капиталистических элементов и спекулятивного рынка, особенно в связи с ликвидацией капиталистического класса, развертывания контрактации и планового продуктообмена, системы финансовых мероприятий резко возросшего производственного снабжения, непосредственного регулирования процесса сельскохозяйственного производства, опираясь в то же время на нормированное снабжение сельскохозяйственными продуктами города) создает свои пропорциональности, обезвреживает стихийные тенденции, в частности значительно отодвигает возможность инфляции. Проводимый сейчас быстрый темп индустриализации и коллективизации конечно был бы немислим при приспособлении к стихийно возникающему балансу.

Это особенно четко выявившееся сейчас функционирование нового механизма воспроизводства (социалистическое соревнование, непрерывка, блестящие иллюстрации по линии промышленности), создающего новые пропорции, рассматривается правыми как нарушение «вечных», «железных» законов.

Естественно, что новым формам смычки, особенно ярко выявляющим этот новый механизм, правые противопоставляли «нормализацию рынка» как непрременный способ осуществления железного закона трудовых затрат.

Итак, по т. Бухарину в переходный период рыночная внешняя форма перерастает в плановую внешнюю форму, — внешнюю потому, что, при сохранении содержания закона стоимости, план может в ос-

²⁵ Закон узких мест — как «универсальный» «закон наименьших» — подробно изложен А. А. Богдановым («Тектология», 1922, с. 177—205). Его формулировка: «Устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей» (с. 178). Характерно, что по Богданову в рабоче-крестьянском блоке определяющим для программы и тактики партии началом является отсталое крыло блока — крестьянство (с. 182).

²⁶ Известна оценка т. Бухариным роли недостатка предметов широкого потребления, строительных материалов, отставания зернового хозяйства и т. д., преувеличение размеров хозяйственных трудностей и опасности инфляции в наших условиях,

новном лишь приспособляться к стихийному содержанию регулятора— «предварительная антиципация того, что при стихийном регулировании устанавливалось бы *post festum*»²⁷. В условиях советской экономики план-прогноз, в основном лишь предвосхищающий равнодействующую различных тенденций, такой «формальный» план, за которым скрывается стихийный регулятор, является планом реставрации капитализма, ибо стихия воспроизводит капитализм. Трактовка плана как прогноза сближала т. Бухарина с буржуазными экономистами, которые, кстати, очевидно, ясно отдают себе отчет в «целевой установке» такого плана-прогноза.

Таковы выводы из концепции т. Бухарина, коренящейся в механистической методологии, «сводящей» специфические особенности советской экономики к внеисторическим законам, проявляющейся в «организационной» точке зрения, в «технизме». Этот «технизм» затушевывает специфические особенности производственных отношений в СССР, их классовые противоречия, их имманентное развитие и активную роль.

Итак, все иленинские установки объединяются механистическими аналогиями с товарно-капиталистической системой, отрицанием в той или иной степени ведущей роли плана, отсюда и тех специфических возможностей, которые заложены в нашей системе. Одни делают отсюда вывод о «невозможности построения социализма в СССР», другие—построения социализма путем черепашьих темпов и «врастания стихии в социализм».

Словом, выводы из более или менее общих (относительно общих) предпосылок различные. Одни утверждают так: стихийные тенденции очень могущественны и ведут хозяйство к капитализму; экономическая политика должна этому помочь и рационализировать это движение (буржуазные экономисты), другие рассуждают: стихийные тенденции очень могущественны, они влекут все хозяйство к капитализму; необходима отчаянная борьба, особая экономическая политика, рассчитанная на то, чтобы продержаться ценой «сверхиндустриализма» и тяжелых конфликтов с мелкотоварным сектором (установка, с которой выступил троцкизм). Наконец третьи делают иные выводы: стихийные тенденции очень могущественны, но они могут мирно ужиться с плановым руководством путем «взаимопроникновения» и «врасти» таким образом в социализм (правоуклонистская концепция).

* * *

Существенное значение для методологии изучения советской экономики имеет вопрос об историчности существования экономических законов. Вопрос о наличии экономических законов в коммунистическом обществе тесно связан с оценкой основных закономерностей советского хозяйства.

Довольно распространенным является утверждение об исчезновении экономических законов вместе с заменой стихийного характера воспроизводства хозяйственной системы плановым. Признание плана регулятором советского хозяйства при одновременном отнесении по ведомству экономических законов, лишь тех законов, которые регулируют воспроизводство в «стихийном» хозяйстве,—ведет неизбежно к определенному выводу, отрицающему наличие в наших условиях экономических законов, как законов движения хозяйственной системы.

²⁷ Н. Б у х а р и н. К вопросу о закономерности..., с. 52.

Отсюда должен последовать, следует и дальнейший вывод: наука о советском хозяйстве не может быть теоретической экономической дисциплиной.

Отрицание экономических законов как законов движения экономического базиса означает отсутствие и самого его движения, ибо, естественно, что нет движения без законов, нет явлений без закона явлений, отсюда последовательно было бы сделать вывод о том, что экономический базис — как развивающаяся социальная форма производства — а вне развития нет этой формы — исчезает. Таким образом отсюда шаг к признанию, что в условиях организованного общества остается лишь материально-технический процесс и общественное сознание, причем материально-технический процесс мыслится по существу вне развития экономической формы.

Против распространенности экономических законов на коммунистическое хозяйство часто выставляют следующий аргумент: в условиях коммунистического общества специфические экономические связи исчезают, остаются по существу лишь технические формы, которые подобно техническому разделению труда в условиях товарно-капиталистического общества не могут сами по себе составить объекта для теоретической экономики; во всяком случае специфическая социальная форма коммунистического хозяйства настолько прозрачна, стимулы к максимальному росту производительности для максимального удовлетворения общественных потребностей настолько ясны, поскольку их претворение в жизнь через коллективную волю лежит на самой поверхности явлений, что отсюда следует со всей категоричностью вывод — экономических законов в коммунистическом обществе нет, следовательно, нет и объекта для теоретической экономической дисциплины.

Вся эта цепь рассуждений кажется нам ложной. Правильно ли наиболее крайнее положение, что в организованном обществе сущность закона движения экономики будет полностью совпадать с конкретным поверхностным миром экономических явлений, что надобность в соответствующем применении абстрактного метода отпадет?

Это неверно, так как и в организованном обществе действует сновное положение диалектики о том, что сущность, закон и явление не совпадают.

Поскольку «закон есть отражение существенного», «закон есть существенное явление», «закон есть прочное (остающееся) в явлении», поскольку тем самым «явление богаче закона», «явление—цельность, тотальность, закон—часть»,²⁸ постольку сущность закона не совпадает с явлением,²⁹ согласно Гегелю: «явление есть относительно закона полнота, ибо оно содержит в себе закон и еще более»³⁰.

Таким образом необходимость анализа экономических явлений для вскрытия за «богатой» поверхностью более «бедных», более «точных» абстракций путем выделения несущественного случайного, преходящего, очевидно остается и для коммунистического общества.

Остановимся на отождествлении технического разделения труда с производственными отношениями в коммунистическом обществе,

²⁸⁾ Л е н и н, Конспект «Науки логики» Гегеля, IX Ленинский сборник, стр. 148, 149.

²⁹⁾ По Ленину «Закон и сущность—понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одноступенные».

³⁰⁾ Л е н и н, Конспект «Науки логики», IX Ленинский сборник, с. 94.

на положении о том, что при коммунизме хозяйственная деятельность выражается лишь в отношении общества к природе.

Прежде всего нам кажется неверным механическое отождествление способов производства и организационных форм производства, внешне сходных, но имеющих место в различной социальной обстановке. Те же технические связи дают совершенно иной экономический эффект, иной темп развития в зависимости от того, каков основной характер производственных отношений: каково отношение людей к средствам производства.

На фабрике в условиях капитализма имеет место один темп производительности труда, в условиях советских на сцену выступает такое явление, как «социалистическое соревнование», и благодаря иному производственному отношению при тех же технических связях создается новый темп. Таким образом здесь решающее значение приобретает специфическая, историческая, экономическая форма технической связи,—если не идти по стопам Богданова, придающего решающее значение техническим формам связи—отношениям «организаторов» к работникам, взаимоотношениям инженеров, мастеров, рабочих и т. д. Особая форма отношения работников к средствам производства в условиях коммунизма—вернее особые определенности этой основной формы,—которая не мыслится, как абсолютно застывшая, которая должна иметь имманентное развитие,—вызывают соответствующий темп роста производительных сил. Будучи созданы развитием производительных сил, эти социальные формы в свою очередь оказывают мощное обратное воздействие на способ производства, направление развития, на темп. Таким образом налицо особое специфическое воздействие надстройки на материально-технический процесс производства. Развитие способа производства (обобществление труда) приводит в конечном итоге к коммунистической экономической форме, к различным определенностям этой основной формы. Эти определенные формы коммунистического сочетания труда в свою очередь воздействуют на материально-технический базис, развитие которого неизбежно вступает в противоречие с той или иной из этих определенных форм, которые более или менее соответствуют развитию того или иного способа производства—это противоречие не может не быть противоречием внутри коммунистической формы. Происходит смена одной формы другой. Имеются ли здесь теоретические экономические проблемы? Несомненно.

Для первой фазы коммунистического общества—для социализма—огромное теоретическое значение приобретает проблема трансформации тех отношений, которые выражаются «остатками буржуазного права», в отношении развернутого коммунизма. Осуществление принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям» знаменует собой соответствующую трансформацию механизма процесса воспроизводства.

Далее, разве проблема максимального роста производительных сил при отсутствии принудительного характера труда и при полном удовлетворении индивидуальных потребностей не ставит по-новому проблему сочетания производства средств производства и производства средств потребления? Разве роль потребления в ее обратном воздействии на производство не составит сложной теоретико-экономической проблемы, помимо технико-физиологической стороны этой проблемы?

Далее проблема «редукции» в условиях коммунистического хозяйства. Проблема квалифицированного труда в особых условиях коммунистического общества (постоянный переход рабочей силы из одной сферы в другую). Влияние этих особых экономических условий на способ производства, на материально-технический базис, разве эти проблемы не примыкают непосредственно к сложнейшей теоретической экономической проблеме—проблеме натурального учета в условиях коммунизма, проблеме единицы учета и к проблеме построения баланса народного хозяйства, дающего специфическую картину сочетания индивидуального труда в общественный? Проблема специфического взаимодействия производственных отношений и производительных сил в условиях коммунистического общества не может не быть в поле зрения теоретической экономической дисциплины. Экономическое планирование в условиях коммунизма не может не базироваться на познании специфических экономических закономерностей. Поскольку же экономические формы коммунистического общества не могут не развиваться, поскольку создаются все новые и новые определенности коммунистической формы (различные форм коллективизации труда)—происходит модификация экономических закономерностей.

Нельзя представлять себе хозяйственный механизм коммунистического общества настолько упрощенчески, чтобы проводить аналогию между хозяйственной связью людей при коммунизме и хозяйственными связями, образующимися при техническом разделении труда внутри предприятия. Разница здесь не только количественная (благодаря различной сфере—предприятие или общество), но и качественная. Так, техническое разделение труда на предприятии исходит, как из готовой предпосылки, из определенного производственного отношения. Между тем объектом теоретической экономики в условиях коммунистического общества является и изучение особого воздействия специфического производственного отношения на производственный процесс.

Далее, в пределах одного предприятия проблема технического разделения труда сводится к организации самого производственного процесса; между тем проблема теоретической экономики в условиях коммунизма включает сложную проблему сочетания накопления и потребления в связи с особой специфической экономической формой коммунизма. Проблема эта выходит за рамки одного предприятия.

В противовес утверждениям, что при коммунизме нет места экономическим законам, а следовательно наступает конец теоретической экономии, политической экономии в широком смысле, в том смысле, в котором употреблял этот термин Энгельс в «Анти-Дюринге», против замечания т. Бухарина, что «конец капиталистического общества будет концом и политической экономии», Ленин пишет: «Неверно даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение $I \text{ v } + t \text{ к } II \text{ с и накоплению}$ ³¹); далее против фразы: «Итак политическая экономия изучает товарное хозяйство», он пишет: «Не только». Таким образом, по Ленину политическая экономия (в широком смысле) изучает и производственные отношения чистого коммунистического общества, так как там имеются соответствующие объекты (экономические законы) для теоретической экономической дисциплины.

³¹ XI Ленинский сборник, с. 349.

В связи с затронутым вопросом следует разграничить понятия стихийности, «антагонистичности» и противоречивости хозяйственной системы.

Наличие противоречий является необходимым свойством всякой хозяйственной системы. Без противоречий, без внутренних противоположностей, без единства этих противоположностей нет и развития хозяйственной системы. Положение о том, что «противоречие движет вперед» — является основой гегелевской и марксовой диалектики.

Однако формы проявления этой противоречивости различны: в зависимости от того, является ли данное общество антагонистическим, т. е. разделенным на классы или бесклассовым. Следует однако подчеркнуть со всей категоричностью, что эта бесклассовость отнюдь не является свидетельством об отсутствии противоречий³², анализ которых требует теоретического изучения.

Таким образом экономика СССР в отличие от социалистической экономики является антагонистической и плановой в то время, как социалистическая является бесклассовой и плановой (тем самым, конечно, и природа «плановости» становится иной).

Аналогия концепции, отрицающей экономические законы в организованном обществе, с теорией «закона трудовых затрат» Бухарина, также отрицавшего необходимость теоретической экономии для организованного общества, довольно ясна.

В самом деле: имеется закон трудовых затрат с внеисторическим содержанием (по аналогии материально-технический процесс); в неорганизованном обществе он выступает в иррациональной форме (по аналогии — наличие экономических законов), в организованном обществе — он вступает в «голом» виде, поскольку эта форма не перерабатывает в другую, а просто отпадает (по аналогии экономические законы отпадают).

Ряд аргументов, направленных против бухаринского толкования взаимоотношения формы и содержания (механическое понимание формы, развивающейся, меняющейся, отпадающей, совершенно независимо от изменения содержания), действительно и против сторонников отрицания экономических законов в организованном обществе.

Сокрушающим для этой установки является замечание В. И. Ленина на полях «Экономики переходного периода» против слов: «товар превращается в продукт»: «Неточно: „превращается не в продукт“, а как-то иначе, etwa: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок»³³. Таким образом и в условиях организованного общества имеет место не «голый», внеисторический, материально-технический процесс, а наличие специфической экономической формы, знаменующей наличие особых законов движения хозяйственной системы. Утверждение, что хозяйство с плановым регулятором не имеет экономических законов, как основных законов его движения, приводит:

1) к «технизму», отрицанию имманентного движения и активной роли производственных отношений (сводимые к техническим связям они могут быть лишь пассивным рефлексом производительных сил) — со всеми вытекающими для экономики СССР выводами;

³² XI Ленинский сборник, с. 357.

«Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же.
Первое исчезнет, второе останется при социализме».

³³ XI Ленинский сборник, с. 388.

2) с другой стороны, наоборот, к индетерминистическому отрицанию экономической необходимости, к обосновыванию возможности «произвольного» планирования.

Оба эти вывода могут, естественно, обосновываться аргументами из арсенала богдановской методологии (технизм, роль «идеологий»).

«Прыжок из царства необходимости в царство свободы» отнюдь не означает наступления свободы воли. Для общества меняется лишь характер необходимости. Вместо слепой необходимости, проявляющейся помимо коллективного сознания через стихийные сочетания индивидуальных актов, возникает необходимость, осознанная обществом и осуществляемая через действительную волю и практику коллектива, познающего объективную закономерность и строящего на ее основе свою деятельность. Поскольку свобода и есть «познанная необходимость» (Гегель)—переход к плановому хозяйству и означает этот прыжок в царство свободы.

Таким образом признание причинной обусловленности плана является одной из основных марксистско-ленинских установок теории советского хозяйства. Закон движения к социализму (речь идет об основной тенденции, а не о многообразном конкретном ходе воспроизводства) тождественен закону построения социализма.

Отрицать это — значит рассматривать движение к социализму как пассивное стихийное вращение в социализм, а нормы экономической политики пролетариата, лежащие в основе социалистического строительства, отрывать от объективного движения хозяйственной системы СССР.

В экономической политике пролетариата СССР мы имеем совпадение «сущего» (объективная закономерность) с «должным» (субъективными целями). Вне этой объективной закономерности, при индетерминистической установке планирования, пролетариат может осуществлять не марксистско-ленинскую, а утопическую политику.

Признавая детерминированность нашего плана, признавая наличие экономических законов, движущих нашу хозяйственную систему, признавая господство экономической необходимости, следует вместе с тем подчеркнуть специфичность этой экономической необходимости в условиях переходной экономики. Эта экономическая необходимость не является в наших условиях «слепой»; она выражается не в том, что план пассивно приспосаблиется к данной классовой структуре и данному уровню производительных сил.

У нас экономическая необходимость заключается в том, что пролетариат как важнейшая производительная сила, исходя из классовой структуры и данного уровня производительных сил, так распределяет ресурсы и осуществляет такой производственный размах, который возможен лишь при ведущей роли плана, вопреки стихийным тенденциям. Господство стихийных тенденций не тождественно наличию экономической необходимости. «Познанная» необходимость подразумевает не пассивное познание, а рациональное использование возможностей, дающее больший эффект.

Осуществление этой «познанной» — а не «слепой» — экономической необходимости в переходный период в отличие от коммунистического общества, проходит в том, что социальная стихия играет еще известную, правда, подчиненную роль, что осуществление необходимости проходит в условиях классовой борьбы.

Отрицание экономических законов может привести к отрицанию «самодвижения» нашей хозяйственной системы, к утверждению, что раз субъективные мотивы трудового коллектива движут хозяйственную систему, то причинность здесь заменяется телеологией. В дискуссии с Преображенским о регуляторе советского хозяйства имело место у некоторых товарищей забвение нерушимости цепи причинной зависимости в условиях организованного общества.

В связи с этим необходимо коснуться следующего вопроса: у нас часто употребляют термин «телеологическая установка директивного плана в противовес «генетическому» пониманию плана как прогноза.

Термин «телеологическая установка» в планировании отнюдь нельзя признать удачным. Партийная установка в нашем планировании, являясь марксистско-ленинской, не может отрицать причинной зависимости в планировании, обусловленность нашей целеустремленности в плане объективными обстоятельствами—уровнем производительных сил, классовой структурой и т. д. Но эта установка, в противоположность базаровско-кондратьевской, учитывает революционную активную роль организованного в господствующий класс пролетариата—этой важнейшей производительной силы—и рассматривает план не как пассивное приспособление к стихийной тенденции, а как план построения социализма, вопреки стихии.

Таким образом признание нашего планового регулятора специфическим законом движения направлено и против механистического техницизма (активная роль производственных отношений) и против своеобразного индетерминизма, отрицающего у нас экономическую необходимость.

* * *

Закон движения нашей хозяйственной системы к социализму одновременно является и «законом построения» социализма. Если движение советского хозяйства к социализму может осуществляться лишь путем быстрого темпа индустриализации и обобществления, то вместе с тем экономической политика пролетариата, строящего социализм на основе познания объективных закономерностей, не может не основываться именно на осуществлении этих быстрых темпов обобществления и индустриализации. Обратное, осуществление этих темпов возможно не при помощи «слепого закона», не стихийно, а только через посредство экономической политики пролетариата как господствующего класса. Движение к социализму в основном совпадает с построением социализма.

Исходя из этого, следует признать, что теория советского хозяйства есть одновременно и теоретическая (номографическая) и нормативная наука ³⁴.

Разделение на теоретическую экономику (теорию советского хозяйства), как науку номографическую, и экономическую политику, как науку нормативную, в условиях советского хозяйства неправильно. Кардинальное отличие законов товарно-капиталистической системы от законов советской экономики, т. е. отличие «слепой экономической необходимости» от «познанной», ведет к неизбежному

³⁴ Следует иметь в виду всю условность разделения наук на идиографические (описательные), номографические (теоретические) и нормативные.

выводу о том, что если политическая экономия не могла быть нормативной наукой, то теория советского хозяйства не может не сливаться с основами экономической политики, Осуществление экономической политики означает осуществление взаимодействия пролетарского государства, социалистического сектора с остальными секторами. Таким образом экономическая политика в действии сливается с процессом воспроизводства основного производственного отношения, составляющего объект теории советского хозяйства. Экономическая политика СССР, оторванная от анализа производственных отношений советского хозяйства и народнохозяйственных процессов, не является научной дисциплиной.

Если отнести конкретизацию экономической деятельности государства в отдельных отраслях народного хозяйства к сфере более конкретных дисциплин, как «промышленная политика СССР», «аграрная политика СССР», «финансовая политика СССР» и т. д.,—а это и нужно сделать,—то для «экономической политики СССР» как дисциплины, существующей раздельно от теории советского хозяйства, нет места⁸⁵.

Поскольку план пролетарской диктатуры является регулятором хозяйства, теория советского хозяйства не может не быть учением «об основных принципах, путях и методах строительства социалистического хозяйства».

Экономическая политика и является двигателем трансформации советской экономики в социалистическую.

Отсюда следует, что изучение трансформации, движения советского хозяйства немислимо вне экономической политики, но эта дисциплина неотделима и от теоретической экономики (речь конечно идет не о политической экономии «в узком смысле»), поскольку законы построения социализма неотделимы от объективных законов движения к социализму.

Характерным показателем некоторых ошибочных установок в области определения предмета теории советского хозяйства является брошюра т. Л. Сегалья «Основные вопросы преподавания экономической политики»⁸⁶. Тов. Сегаль, резко разграничивающий теорию советского хозяйства и экономическую политику, пишет: «В теории переходного порядка вопрос ставится о том, что есть, а в экономической политике, как науке, вопрос ставится о том, что и как должно быть» (с. 19).

Такая метафизическая постановка вопроса прежде всего резко расходится с представлением о переходном периоде как о трансформирующейся системе. В переходном хозяйстве то, что сегодня «есть»—в основном обычно при правильной политике совпадает с тем, что «должно было быть», согласно принятым вчера установкам экономической политики, возникающие сегодня новые задачи, новые установки на то, что «должно быть завтра» снимают это сегодняшнее «есть» и создают завтрашнее «есть».

⁸⁵ Конечно, преподавание «экономической политики», включающей, помимо основ теории советского хозяйства, также и политику в отдельных отраслях хозяйства, вполне рационально там, где не преподается экономика отдельных отраслей (экономика промышленности, финансовая наука и т. д.). В экономических же вузах курс экономической политики должен быть заменен курсом теории советского хозяйства.

⁸⁶ Изд. 1928 г., Москва.

Поскольку переходное хозяйство является трансформирующимся, теория экономики переходного периода изучает процесс, а не то, что «есть»,—следовательно, она включает и перспективы развития, явно неотделимые от экономической политики.

Отделение экономической политики от теории советского хозяйства неизбежно ведет в сторону концепции Преображенского, давшего классическую постановку абстрагирования от экономической политики при теоретическом изучении советского хозяйства. У Преображенского экономическая политика изолирована от «самодвижения» хозяйственной системы, от ее экономических законов. Ошибка Преображенского не в том, что он признавал наличие экономических законов в СССР; те, кто пытается это сделать центральным пунктом критики Преображенского, совершают методологическую ошибку. Все дело в том, что «его» экономические законы действуют вне экономической политики, а потому являются стихийными, а не «познанными» специфическими законами экономики переходного периода (когда план является регулятором).

Преображенский в ответ на критику его «отвлечения от экономической политики» обвинял своих критиков в штаммлеризме, в субъективизме и т. д. Это обвинение было бы правильным, если бы экономическая политика и ее ведущая роль не была бы обусловлена в СССР экономическим базисом. Но ведь специфическая особенность экономики СССР и заключается в том, что план является регулятором. Следовательно дело не в Штаммлере, а в отрицании планового регулятора, в соответствующей оценке роли экономической политики в СССР.

Наоборот, при разрыве теории советского хозяйства, изучающей экономические законы СССР и экономической политики (в условиях СССР) получается своеобразный дуализм: с одной стороны «должное»—экономическая политика, а с другой «сущее»—экономические законы, теория советского хозяйства. Экономические законы принимают фаталистический характер, а экономическая политика, в которой «должное» оторвано от «сущего», становится либо «пассивным рефлексом» этих «слепых» экономических законов (фатализм), либо становится индетерминированной! Такая трактовка экономической политики не может не примыкать к субъективизму.

Плеханов блестяще иллюстрировал, говоря о дуализме субъективного метода (разрыв сущего и должного, бытия и сознания), его родстве с фатализмом⁸⁷.

Все попытки оторвать экономическую политику от теории советского хозяйства коренятся в отрицании ведущей роли экономической политики. Тов. Л. Сегаль не избежал этой ошибки. Так, он пишет: «С другой стороны мы должны рассматривать экономическую политику, как одну из сил, образующих равнодействующую экономики переходного периода» (с. 17). С этой его установкой гармонируют и методологические выводы, которые он делает на следующей странице: «Те методы, которые применяет политическая экономия для изучения капитализма, совершенно достаточны и для изучения экономики переходного периода».

Естественно, признавая экономическую политику лишь «одной из волей», т. е. тем самым по существу превращая стихию во всяком

⁸⁷ См. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

случае в один из регуляторов, считать возможным стихийные закономерности в наших условиях отдать «в распоряжение» политической экономии. Послушаем т. Л. Сегаля: «... теоретико-познавательные проблемы, выдвигаемые экономикой переходного периода, являются проблемами закономерности, отмирания неорганизованного товарно-капиталистического хозяйства и его категорий. Поскольку эти проблемы исчезают (а они могут исчезнуть лишь после победы социализма, т. е. организованного хозяйства), исчезает и сама научная проблема переходного хозяйства. Политическая экономия есть наука не только о законах существования и развития товарно-капиталистического хозяйства, но также и наука о законах отмирания этого хозяйства». Эта установка т. Л. Сегаля родственна известной точке зрения о том, что теория советского хозяйства вообще не может иметь места, поскольку наше плановое организованное начало не может быть объектом теоретической экономии, а наши стихийные тенденции должны изучаться политической экономией.

Это абсолютно неверная точка зрения.

Во-первых, нельзя механически разрывать плановое начало и стихийные тенденции. При таком подходе нелегко понять природы наших производственных отношений. Во-вторых, закономерности организованного хозяйства также подлежат изучению теоретической экономии. Наконец, в-третьих, политическая экономия как известно оперирует категорией стоимости и ее модификациями и отнюдь не может иметь своим объектом стихийные тенденции нашего хозяйства, имеющие принципиально иной характер (они не являются законом стоимости, поскольку не перерастают в регулятор), поскольку регулятором советского хозяйства является план. Поэтому товарно-капиталистическая система (не в смысле остатков капитализма), составляющая объект политической экономии, исчезает в момент победоносной пролетарской революции. Не отмирание регулятора товарно-капиталистического хозяйства имеет место в переходный период, а трансформация совершенно иного регулятора, иных специфических закономерностей. Затупеивание этого момента приводит к оппортунистической трактовке «отмирания капитализма», вопроса о характере Октябрьской революции и т. д.

Грань между политической экономией в узком смысле и теорией советского хозяйства пролегает достаточно четко. Теория советского хозяйства является теоретической экономической дисциплиной, изучающей трансформацию производственных отношений СССР как страны строящегося социализма в условиях мирового капиталистического окружения и унаследованной пролетарской революцией технико-экономической отсталости.

Таким образом теория советского хозяйства представляет собой учение о производственных отношениях переходного периода в СССР, при наличии всего необходимого для построения социализма, в специфических условиях, создающих ряд особых проблем (специфическая постановка проблемы индустриализации, напряженности темпов, взаимоотношений с мировым хозяйством и т. д.).

Мы абстрагируемся при изучении советской экономики от специфических особенностей СССР, как-то: отсталости, капиталистического окружения, лишь для получения общих закономерностей экономики переходного периода. Для выявления самых основных черт регулятора советского хозяйства необходимо,—но только на данном

этапе анализа,—абстрагироваться от его конкретных особенностей на тех или иных этапах, а также от отклонений, от основной линии движения хозяйства. Однако лишь на основе изучения всех конкретных особенностей можно познать и эти самые общие черты. Для изучения закономерности советской экономики необходим тщательный анализ трансформации форм регулятора на различных этапах. Однако и здесь следует абстрагироваться от случайных, с точки зрения этих закономерностей, «конъюнктурных» колебаний. Для познания природы регулятора необходимо за внешними признаками форм регулятора видеть их сущность. Например за внешними ценовыми признаками вскрыть плановость систем цен.

Для выявления основных закономерностей экономики СССР «ни на каком этапе анализа» абсолютно недопустимо абстрагирование от экономической политики как решающего момента движения хозяйственной системы и, тем самым, недопустимо абстрактное изучение движения отдельных секторов. Пределом абстракции является трехсекторная модель, включающая производственные отношения между социалистическим, мелко-товарным и капиталистическими секторами, в которой основными являются отношения первых двух секторов. Это необходимо, поскольку благодаря воздействию социалистического сектора природа мелко-товарного и законы развития капиталистического секторов в наших условиях носят особый характер: в частности совершенно особый характер носят и «процесс образования прибавочной ценности» в капиталистическом секторе.

Теория советского хозяйства, не только не изучающая «трансформационный процесс» вообще (как смену «организационных» форм), но и не процесс построения социализма вообще, а процесс построения социализма в конкретных условиях СССР, является более «конкретной» дисциплиной, чем теория экономики переходного периода. Имея своим объектом специфические производственные отношения СССР, теория советского хозяйства изучает имманентные законы их движения, специфические законы обобществления хозяйства СССР.

Это обобществление осуществляется через механизмы планового руководства хозяйством. На разных этапах и разных участках народного хозяйства оно принимает различные формы, меняется механизм его осуществления.

Единый круг воспроизводства включает все народное хозяйство в систему планового руководства, однако «густота» плана, его формы различны на тех или иных звеньях единой цепи процесса воспроизводства. Теория советского хозяйства должна изучать с особой тщательностью эти переходы форм планового руководства из одной в другую в процессе воспроизводства и в его трансформации во времени.

Изучая законы движения производственных отношений в СССР, теория советского хозяйства тем самым не может не иметь объектом своего анализа и взаимозависимость, возникающую между производительными силами и производственными отношениями в СССР в связи с динамикой производственных отношений.

Изменение способа производства, в связи с развитием производственных отношений было объектом марксовой политической экономии (кооперация, мануфактура, фабрика и т. д.). Изучая материальные производственные отношения, т. е. социальную форму производ-

ства, мы познаем и механику развития производительных сил со стороны социальной формы, мы не можем не изучать тем самым и влияния ее на способ производства, и, наоборот, теория советского хозяйства не может не давать оценки роли технического уровня, способа производства при анализе социальной природы хозяйственных явлений.

Динамика производственных отношений имеет в качестве неотделимого момента и динамику производительных сил со стороны их социальной формы. Поэтому та или иная форма противоречия между производительными силами и производственными отношениями не отделима от динамики соответствующей формы производственных отношений, внутри которой производительные силы и развиваются, включаясь в закон движения производственных отношений. Без этого закона движения, без имманентного развития производственных отношений нельзя понять этого противоречия; наоборот, это имманентное развитие производственных отношений как материальный процесс (не в смысле материально-чувственного) не существует вне взаимозависимости производственных отношений и производительных сил.

Исходя из этого следует, что невозможно изучать процесс обобществления в СССР изолированно от динамики способа производства, которой этот процесс сопровождается.

Теория советского хозяйства не может обойти специфического значения проблемы индустриализации в СССР, форм ее взаимозависимости с процессом обобществления, хотя это отнюдь не означает, что теория советского хозяйства должна заняться конкретным описанием и анализом материально-технического процесса, процесса производства с технологической стороны в СССР и т. д.

При анализе советской экономики следует особенно иметь в виду недопустимость сведения целиком и полностью закономерностей движения производственных отношений к закономерностям движения производительных сил, недопустимость отождествления этих закономерностей, так как это означало бы стать на точку зрения механистического превращения производственных отношений в пассивный рефлекс производительных сил и затухивания специфичности законов движения производственных отношений в СССР, а это именно и составляет методологический корень антиленинских установок.

Теория советского хозяйства должна иметь в качестве основных проблем анализа: методологию изучения советского хозяйства, основной закон движения производственных отношений (регулятор), формы действия регулятора (теория цены, денег, кредита, бюджета, контракта, соотношение натуральной и «ценностной» формы регулирования, соотношение форм управления хозяйством и косвенного регулирования, эволюция рыночной формы, роль коллективизации в плановом механизме и т. д.), проблему трансформации классовой структуры и распределения (категории заработной платы, «прибыли», земельной ренты и т. д.), проблему воспроизводства (пропорциональность, темп, накопление, баланс, хозяйственные затруднения) и взаимоотношений с мировым капитализмом.

Для теории советского хозяйства конкретно-описательный материал есть лишь средство к познанию природы категории советской экономики и их трансформации.

Теория советского хозяйства легко может быть отграничена от экономической географии СССР, трактующей о географическом

размещении производительных сил, о материальных ресурсах и т. д. Отграничение от экономических дисциплин, изучающих экономику и политику в отдельных отраслях хозяйства (промышленность, труд, сельское хозяйство, обмен и т. д.), мыслится нами следующим образом: теория советского хозяйства в отличие от них изучает общие народнохозяйственные проблемы, механизм процесса воспроизводства, взаимоотношения социальных секторов. Теория советского хозяйства не занимается конкретными проблемами экономики промышленности, ее отраслей, а изучает процесс индустриализации в целом. Она не изучает конкретной экономики сельского хозяйства и его отраслей, но изучая процесс обобществления, она анализирует процесс трансформации мелко-товарного хозяйства в крупное социалистическое; она не изучает проблемы звеньев торговой сети, постановки и складского дела, динамики издержек обращения, но она изучает трансформацию меновых связей между отраслями хозяйства, процесс превращения товарооборота в плановый продуктообмен; она не изучает конкретных издержек производства по отраслям хозяйства, но исследует механизм ценообразования, она не изучает конкретных вопросов банковской законодательства и конкретных вопросов бюджетной эмиссионной политики, конкретного влияния налогов на доход, конкретной тяжести обложения, но, анализируя трансформацию рыночной связи, она изучает трансформацию денежной оболочки, природу денежной системы, кредита и бюджета и т. д.

Теория советского хозяйства дает методологические установки этим более конкретным дисциплинам и берет в качестве сырья их готовый продукт — их выводы. Естественно, что огромный конкретно-описательный материал по динамике валовой продукции, посевных площадей, денежной массы и прочих отраслей хозяйства и по законодательным установлениям, касающимся отдельных отраслей, составляет объект более конкретных дисциплин (экономическая география, экономика отраслей или история экономики и экономической политики СССР).

Однако, как выше было отмечено, теория советского хозяйства не ограничивается лишь анализом общих для всех этапов советского хозяйства закономерностей. Если бы дело обстояло так, то она свелась бы к нескольким абстрактным схемам. Задача теории советского хозяйства — изучать трансформацию хозяйственного механизма СССР на различных этапах. Теория советского хозяйства является более конкретной дисциплиной, чем политическая экономия (в узком смысле), поскольку 1) она изучает экономические закономерности особой страны, 2) она не может не уделять особого внимания модификации механизма действия регулятора на различных этапах, что требует большей конкретизации, чем в политической экономии, оперирующей более «устойчивыми» закономерностями.

Изучая трансформацию хозяйства СССР, теория советского хозяйства однако отличается от истории экономики СССР. Если для первой историческая точка зрения вытекает из необходимости познать природу, сущность трансформирующихся хозяйственных категорий СССР, то история экономики СССР ставит своей целью развернуть подробное описание и детальный анализ всех моментов хозяйственного процесса, независимо от того, имеют ли те или иные моменты значение для выявления природы хозяйственного механизма. Естественно, что история экономики СССР суммирует и тот конкретный отраслевой

материал, который является предметом изучения конкретных экономических дисциплин, поскольку исторический разрез необходим и для них.

Родственной для теории советского хозяйства дисциплиной является история учений об экономике переходного периода, делающая упор на классификацию различных теорий экономики переходного периода, на установление связей между их генезисом и развитием, с одной стороны, и хозяйственно-политической обстановкой— с другой.

От редакции.

Статья г. Гатовского печатается в порядке обсуждения. Редакция считает необходимым отметить, что в статье содержится ряд спорных положений и отдельные неправильные формулировки.

ПРОБЛЕМА ЭМИССИИ ДЕНЕГ В ПЕРЕХОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ *

Эмиссия денег (бумажных и кредитных) всегда имеет две стороны: 1) удовлетворение народного хозяйства необходимыми орудиями обращения и 2) связанное с этим перераспределение народного дохода и капитала. Последний момент имеет наибольшее значение в случае инфляции денег. Но даже при отсутствии инфляции всякая эмиссия денег (бумажных и кредитных) означает перераспределение ресурсов в пользу организации, производящей эмиссию. Если эти эмитированные деньги тезаврируются в качестве «сокровища», это перераспределение ресурсов ясно само собой, так как ни бумажные, ни кредитные деньги действительным сокровищем конечно не являются. В случае же когда эмитированные деньги выполняют в индивидуальных хозяйствах только функцию средства обращения, перераспределение ресурсов все-таки происходит, поскольку совокупности этих индивидуальных хозяйств приходится расплатиться товарами для приобретения этих средств обращения.

При эмиссии бумажных денег государством, последнее в капиталистических странах является организацией, противостоящей всему народному хозяйству. За счет эмиссии удовлетворяются нужды бюджета, по большей части имеющие очень мало общего с народным хозяйством; «финансы» и народное хозяйство при капитализме — это две различные области. При эмиссии банкнот эмиссионными банками положение усложняется, тем более, что сам банк (если его противопоставить народному хозяйству), при эмиссии банкнот фактически получает взамен только стоимость процентов: ведь банк только кредитует банкноты, а не покупает на них товары¹. Поэтому, если рассматривать народное хозяйство как целое, то эмиссия банкнот только заменяет дорогостоящие золотые деньги, сама по себе народному хозяйству почти ничего не стоя.

Но «народное хозяйство» в капиталистическом обществе состоит из отдельных частных хозяйств и поэтому эмиссия банкнот создает перераспределение ресурсов внутри народного хозяйства между отдельными хозяйствами. Банк взамен банкнот получает проценты (и золото), а клиенты банка на полученные в кредит банкноты поку-

* В порядке обсуждения—Ред.

¹ За счет эмиссии банкнот банк может покупать только золото, и так как лежащее в подвалах банка золото никаких доходов ему не приносит, то в интересах банка свести ту часть банкнот, которые эмитируются путем покупки до минимума, увеличив за ее счет ту часть, которая эмитируется путем кредитования. Помимо общего уменьшения процента золотого покрытия, для отдельных стран здесь еще возможна замена золотого покрытия девизным.

пают необходимые им средства производства и рабочую силу. Когда мы имеем дело с разменными банкнотами, то это перераспределение ресурсов в пользу клиентов банка, кредитующихся за счет эмиссии банкнот, ограничено суммой необходимых средств обращения, ибо излишне выпущенные банкноты всегда вернутся в банк путем обмена на золото (или иностранную валюту).

С точки зрения перераспределения ресурсов приходится различать эмиссию, связанную с инфляцией, и эмиссию, основанную на природе необходимого количества денег и, следовательно, инфляции не вызывающую. Всякая эмиссия бумажных и кредитных денег, даже если она не связана с инфляцией, вызывает перераспределение ресурсов — капитала и дохода. Рост товарооборота вызывает потребность в добавочном количестве денег: растет применяемый капитал, растет также и доход, и, следовательно, растет и та часть капитала и дохода, которая в каждую данную минуту находится в форме денег. Вследствие изменений в форме расчетов, эта доля может относительно уменьшаться, и одновременно абсолютно может возрастать, причем уменьшение в одном месте может компенсироваться ростом в другом. Как правило, чем крупнее сделка, тем скорей и интенсивнее она проводится по безналичным расчетам. Это значит, что часть, находящаяся в форме денег, относительно меньше в капитале, чем в доходе, и далее, у пользующихся крупным доходом она меньше, чем у владельцев небольших доходов. Так как выплата заработной платы меньше всего подвергается переводу на безналичные расчеты, то естественно, что в предприятиях с низким органическим составом часть капитала, зафиксированная в форме денег (касса), должна быть выше, чем у предприятий с высоким органическим составом.

С другой стороны, здесь играет роль быстрота оборота: при прочих равных условиях то предприятие сможет обойтись с меньшей частью капитала, зафиксированной в форме денег, которое делает больше оборотов. Здесь по отношению к отдельному предприятию сказывается тот же закон, что и по отношению ко всему обществу: чем большее число оборотов делают деньги, тем меньше их требуется при прочих равных условиях. Кроме того, имеет значение характер расходования денег; последнее лучше всего показать на примере расходования дохода: при одном и том же доходе, напр. 7 руб. в неделю, если их тратить целиком в первые дни — средний остаток денег за неделю будет равен 1—2 руб.; если тратить доход равномерно ежедневно по 1 руб., то средний остаток будет 3—4 руб., и если сконцентрировать расходы к концу недели — то остаток денег возрастет до 6—7 руб. Использование кредита может внести здесь существенные изменения. Напр., получатель большого дохода может держать свои деньги в банке и постепенно брать необходимые ему наличные деньги; этим самым для него уменьшается та часть дохода, которая в среднем зафиксирована в форме денег. Для рабочего и мелкого служащего этот метод неприменим в сколько-нибудь значительных размерах. Здесь может иметь значение, наоборот, покупка в кредит. Если большая часть полочки сразу же по получении должна быть выплачена кредиторам, то этим естественно средний остаток денег у рабочего сокращается. Выгодно ли это с точки зрения рабочего и служащего, зависит от условий кредита, — если цена купленных в кредит вещей не отличается от цены товаров, покупаемых за наличные, и если процент насчитывается небольшой, то такая сделка для них конечно

выгодна, так как доход используется более интенсивно, меньшая часть его зафиксирована в форме денег. Но эта сделка обычно в капиталистических условиях ведет к уменьшению дохода в пользу кредитующего «благодетеля».

Из вышесказанного ясно, что большая часть наличных денег общества концентрируется в руках рабочих; мелких служащих, мелких торговцев, ремесленников и крестьян и что, с ростом доходов и оборотов этих групп, часть их доходов и «капиталов», зафиксированная в форме денег, возрастает, что дает основание к эмиссии, не связанной с инфляцией. Эти самую часть их доходов и «капиталов» фактически экспроприируется организацией, эмитирующей деньги, государством или банком и связанной с ним группой капиталистов.

Но эта экспроприация связана с ростом дохода экспроприруемых групп. Держать постоянно в виде денег 10 руб. при зарплате — 100 руб. конечно легче, чем скажем — 7 руб. при зарплате в 70 руб. В первом случае фактически использованный доход все-таки будет равен 90 руб., в то время как во втором он всего — 63 руб. Цены на товары предполагаются неизменными. Отсутствие инфляции не обязательно связано с неизменными ценами; последние могут и возрасти, что обычно бывает в период подъема капиталистического цикла. Все-таки в этом случае фактически используемый реальный доход перечисленных групп вряд ли понижается, и эмиссионный доход имеет своим источником возросшие доходы населения. Но уже здесь мы имеем дело с явлением, особенно ярко проявляющимся в периоды настоящей инфляции, а именно, с принудительным сбережением.

При росте цен тот же самый или даже возросший денежный доход представляет собой меньшую реальную стоимость. Инфляция следовательно приводит к тому, что часть дохода населения принудительно «сберегается»; если инфляция происходит в пользу государства на непроизводительные цели, то такому «сбережению» может подвергнуться также и капитал общества, с одновременным перераспределением остатка капитала и дохода на новой основе под влиянием инфляции. Это перераспределение тем больше имеет место, чем меньше инфляция связана с непроизводительными расходами государства. Если бы мы имели случай чистой инфляции неразменных банкнот, то вся сумма «принудительного сбережения» (за исключением возросших трат буржуазии на личные расходы) пошла бы в действительное накопление капитала, сконцентрированного в руках кучки нажившейся на инфляции буржуазии. Здесь нас интересует главным образом влияние инфляции на соотношение между потреблением и накоплением; при этом сказывается, что происходящее в результате инфляции и роста цен сокращение потребления (главным образом конечно трудовых слоев населения) приводит к «принудительному сбережению» и, поскольку это «принудительное сбережение» не тратится непроизводительно (государством и буржуазией), оно служит основой действительного накопления, расширенного воспроизводства; с другой стороны, мы имеем перераспределение капитала, его концентрацию в руках крупной буржуазии и экспроприацию мелкой. Поэтому если бы мы имели чистый случай банкнотной (а не бумажно-денежной) инфляции, т. е. инфляции на «производительные» нужды, то до поры до времени такая инфляция благоприятствовала бы расширенному воспроизводству с одновременным не только относитель-

ным, но и абсолютным ухудшением положения трудящихся масс. Продолженная же дальше инфляция усилит нездоровые явления в народном хозяйстве, умножит противоречия капитализма и усугубит кризис и депрессию. Поэтому, хотя всегда найдутся группы буржуазии, которым выгодна политика инфляции, общие интересы класса буржуазии в целом вынуждают ее стремиться к сохранению «здоровой» валюты.

Деньги советского хозяйства не являются деньгами в собственном смысле этого слова. Это — деньги переходного хозяйства, т. е. категория, объединяющая в себе черты трудового талона социалистического хозяйства и денег капиталистического с тенденцией превращения полностью в трудовой талон. Эта сущность наших денег сказывается на всех их функциях, в том числе конечно и на функциях средства обращения и платежа. В сущности говоря, на многих участках нашего хозяйства мы совершенно не найдем места для этих функций денег, хотя формально здесь как будто бы они сохранились. В сделках между организациями обобщественного сектора деньги не являются средством обращения, ибо «товары» здесь переходят из рук в руки не потому, что этот переход опосредствуется переходом из рук в руки денег. Деньги здесь просто играют роль расчетного или даже скорее, учетного знака. В отношениях между общественными организациями и отдельными рабочими и служащими по существу остается этот же характер денег, но момент частнособственнических отношений здесь еще не на все 100% выветрился: хотя только в виде малозаметных «следов», но все же природа денег сказывается в отношениях оплаты рабочей силы и покупки рабочим и служащим продуктов в государственных и кооперативных организациях.

Организация и план все более и более проникают и в отношения между обобщественным сектором и индивидуальным крестьянским хозяйством, особенно по мере того, как последнее все более связывается различными путями в коллективы, начиная от простейших. Но в этих отношениях деньги еще в достаточно большой мере сохранили свою денежную сущность. Даже в плановых заготовках продуктов, где обобщественный сектор выступает единственным заготовителем, и при покупке индивидуальным «хозяйством» товара в кооперации характер наших денег как средства обращения конечно значительно сохранился. Тем более это имеет место в покупках-продажах товаров, которые еще имеют для себя «вольный рынок». А отношения внутри частного сектора, включая отношения рабочих и служащих с этим сектором, сохранили еще почти полностью денежный характер. Эти отношения все больше и больше размываются, все больше и больше опосредствуются вмешательством организаций обобщественного сектора. Когда крестьянин продает свой хлеб государству или кооперации и последние продают его рабочему и служащему, то отношения между крестьянином и рабочим и служащим имеют очень мало общего с отношениями товарного хозяйства. Но когда крестьянин продает, предположим, овощи частному торговцу, а последний их продает тому же рабочему и служащему, то без денег в качестве средства обращения здесь не обойтись. Другой вопрос, насколько эти отношения еще сохранились в нашем хозяйстве, как велик их удельный вес, и как долго они еще будут существовать? Но они все же существуют и игнорировать их не приходится.

Если бы наше хозяйство было на все 100% обобществлено и организовано, то деньги полностью превратились бы в трудовые талоны и средство обращения в средство учета. Но и тогда вопрос о количестве этих трудовых талонов в «обращении» не потерял бы значения. Тем более не приходится считать маловажным вопрос о регулировании количества обращающихся денег в переходном хозяйстве. Чтобы подойти к последнему вопросу, попробуем себе представить раньше положение в организованном хозяйстве, причем организацию сельского хозяйства для большего приближения к нашим условиям представим в форме колхозов.

Форма (но только форма) цены в таком хозяйстве сохраняется. Этому хозяйству приходится решать вопрос о соотношении между отраслями производства, в том числе между промышленностью и сельским хозяйством, производством средств производства и средств потребления и т. д., о соотношении между производством и потребителем, точно так же, как и вопрос о потреблении различных групп (рабочих, служащих, крестьян и т. д.) и о других всевозможных соотношениях, которые имеют значение для народного хозяйства. Эти соотношения решаются отчасти непосредственно (напр. при передаче сырья из одной государственной организации в другую цена никаких соотношений не устанавливает), отчасти при посредстве «цены», причем возможно сохранение еще различных рычагов: «обмен», «налоги», «кредит» и т. д.

Возьмем отношения с рабочими и служащими. Последние работают и их труд создает продукты; часть этих продуктов возвращается им обратно в виде средств потребления, часть идет на дальнейшее расширение производства. Устанавливаются эти соотношения путем, с одной стороны, установления «цены» рабочей силы—зарботной платы, с другой стороны, «цены» средств потребления. Налоги при этих отношениях не имеют места. Тем более важное значение получает регулирование «цены». Но этим самым получает значение и вопрос о количестве трудовых талонов. Регулированием относительных «цен» средств потребления регулируется потребление разного рода продуктов: поощряется потребление одних и затрудняется потребление других; регулированием соотносительных величин «зарботной платы» и «цен» продуктов потребления регулируется потребление в целом. Изменяются «зарботная плата», «цены» продуктов, общая масса той и других и кроме того изменяется и производительность труда. Общая тенденция ведет конечно к росту потребления рабочих и служащих, но это может быть достигнуто различными комбинациями «цен». Например, «зарботная плата» остается неизменной, «цены» на средства потребления падают, или «зарботная плата» растет, «цены» неизменны; или падают и те и другие, только «зарботная плата» в меньшей пропорции, чем «цены», или «зарботная плата» и «цены» растут, только первая в большей пропорции, чем вторые.

Последний случай представляет особый интерес. Все перечисленные комбинации вызывают конечно изменения в количестве «обращающихся» трудовых талонов. В последнем случае мы имеем рост их количества, сопровождающийся ростом «цен». Спрашивается—чем может быть оправдана такая комбинация? ведь то же соотношение между потреблением и накоплением могло бы быть достигнуто и без номинального повышения «зарботной платы», не сопровождающегося реальным ростом ее? Здесь прежде всего приходится иметь в виду,

что общий рост «цен» может быть вызван необходимостью внести коррективы в соотношение между предметами потребления: желание ограничить потребление каких-нибудь продуктов и увеличить потребление других может заставить так изменить соотношение «цен», что общий уровень последних поднимется. Важнее для нас следующий случай: предположим, что в процессе выполнения намеченного плана выяснилась какая-нибудь брешь в производстве средств потребления (неурожай, необходимость увеличения производства средств производства за счет средств потребления и т. д.).—приходится сокращать потребление. Как этого достигнуть? Возможно общее сокращение «зарботной платы»². Но можно пойти и на некоторое повышение «цен». Потребление сокращается, накопление за счет его расширяется; «цены» возросли, количество «средств обращения» также возросло. Мы имеем следовательно явление, в отдаленной степени напоминающее инфляцию денег, но по существу ничего общего с последней не имеющее. Здесь просто общество сознательно произвело необходимый ему маневр в перераспределении ресурсов между потреблением и накоплением. Условия маневра потребовали увеличения количества обращающихся трудовых талонов. Соотношение между потреблением и накоплением изменилось; изменились и «цены», но изменились они не потому, что брошено в обращение лишнее количество «денег». «Деньги» здесь не являются выражением овецествленных отношений частных собственников; все отношения здесь ясны и прозрачны, и уже по одному этому здесь не приходится говорить об инфляции денег. Но даже и формального признака инфляции—роста цен вследствие роста количества денег—здесь нет, так как рост количества трудовых талонов есть результат, а не причина. Смешно было бы представлять себе картину в виде существования какой-то особой организации, увеличивающей свои ресурсы путем бросания в обращение излишних для обращения средств обращения.

Общее количество обращающихся трудовых талонов может возрасти, когда «зарботная плата» растет без роста «цен», или при некотором падении последних, или даже при падении «зарботной платы», если только возрастет объем совершающегося за «наличные» «товарооборота». В условиях капиталистического хозяйства мы видели, что соответствующее явление служит источником средств для эмитирующих средства обращения организаций. В условиях рассматриваемого общества ни о каком источнике средств здесь говорить не приходится, так как здесь нет отношений частной собственности, все отношения заранее учтены и предусмотрены, соотношение между потреблением и накоплением установлено, точно так же как и рост количества трудовых талонов на руках у рабочих и служащих. Увеличение ресурсов, идущих на накопление, устанавливается не через обмен на эти талоны и покупку товаров; доля ресурсов учтена и предусмотрена в плане всего народного хозяйства. Распределение трудовых талонов есть только технический момент организации и учета намеченных соотношений распределения.

Итак, при необходимости внезапного, непредусмотренного планом сокращения потребления, сокращение может быть произведено как путем сокращения «зарботной платы», так и путем роста «цен».

² В условиях рассматриваемого общества это носит конечно совсем другой характер: вспомним хотя бы размах подписки на госзаимы рабочих и служащих, добровольное снижение расценок и т. д. в наших условиях.

Но возможен еще и третий путь, а именно: отказ от использования имеющихся на руках трудовых талонов, передвижка их реализации во времени. Владелец талонов или «кредитует» их обществу (сберкасса и т. д.) или просто не предъявляет их к обмену на средства потребления. Отношение конечно здесь опять остается то же, что и в первых двух случаях: никакого накопления «сокровищ», никакого «кредита» здесь нет. Просто общество установило, что средств потребления оказывается меньше, чем предполагалось по плану, и этот факт вынудил к сокращению потребления. «Заработная плата» и «цены» здесь остаются неизменными; «покупательных средств» на руках населения больше, чем при данных «ценах» имеется «товаров», но «цены» не повышаются, так как излишек «покупательных средств» не используется по своему назначению, а «сберегается». Но это их «сбережение» проведено в том же организованном порядке. При составлении хозяйственного плана на следующий период наличие этих «сбережений» будет конечно учтено. Во всех рассмотренных трех случаях сущность явления не меняется, соотношение между потреблением и накоплением устанавливается одно и то же, только оформление производится разными путями. На практике будет избран тот или иной вариант, в зависимости от конкретных условий, но не только метод «сбережения» излишних талонов и сокращения «заработной платы», но и метод повышения «цен» ничего общего с инфляцией денег не имеют.

Гораздо сложнее отношения с сельскохозяйственными коллективами: здесь должны быть установлены соотношения не только между потреблением и накоплением, но и между сельскохозяйственным производством и промышленным; кроме того само удовлетворение членов колхоза средствами потребления несколько отличается от порядка снабжения рабочих и служащих. Но последнего пункта не надо преувеличивать: по мере того как очищается от остатков наслоений прошлого социалистический характер «госпредприятий», «заработная плата» рабочих и служащих все более определяется как метод распределения продукции коллектива. С другой стороны, по мере втягивания колхозов в орбиту общегосударственного регулирования, снабжение членов колхоза средствами потребления все больше теряет характер операции, касающейся индивидуального колхоза, и становится частью единого плана снабжения народного хозяйства точно так же, как снабжение рабочих и служащих.

Но имеющим значение фактом остается необходимость снабжения колхозов не только средствами потребления, но и средствами производства, точно так же как колхозы не только представляют трудовую силу, но и продукты. В том виде как колхозы вырастают из индивидуальных крестьянских хозяйств, они конечно будут некоторое время носить черты своего происхождения и отличаться от «госпредприятий» (в том числе и совхозов). Здесь за формой цены сохранится еще и некоторое содержание этого понятия и, если при передаче продукта из одного «госпредприятия» в другое «цена» имеет только учетное значение, то при передаче продукта колхоза другим предприятиям «цена» одновременно в некоторой степени служит основанием удовлетворения колхоза потребными ему средствами производства и потребления. «Цены» на средства потребления и средства производства, с одной стороны, и на продукты колхоза, с другой стороны, будут иметь значение при установлении соотно-

шений между сельским хозяйством и промышленностью и потреблением колхозников и накоплением в народном хозяйстве.

Здесь опять-таки могут повториться все комбинации, рассмотренные по отношению к «заработной плате»; вследствие зависимости продукции колхозов от стихийных условий здесь вероятность и необходимость внесения коррективов в предположенные планом соотношения возрастает, и еще скорей может произойти необходимость выравнивания этих соотношений путем поднятия «цен» на продукты промышленности или сельского хозяйства; это же, как мы видели, ведет к общему подъему «цен» и увеличению количества обращающихся трудовых талонов. Возможно также и образование излишка талонов в распоряжении колхозов, так как общество по той или иной причине не сможет временно предоставить взамен их продукцию. Будет происходить «сбережение» трудовых талонов в распоряжении колхозов.

Можно ли в таком случае здесь понимать отношения таким образом, что общество использует эмиссию трудовых талонов, как источник извлечения ресурсов? Если понимать взаимоотношения общества и колхоза так, как они нами рассмотрены, т. е. понимать, что продукция колхоза не является его частной собственностью и что продукция остальных членов общества также не противостоит колхозу как чья-то частная собственность, что колхоз является частью единого общественного хозяйства, то здесь, так же как и по отношению к «заработной плате» рабочих, не придется искать обходных путей изыскания ресурсов. Отношения и здесь ясны, продукция колхоза целиком непосредственно принадлежит обществу и организованное ее перераспределение, хотя и требует технических приемов («цены», талоны и т. д.), не имеет однако ничего общего ни с эмиссией денег, ни с явлениями инфляции их.

Советское хозяйство, хотя и идет быстрыми шагами к полностью обобществленному единому хозяйству, сохранило пока что наряду с обобществленным сектором еще и частный. Они конечно не отделены непроходимой гранью. Наибольшее значение имеет индивидуальное крестьянское хозяйство, но оно уже многими путями втянуто в орбиту плана и обобществления. Контрактация, кредит, машинно-тракторные станции, первичные объединения, плановые заготовки и т. п.,—всеми этими различными путями индивидуальное хозяйство сбрасывает с себя печать индивидуальности и включается в обобщественный сектор. Было бы напрасной задачей гадать о времени окончательного превращения индивидуального крестьянского хозяйства в полностью коллективное хозяйство. За последние годы этот процесс получил громадное ускорение, и вряд ли конец этого процесса отстоит очень далеко от настоящего момента. В аналогичном положении находятся также и имеющаяся кустарная промышленность.

Но было бы большой ошибкой игнорировать незаконченность этого процесса. Это значило бы игнорировать переходный характер нашего хозяйства, считать, что элементы частного хозяйства у нас столь незначительны, что ими можно просто пренебрегать. Организация, план, обобществление,—вот те черты, из которых как будто только и следует исходить при определении природы нашего хозяйства, так как эти черты у нас преобладают так же, мол, как в капиталистическом хозяйстве господствует капитализм. Будучи

логичными, сторонники такой точки зрения должны были бы признать наше хозяйство социалистическим. Насколько мне известно, такое признание никем пока не было сделано, хотя многие предлагаемые ошибочные мероприятия и теории вытекают именно из такого представления о нашем хозяйстве ³.

Игнорирование индивидуального хозяйства тем более недопустимо, что отнюдь не все существующие у нас частные хозяйства являются трудовыми хозяйствами, по своей природе могущими «перерасти» в социалистическое хозяйство. «Нэпман», частник в городе, сам по себе сейчас уже имеет мало значения, хотя он все же существует и, вероятно имеет большее распространение, чем многие предполагают. В деревне же кулак пока что является достаточно реальной величиной, с которой считаться еще весьма приходится. И «нэпман» и кулак еще многими путями связаны с трудовыми крестьянскими и кустарными хозяйствами, и нельзя рассматривать последние без этого «придатка» к ним.

Если бы даже товарооборот между частными хозяйствами и общественным сектором был обобществлен на все 100%, если бы даже весь этот товарооборот полностью совершался по «устанавливаемым» нами ценам, все же, — даже и в этом случае, — эти «устанавливаемые» цены отличались бы от «цен» социалистического хозяйства, и средства обращения, обслуживающие этот товарооборот, — от трудовых талонов, так как элемент стоимостных отношений в отношениях с частным сектором (пока он остается частным) всегда останется, и эти отношения будут основаны на эквивалентности обмена, хотя-бы и организованного продуктообмена ⁴. Тем более нельзя игнорировать «денежный» характер денег у нас, где не только обмен с трудовыми индивидуальными хозяйствами не полностью организован, но где кроме того имеются еще не сброшенные окончательно с весов и капиталистические элементы. Всего этого не понял т. Козлов ⁵, который, хотя и не называет наши деньги трудовыми талонами, но характеризует их так, что они у него ничем не отличаются от трудовых талонов. Если тов. Козлов считает, «что систему цен диктует в основном план... что частный сектор принужден исходить из этой системы цен, и что и системой цен, и рядом других рычагов план подчиняет себе движение частного сектора ⁶, то т. Козлов замазывает этим самым тот факт, что, строя систему цен и в значительной мере навязывая ее частному сектору, нам все же не приходится забывать о том, что мы еще пока имеем дело с частным сектором. Сам т. Козлов не отрицает, что у нас еще «в известной мере сохранились стоимостные отношения» ⁷, но значение этого остатка им преуменьшено. Центральная его ошибка в том,

³ Противоположную ошибку совершают те, кто не замечает степени перерождения индивидуального хозяйства в хозяйство социалистического типа.

⁴ Под «эквивалентностью» я не понимаю непременно обмен равных количеств труда в продуктах; обмен может (и даже в капиталистических условиях это происходит) исходить не из обмена равных количеств труда; важно только, что при индивидуальном обмене затраты труда в обмениваемых продуктах вообще учитываются. А обмен с частными хозяйствами, даже в организованном порядке, предполагает такой учет и поэтому в той или иной мере предполагает эквивалентность.

⁵ См. статью т. Козлова «К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР», «Плановое хозяйство» № 8, 19:9.

⁶ Там же, с. 132. (Козлова. — Б. Р.)

⁷ Там же, с. 121 и др.

что он не понимает, что «продуктообмен» (даже—производимый планоно и по регулируемым ценам) с частным хозяйством, хотя и начинает изменять частный характер этого хозяйства, но на первых порах (а мы только приступаем к такому планоному охвату частного хозяйства) не лишает это хозяйство его частного характера. Во всех наших мероприятиях по отношению к частному хозяйству нам с этим приходится считаться. Поэтому наши деньги, обслуживая отношения с частным сектором и тем более внутри частного сектора, далеко не являются простым «расчетным знаком», а в значительной мере сохранили свою природу как знак всеобщего эквивалента или денег.

Но не соглашаясь с т. Козловым и отвергая его «левые» ошибки, нам все-таки не приходится забывать, что на практике,—особенно там, где мало рассуждают о природе наших денег вообще, но «делают политику» в сфере нашего денежного обращения, а еще чаще там, где просто это денежное обращение организуют, проводя конкретные мероприятия,—там по большей части преобладают ошибки противоположного характера, ошибки, основанные на перенесении на советскую почву теории и практики денежного обращения капиталистического хозяйства.

Выше нами было рассмотрено значение и роль эмиссии денег в капиталистическом хозяйстве и «эмиссии» трудовых талонов в социалистическом хозяйстве. Исходя из природы советского хозяйства как хозяйства переходного от капитализма к социализму, можно заранее сказать, что в нашей эмиссии будут переплетены те и другие черты. Поскольку же обобществленный сектор, а тем более элементы обобществления в нашем хозяйстве преобладают, постольку так же ясно, что условия нашего денежного обращения должны быть ближе к «обращению» трудовых талонов, чем к обращению денег.

Чем же при таких условиях должна являться эмиссия денег для нас? И на каких основах эта эмиссия должна совершаться? В капиталистических условиях эмиссия, доставляя народному хозяйству необходимые ему (или иногда излишние) средства обращения, в то же время является источником средств для организации, эмитирующей деньги. В социалистическом хозяйстве трудовые талоны ни того ни другого не представляют. Что же имеется у нас?

В наших планах мы фиксируем тот или иной размер номинальной заработной платы, но одновременно пытаемся зафиксировать и ее реальную величину. Для удовлетворения рабочих и служащих нам нужны ресурсы. Организация, выплачивающая заработную плату непосредственно, имеет дело с этими ресурсами в денежной форме. Организации, «финансирующие» эту организацию (банк, синдикат, бюджет и т. д.), также имеют дело с «деньгами». Эти организации имеют различные источники средств для «финансирования» выплаты заработной платы, в том числе и эмиссию денег. В наших планах ежегодно эмиссия засчитывается как один из источников средств. Теперь возьмем другую сторону этого вопроса: для рабочего и служащего конечно важна не номинальная заработная плата, а реальная ее величина. Но наши хоз.- и госорганизации не противостоят рабочему и служащему и, следовательно, вообще, в этих случаях вопрос об источнике заработной платы является не

вопросом денег, а вопросом продуктов⁸. Деньги служат только для расчетов.

Увеличенная реальная заработная плата требует большого количества расчетных знаков, поэтому с финансовой стороны эмиссия здесь и явится «источником» средств. Но все это одна форма. «Источником средств» явится в действительности запас определенного количества продуктов. И, проводя «финансирование» и необходимую для него эмиссию, об этом необходимо всегда помнить. То же самое конечно—и даже в еще более прозрачном виде—имеем мы при «финансировании» организацией обобщественного сектора в части оборотов внутри этого сектора. Из выпущенных в обращение к концу 1928/29 г. 2 641,3 млрд. руб., 772 млн. руб. находилось в кассах обобщественного сектора и 226 млн. руб. (по данным т. Шахновской) в руках рабочих и служащих, т. е. около 40% эмиссии явилось «источником» средств для «финансирования», но никакого действительного источника не представляло.

В руках городской буржуазии находилось 166 млн. рублей, а остальные деньги в руках кустарей и крестьян, причем большая часть их сконцентрировалась в «зажиточной» верхушке этих групп. Эмиссию в пределах этой суммы, т. е. приблизительно 1½ млрд. руб., можно действительно считать источником ресурсов для обобщественного сектора, так как взамен этих денег из частного сектора были изъяты ресурсы настоящие—средства потребления и производства—для нужд обобщественного сектора. Изъятие из частного сектора в пользу обобщественного нами производится различными путями: налоги, неэквивалентный обмен, кредит и т. д. Отношения с трудовым хозяйством конечно в корне отличаются от отношений с капиталистическими элементами. «Изъятия» из трудового частного хозяйства в пользу обобщественного часто являются просто превращением частного хозяйства в коллективное. С этой точки зрения даже налоги с трудового хозяйства получают совершенно новое значение. Но здесь не место останавливаться на этом. Тем более, что как мы видели, эмитированные нами деньги большей частью скопились в «зажиточной», то есть капиталистической и тяготеющей к капитализму, части частного сектора, а в этом пункте изъятия могут быть понимаемы нами без всяких кавычек. Одним из способов такого изъятия и является эмиссия денег, но только в той ее части, которая попадает в руки действительно частного хозяйства.

Такой эмиссии мы можем считать к концу 1928/29 г. максимум 1½ млрд. руб., в действительности же размер ее еще меньше, ибо, как уже сказано, часть эмиссии скопилась за счет некоторых частей частного сектора, которому мы же оказывали содействие разными путями и который этими же и другими путями срастается с обобщественным сектором нашего хозяйства.

Итак, в качестве источника ресурсов, эмиссия со времени денежной реформы была использована обобщественным сектором в размере 1 млрд., максимум 1½ млрд. руб. Если вспомнить, что за один только 1927/28 г. «финансирование» обобщественного сектора потребовало суммы 9,221 млн. руб.⁹, то станет ясна роль

⁸ Пока что мы предполагаем, что рабочие и служащие на 100% снабжаются обобщественным сектором

⁹ «Контрольные цифры на 1928/29 год», с. 338.

эмиссии в этом «финансировании». Отсюда ясна также нелепость мнения тех, кто считает, что мы «развиваемся за счет эмиссии». Тем более, что этим хотят сказать, что мы живем за счет инфляции, ибо против «здоровой» эмиссии сторонники этой точки зрения ведь ничего не могут иметь. Но инфляция, если бы она и была, могла бы выразиться только в небольшой части эмитированных денег. Какое это могло бы иметь значение для удовлетворения грандиозных потребностей обобществленного сектора, ясно каждому. Развитие за счет такого источника было бы чудом, которое далеко превзошло бы чудо с насыщением пяти тысяч голодных пятью хлебами. Эмиссия в качестве источника средств, в противоположность «эмиссии» трудовых талонов, в наших условиях некоторое значение еще имеет, но конечно в пределах не всего эмитируемого количества денег, а только той суммы последних, которые попадают в руки частного сектора и главным образом капиталистической и тяготеющей к капитализму ее части.

Здесь возникает вопрос: в какой мере вообще допустимо и желательно пользоваться эмиссией как источником средств? Сторонники «здоровой» валюты, т. е. считающие, что при эмиссии денег мы должны следовать законам денежного обращения, выведенным из условий капиталистического хозяйства, полагают, что вообще можно пользоваться эмиссией как источником средств до тех пор, пока эта эмиссия производится «по всем правилам искусства» (золотое обеспечение, строгий отбор товарных векселей и т. д.), что сводится фактически к «преданьям старины далекой». В последнее время начинает проявляться и другая точка зрения, исходящая из особенностей нашего хозяйства и поэтому считающая, что пределы эмиссии у нас становятся очень растяжимыми, так как вообще инфляция денег у нас невозможна. Начнем с разбора последней точки зрения.

Торговля у нас почти полностью обобществлена, цены почти на все товары твердо зафиксированы и, сверх того, продажа товара производится не всякому, кто предъявляет деньги, но требуется еще кроме того, предъявление особых документов. Что же происходит при выпуске излишнего количества денег, т. е. такого их количества, которое дает возможность предъявить спрос, превышающий стоимость (в зафиксированных ценах) предъявляемых к продаже товаров? Эти деньги, оказывается, не могут быть истрачены и будут принудительно сбережены. Так как продажа товаров нами регулируется, то мы можем так сманеврировать, чтобы эти деньги скопились в руках нетрудовых элементов населения. Последние, оказывается, продали средства производства и средства потребления, а взамен получили бумажку, за которую они ничего не могут купить. Происходит, следовательно, своеобразная экспроприация экспроприаторов. Поэтому бояться излишнего выпуска денег нам не приходится и ничего общего с инфляцией здесь нет. Иногда к этим рассуждениям добавляют, что нам тем более нечего бояться скопления «бумажек» в руках капиталистических элементов, что всегда есть возможность изъять эти деньги другими методами (налоги и т. д.).

Последнее замечание противоречит всей концепции: если изъять излишек денег налогами, то ведь никаких излишних денег не будет в обороте. Если считать, что бюджет и эмиссионный банк—две различные организации, тогда конечно при эмиссии денег одной из них, даже если эти деньги скопляются в другой, первая будет

иметь все-таки источник ресурсов, равный этой эмиссии. В наших условиях эмитированные банком деньги, изъятые в виде налогов, никакого источника средств не представляют, налицо будет только налоговый доход. Поэтому об эмиссии как источнике средств приходится говорить только в тех пределах, в каких эти деньги остаются в частном секторе; это уже было выяснено выше.

Как же нам относиться к эмиссионному доходу, результату скопления наших денег в руках буржуазии? Если бы эти деньги действительно «сберегались» ею без всякого движения, тогда конечно это была бы особая форма налога, при которой вместо индивидуальной квитанции мы выдаем квитанцию в виде червонцев и рублей. Но очень наивно предполагать, что наша буржуазия действительно «сберегает» наши деньги, как будто уж действительно она не может найти для них более «разумного» применения. Не нужно забывать, что в крайнем случае буржуазия просто приобрела бы на эти деньги наши же займы; если она это не так-то охотно делает, то ясно, что она не просто «сберегает» деньги, а использует их для «оборота».

Кое-какая частная торговля ведь все же сохранилась, «внутри-деревенский» оборот в значительной мере нами не охвачен; кустарное производство явно и скрыто эксплуатируется буржуазией; различные методы эксплуатации кулачеством бедноты и батраков ведь еще существуют, и т. д. и т. п. Считать, что эмитированные нами деньги, попавшие к буржуазии при таких условиях, есть бесполезный для нее запас бумажск, значит обманывать и себя и других. Такое представление естественно вытекает из смешения переходного хозяйства с социалистическим (полностью организованным) и наших денег с трудовыми талонами (расчетным знаком), но оно совершенно не соответствует той борьбе с буржуазными элементами нашего хозяйства, которая нами ведется, и закрывать глаза на существование этих элементов нам не приходится. «Обмануть» буржуазию, выдав ей «ни на что не годные для нее бумажки», т. е. наши деньги, взамен реальных ценностей, нам не удастся; это значить — присудить щуку к потоплению в воде. Правда условия плавания и охоты в этой воде нами для щуки значительно затруднены, зубы у ней отчасти вырваны, но все же пребывание в воде ее не обезвреживает. Нельзя недооценивать запас денег в руках буржуазии (ибо наши деньги в ее руках своей денежной сущности не лишились); эмиссия их, скопляющаяся в этом секторе как источник ресурсов, для нас нежелательное явление. В тех пределах, в которых нам еще допускается оборот с буржуазными элементами, в этих пределах конечно и снабжение их «оборотным капиталом» в денежной форме необходимо. Но легальный буржуазный оборот нами все больше и больше сводится на-нет, а поощрять спекуляцию и срыв наших планов было бы плохой политикой. «Сбережения» наших денег в буржуазном секторе не должны допускаться, а раз возникшие должны быть тем или иным способом извлечены.

Инфляция в капиталистических условиях, как мы видели, ведет к «принудительному сбережению», так как при повышении цен часть населения с незначительным доходом должна сокращать свое потребление. Заставить нашу буржуазию делать такого рода «принудительное сбережение» в пользу обобщественного сектора тем, что мы их оставим «при деньгах», но не дадим продуктов взамен

этих денег,—это утопия. Повторяю, что если бы эти деньги им действительно не были нужны, они от этих денег сумели бы избавиться. Оказывается следовательно, что в наших условиях, если и можно говорить о «принудительном сбережении», выражающемся хотя не в повышении цен, а в отсутствии товаров при имеющемся платежеспособном спросе, то конечно только по отношению к рабочим, служащим и крестьянству (беднякам и середнякам), ибо только в этих группах можно было бы найти «сбережение» денег, лежащих без применения.

Здесь прежде всего необходимо заметить, что превышение платежеспособным спросом предложения товаров не выражается только в излишке эмитированных денег. Ведь платежеспособный спрос может представлять не только наличные деньги. Не только весь оптовый оборот совершается при посредстве банковских методов платежа, но и в мелком обороте отчасти влияют те сбережения, которые находятся в сберкассах, кредитных товариществах, займах и т. д. Конечно в основном эти элементы состоят действительно из сбережений, не предназначенных к немедленному расходованию. Все подобного рода сбережения отчасти сохраняют свою природу, которую они имели и при капитализме, отчасти превращаются в своего рода добровольное ограничение личного потребления в пользу обобщественного хозяйства.

С другой стороны, такого рода сбережения у рабочих и служащих и мелкой буржуазии часто сохраняются в виде наличных денег. Ясно, что в этом случае, поскольку не предъявляется спрос на товары в размере суммы этих денег, эта сумма может быть использована обобщественным сектором, сокращая фонд заработной платы и необходимого снабжения крестьянина и кустара. В этом смысле эмиссия также является «источником ресурсов» для обобщественного сектора. Но действительная сущность этого источника ясна из того, что та же самая операция могла бы быть проведена например и другим образом: при предприятиях организованы сберкассы; рабочий и служащий получает свою заработную плату открытым счетом в этих сберкассах и забирает наличные деньги оттуда только по мере нужды в их израсходовании. «Сбережения», накапливавшиеся раньше в виде наличных денег, сейчас окажутся невыплаченной заработной платой¹⁰. Исчез «источник ресурсов»—эмиссия, так как не требуется выпуска денег на образование расплывчатых «сокровищ». Но это исчезновение «источника» с избытком компенсируется сокращением расходов на заработную плату, покупку сельскохозяйственного сырья, продовольствия и т. д. Мы опять видим, как единство обобщественного сектора по-иному ставит все взаимоотношения.

До сих пор мы говорили о добровольных сбережениях трудового населения СССР. Но возможно и наличие у этих групп «принудительного сбережения» вследствие недостатка товаров при твердых на них ценах. Это «принудительное сбережение» могло бы быть произведено за счет наличных денег и следовательно за счет эмиссии (или неизъятия ставших «излишними» денег). Ясно конечно каждому, что, поскольку это сбережение действительно принудительно, т. е. совершается против воли населения, нам нужно стараться во что бы

¹⁰ Ясно, что размер этих сбережений может при этом еще сильно увеличиться, так как гораздо труднее «сберечь» деньги, уже находящиеся в кармане, чем когда их приходится еще откуда-то получить.

то ни стало свести его к минимуму и даже к нулю. Такое «сбережение» нам не менее нежелательно, чем накопление наших денег в руках буржуазии, хотя причина нежелательности этого явления здесь совсем иная.

Поскольку сбережения совершаются добровольно, постольку является вопросом главным образом техники (здесь имеет значение еще доверие населения к сберегающим организациям) будут ли они произведены путем накопления наличных денег и следовательно эмиссии, или иным путем. Наличие же «принудительного сбережения» означало бы неувязку, диспропорцию в основных частях нашего народного хозяйства. На поверхности эти явления сказались бы в виде «излишка денег» и «недостатка товаров» (товарный голод) но свелись бы к определенному соотношению между количеством и уровнем заработной платы, производства средств производства и средств потребления, промышленности и сельского хозяйства, характеру распределения народного дохода и т. д.¹¹

Планируя наше хозяйство, мы заранее пытаемся определить и установить все эти взаимоотношения в нем, в том числе и отношения спроса и предложения на отдельные товары. Вследствие напряженности наших планов нам приходится иногда сознательно идти на допущение разрыва между спросом и предложением, так наз. товарный голод. Выше мы видели, что даже и в социалистическом хозяйстве могут временно встретиться случаи, когда прорывы в плане должны будут выравниваться или добровольным сокращением потребления, отказом населения от использования имеющихся на руках трудовых талонов, или путем изменения «расценок» средств потребления. В нашем хозяйстве, где имеется значительный необобществленный сектор и планирование по своим методам недостаточно еще развилось, при неизжитой диспропорции, оставленных нам дореволюционным хозяйством, возможностей к прорыву наших планов конечно несравненно больше. Сказываясь как недобор запроектированных средств и как необходимость перерасхода против проектов, эти прорывы часто заставляют искать выхода по линии эмиссии. Это ведет к усилению товарного голода и к нежелательным явлениям в области цен.

На «вольном» рынке цены скачут вверх, в обобщественном секторе не происходит намеченного по плану снижения, а иногда имеет место и повышение цен. Поскольку цены подавляющей доли товаров в обобщественном секторе все-таки незначительно поддаются повышающему влиянию повышенного спроса, постольку действие добавочной эмиссии на «вольном» рынке несравненно выше удельного веса этой эмиссии во всем народном хозяйстве. Отсюда перекачка средств в пользу капиталистического сектора. Страдают конечно интересы трудящихся и обобщественного сектора. Все это должно быть принято во внимание при учете дохода обобщественного сектора от эмиссии денег. Излишняя для обращения эмиссия в наших условиях создает «принудительное сбережение» денег у трудового населения, мешает сни-

¹¹ Здесь не место исследовать все эти взаимоотношения в нашем хозяйстве. Укажу только на следующее: многие поверхностные буржуазные теоретики сводят глубокие диспропорции капитализма к явлениям денежного обращения, напр. кризисы к смене избытка денег их недостатком. Такой же подход часто проявляется и к нашему хозяйству: у нас товарный голод—значит инфляция денег. Ясно, что, примененная к нам, эта теория еще менее правильна.

жению цен в обобщественном секторе, повышает очень сильно цены в не поддающейся еще регулированию части народного хозяйства и содействует скопленню средств в руках буржуазных элементов.

Было бы бессмысленно требовать от планирующих и регулирующих органов нашего хозяйства полного отказа от излишней эмиссии. Уж не говоря о том, что очень трудно определить момент, когда необходима для народного хозяйства эмиссия начинает превращаться в излишнюю, не надо забывать еще и того, что в процессе выполнения плана часто бывают моменты, когда без такого рода эмиссии не обойтись. С точки зрения арифметики безразлично, как достичь необходимого результата: сократим ли мы заработную плату или повысим соответствующим образом цены на продукты потребления рабочего, или повысим налоги, или произведем изъятия из заработной платы путем сбережений, займов и т. д. По отношению к крестьянам и кустарям здесь еще присоединяется возможность сокращения цен на их продукты. Но на практике, в момент, когда требуется экстренное расходование средств, часто нет другого источника, кроме эмиссии. Было бы глупым и опасным доктринерством, если бы мы в угоду «законам здорового денежного обращения» отказались от этого источника. Различными мероприятиями (налоги, займы, выпуск товаров и т. д.), нарушенные пропорции в народном хозяйстве отчасти восстанавливаются. Отчасти же возможно сохранение нежелательных явлений, о которых сказано выше.

Представить и учесть заранее все мыслимые движения в народном хозяйстве невозможно даже при полном социализме, тем более это невозможно в переходном хозяйстве, при наличии значительного необщественного сектора. Поэтому случаи избыточной «эмиссии» у нас возможны и часто неизбежны. Но это не значит, что нам нужно спокойно относиться к этому явлению и не стараться всеми силами его избежать. Эмиссионный доход есть самый бесплановый,—я бы даже сказал—антиплановый,—доход из всех источников наших ресурсов. Не только в случаях необходимости покрыть непредвиденную брешь в наших планах, но даже при планировании определенной эмиссии, мы не только не отдаем себе отчета в том, кто действительно и каким образом покрывает этот наш «источник дохода», но мы даже не знаем, что из себя в действительности представляют эти планируемые несколько сот миллионов рублей. «Финансовый» покров, закрывающий от нас наше хозяйство, покров, который уже пора если не снять (об этом еще конечно рано говорить), то основательно разредить, наиболее густ именно на том участке, который именуется денежной эмиссией. И если можно достигнуть тех же результатов более прямыми и ясными способами, то надо всеми силами избегать эмиссии как источника дохода. Проповедывать невозможность инфляции в наших условиях, безвредность для нас избыточного выпуска денег и т. д., значит очень мало понимать в явлениях нашего хозяйства в целом и в нашем денежном обращении в частности.

Но при определении размера эмиссии всегда приходится учитывать не только то, что эмиссия является источником дохода для обобщественного сектора, но и то, что эмиссия должна доставить народному хозяйству потребные ему средства обращения (или средства распределения—в той мере, в какой обращение организовано). Именно этот момент является наиболее трудным при определении

размеров эмиссии. Теоретически этот вопрос решается очень легко. Известная формула количества потребных денег может быть применена и к нашему хозяйству. Тов. Козлов попытался конкретизировать эту формулу по отношению к советскому хозяйству, но, к сожалению, неудачно. Рассмотрим его попытку:

«Количество необходимых денег = $\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{скорость обращения}}$ — сумма цен товаров, продающихся по безналичным расчетам, + уплата задолженности по кредитам, безналичным расчетам и государственным платежам + авансы и кредиты наличными + необходимое увеличение (или минус уменьшение) касс обобщественного сектора + увеличивающийся постоянный остаток денег у населения¹². Очень неясная формула! К тому же здесь смешаны два метода определения количества денег и получается удвоение против действительно необходимого количества. Неясно, во-первых, почему учитывается только прирост касс и увеличение остатка у населения, а не вся касса и остатки. Ведь определяется количество необходимых денег, а не количество прироста их, т. е. эмиссия этого года? Далее, если мы учитываем остатки, т. е. по существу кассу организаций и индивидуальных лиц, то никаких других денег мы в обществе больше не найдем; в воздухе деньги не витают, в каждый данный момент они находятся в чьей-нибудь кассе. Поэтому если учесть сумму всех касс и остатков, то это будет все необходимое количество денег. Это есть учет денег в статике, фотографирование их распределения в данный момент.

Может быть применен другой метод учета — учет динамики денежного обращения. Основан он на учете всех движений денег, перехода из рук в руки при выполнении ими функции средства обращения или платежа. Этот метод гораздо сложнее. Теоретически конечно только здесь определяется количество необходимых денег, так как оно зависит от величины товарооборота и вытекающего из него платежеоборота. Касса и остатки есть результат всего процесса, и понять, почему потребна такая именно касса, а не иная, и в каком направлении касса изменится, без знания движения товарооборота и платежеоборота — нельзя. Поэтому, если действительно необходимо определить количество потребных денег, то придется брать первую часть формулы т. Козлова с некоторыми изменениями: «Сумма цен товаров, деленная на скорость обращения» — это неясно: сумма цен каких товаров, скорость обращения — чего? Из дальнейшего видно, что речь идет о сумме цен всех проданных как за наличные, так и в кредит, товаров, но что подразумевается под «скоростью обращения» (денег) — неясно. Надо полагать, что подразумевается скорость обращения денег, обслуживающих продажу товаров за наличные. Эта часть формулы выяснится так: сумму цен проданных товаров минус сумма цен товаров, проданных в кредит, разделить на число оборотов монеты, обслуживающей обращение товаров (за наличные). Дальше идет определение количества денег, необходимых в качестве средства платежа. Здесь формула т. Козлова, во-первых, расширяется за счет всякого рода платежей кроме государственных; во-вторых, должен быть добавлен делитель: число оборотов монеты, обслужи-

¹² Козлов. К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР, «Плановое хозяйство» № 8, 1929, с. 134.

важнейшего всякого рода кредит и платежей; и наконец в формуле должна быть учтена возможность перехода монеты из обслуживания обращения товаров в сферу платежей, т. е. минус монеты, переходившие из одной сферы в другую, помноженные на число их переходов.

В результате получим формулу: сумма цен товаров, проданных за наличные, + сумма кредита и авансов, предоставленных в виде наличных денег, + сумма выплаченных наличными кредита и аванса + + сумма совершенных путем уплаты наличными платежей и все это деленное на число оборотов монеты, в какой бы сфере этот оборот ни совершался. К вычисленному таким образом потребному количеству денег придется добавить деньги, тесаврированные населением, «сбереженные» им. В наших условиях сюда войдет как добровольное сбережение, сохраняющееся у населения в форме наличных денег, так и «принудительное сбережение», образующееся вследствие недостатка товаров при установленных ценах.

Эта формула, объясняющая нам, из чего складывается и как определяется количество потребных стране денег, к сожалению, очень мало может помочь нам при попытке определить это количество, так как при современном нашем знании процессов нашего хозяйства в этой формуле для нас получается слишком много неизвестных. Прежде всего, мы мало знаем о скорости оборота денег: далее, соотношения между продаваемыми в кредит и за наличные товарами, соотношения между совершаемыми путем кредита и за наличные платежами и т. д., для нас также неизвестны; не знаем мы также и сумму «наличного» накопления, не можем мы еще полностью учесть сумму всех денежных платежей и т. д. Некоторые из этих данных вряд ли когда-нибудь будут полностью изучены.

Но если мы не можем делать прямых вычислений количества потребных денег по этой формуле, то все-таки она дает возможность делать косвенным образом более или менее приближенные выводы. Можно напр. взять некоторые основные показатели, попытаться вычислить направление и темп их развития и таким образом вычислить возможные изменения в потребном количестве денег. Напр. в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1928/29 г.» читаем: «За два последних года абсолютные приросты денежной массы составили 337 и 343 млн. руб. Если взять среднегодовую массу денежного обращения (1 368 млн. руб. в 1926/1927 и 1 662 млн. руб. в 1927/28 г.), то темп прироста для первого года составит 16%, а для второго—21,5%. О том, были ли эти темпы согласованы с основными экономическими показателями, можно судить по следующему сопоставлению темпов роста продукции и товарооборота:

	1926/27	1927/28
Среднегодовой денежной массы	+ 16%	+ 21,5%
Валового торг.-поср. оборота	+ 16,6%	+ 23,6%
Валовой продукции промышленности	+ 13,4%	+ 14,4%

Разумеется, эти сопоставления нельзя принимать без анализа состава продукции и товарооборота. Но приведенные цифры все же не дают ясных противопоказаний по отношению к денежному обращению» (с. 328).

Действительно «эти соотношения нельзя принимать без анализа состава продукции и товарооборота», условий расчета и т. д. От Госплана можно было бы потребовать более уточненных данных по этому

весьма немаловажному вопросу¹³. Здесь можно найти более приближенные и точные показатели. Но это все же останутся приближенные и косвенные показатели, тем более, что сам исходный пункт (предыдущий год) также в достаточной мере неясен: при определении эмиссии на будущий год всегда могут быть споры по вопросу о состоянии денежного обращения к моменту составления контрольных цифр.

На этой трудности определения размеров потребной эмиссии пытаются взять реванш точка зрения, переносящая законы денежного обращения капитализма на почву советского хозяйства. При этом часто апеллируют к необходимости приспособления к конъюнктурным изменениям, возникающим в процессе выполнения намеченного плана. Эмиссия денег должна разрешаться от случая к случаю в зависимости от характера операции, которая требует финансирования. Есть такие операции, которые допускают финансирование за счет эмиссии, а иные этого не допускают. В этом утверждении есть конечно кое-что и правильное, но в общем, оно в наших условиях неприменимо и противоречит плановому ведению народного хозяйства.

В моей статье «О природе денег в переходный период»¹⁴ встречается следующее замечание: «Что же представляет собой червонец? Если исходить из «нормальной» денежной системы, то червонец — дефектная банкнота, ибо он неразменен». Это замечание подверглось критике со стороны т. Берковского¹⁵. Во-первых, он заявляет: «Мы не считаем банкноту, неразменную на золото, бумажными деньгами или дефектной банкнотой, как это делает т. Раскин, ибо по нашему мнению, обмен банкноты на золото не является признаком, конституирующим понятие банкноты¹⁶. Здесь т. Берковский допускает логическую ошибку: и я считаю обмен «признаком, конституирующим понятие банкноты»; неразменная банкнота, по моему мнению, хотя и дефектна, но все-таки является банкнотой, а не бумажными деньгами. Однако обмен на золото (прямой или косвенный через обмен на иностранную валюту) имеет гораздо больше значения, чем ему придает т. Берковский.

При неразменной банкноте, даже если она выпускается исключительно «в порядке учета векселей», всегда возможна угроза инфляции, т. е. выпуск банкнот в излишнем для нужд товарооборота количестве. Не говоря даже о том, что в числе учитываемых векселей всегда окажутся и такие, которые совсем не отражают или мало отражают собой действительный товарооборот, гораздо важнее следующий момент: если возврат эмитированных банкнот связан только с моментом платежа по векселю, то всякий кризис сбыта приведет к застреванию в обороте излишних банкнот. Не обязанный к размену банк никогда не удержится от кредитования, происходящего фактически за счет инфляции денег. Тем более, что нет никаких критериев для того, чтобы провести разграничение между ростом цен, происходящим за счет начальных стадий денежной инфляции, и ростом цен периода расцвета конъюнктуры. Всегда найдутся достаточно influentialные группы (включая сюда банки), которые будут требовать

¹³ К сожалению и при составлении контрольных цифр на текущий год вопрос при определении эмиссии решался опять-таки почти вслепую.

¹⁴ „Проблемы экономики“ № 2, 1929 г.

¹⁵ См. „Проблемы экономики“ № 7—8, 1929, с. 163 и след.

¹⁶ Там же, с. 166.

дальнейшего расширения кредитования и следовательно дальнейшего выпуска средств обращения, так как «этого требуют нужды расширяющегося товарооборота и процветание страны». Поэтому—неразменная банкнота (на золото или иностранную валюту) есть дефективная банкнота. Она не служит средством для использования денежного обращения в целях удовлетворения нужд бюджета, но она может и непременно будет служить средством использования денежного обращения в интересах банка и его клиентов, она непременно приведет к инфляции.

Но т. Берковский отрицает значение размена для банкноты, имея на то еще особые благие намерения: он этим хочет защитить советскую валюту, так как по его мнению наши деньги являются именно неразменной банкнотой. Вот его выводы: «что же касается природы казначейского билета и билета Госбанка, то мы уже указывали, что они выпускаются в обращение фактически единым институтом—Госбанком—на одни и те же цели, а именно для учета покупательских векселей, поэтому их экономическая природа одина, несмотря на формальные различия. Наш казначейский билет является бумажными деньгами, ибо отсутствует основной признак бумажных денег—выпуск их для целей бюджетного дефицита. Он, как и билет Госбанка, является неразменной банкнотой. Итак, система денежного обращения СССР, как она сложилась в течение истекшего после реформы пятилетия, представляет собой единую валюту—неразменную банкноту»¹⁷.

И одновременно т. Берковский заявляет: «Основная установка Раскина, заключающаяся в том, что природу денег в советском хозяйстве следует изучать на базе совершенно ясного и четкого представления о сущности самого переходного хозяйства, представляется нам правильной»¹⁸. Судя по определению т. Берковским природы советских денег приходится к сожалению сделать вывод, что у него самого нет достаточно «ясного и четкого представления о сущности переходного хозяйства». Фактически он подошел к нашим деньгам с точки зрения «нормального» денежного обращения, против которой я возражал в своей статье.

Гордо заявляя, что «в основу различий банкноты и бумажных денег мы кладем не размен и не формальный момент, кто является субъектом выпуска, а социально-экономические признаки»¹⁹ т. Берковский совершенно забывает, что «социально-экономические признаки» банкноты и «социально-экономические признаки» советских денег отличаются между собой так, как капитализм от переходного хозяйства.

Чего стоит одно его замечание о том, что наши деньги являются банкнотой, ибо «отсутствует основной признак бумажных денег—выпуск их для целей бюджетного дефицита»? Как будто бюджетный дефицит капиталистического государства и бюджетный дефицит государства советского—одно и то же? Как будто границы между бюджетом, Госбанком и остальной частью обобщественного сектора нашего народного хозяйства не стали уже в значительной мере

¹⁷ «Проблемы экономики» № 7—8, с. 168. Разрядка моя—Б. Р.

¹⁸ Там же, с. 158.

¹⁹ Там же, с. 167. Разрядка моя—Б. Р.

формальными? Как будто, при том значении, которое в нашем бюджете занимает финансирование народного хозяйства, покрытие бюджетного дефицита чем-нибудь отличается от «кредитования товарооборота»?

Здесь т. Берковский мог бы возразить, что финансирование через бюджет может пойти не только на усиление оборотных капиталов, но и на развитие капитального строительства, в то время как Госбанк эмитирует деньги на «цели... учета покупательских векселей». Что этот характер выпуска денег Госбанком не гарантирует их от применения на капитальное строительство, это мы все знаем из опыта. Но не в этом суть. Тов. Берковскому если он действительно хочет не ссылаться «на формальный момент», а добраться до существа явлений, следовало бы разобрать этот самый знаменитый «учет покупательских векселей» в советских условиях, и тогда ему стало бы ясно, что эта операция весьма отличается от «учета покупательских векселей» в капиталистических условиях. Насколько мало значения имеет здесь формальный момент, видно из того, что даже в капиталистических условиях «учет покупательских векселей» с успехом заменяется прямым кредитованием покупателя. Сущность коммерческого кредита от этого конечно не меняется. У нас же и при «учете покупательских векселей» мы имеем отношения совсем иного порядка.

В происходившей недавно дискуссии о реорганизации нашей системы кредита неоднократно раздавались голоса, требующие сохранения у нас обращения векселей, так как это требуется условиями нашего... денежного обращения. «Коммерческий кредит необходимо сохранить. По нашему мнению это крайне необходимо по многим причинам. Будучи основой банковского краткосрочного кредита, коммерческий кредит является до известной степени мерой нашего денежного обращения»²⁰. Под «коммерческим кредитом» автор подразумевает кредитование хозяйственными организациями друг другу товара под векселя. Как ошибочна и поверхностна эта точка зрения, видно хотя бы из того, что именно Госбанк, т. е. организация, которая в первую очередь должна заботиться о нашем денежном обращении, выдвинул проект прямого кредитования Госбанком «покупателя». В числе прочих мотивов в пользу этой меры авторы проекта указывают на изменившиеся условия регулирования денежного обращения:

«Оставляя в стороне спорный вопрос о том, в какой мере вексельная операция является средством регулирования кредитного оборота и денежного обращения в условиях капиталистического хозяйства, мы должны отметить, что при переносе векселя на советскую почву от применения его ожидали в некоторой степени тех же результатов. Предполагалось, что вексель должен быть средством для постановки кредитования на правильных началах, что он должен являться до известной степени регулятором кредитного оборота. Отсюда мысль, что Госбанк не может отказывать своей клиентуре в учете «хороших» векселей, поскольку эти векселя имеются в ее портфеле и т. п. Весьма возможно, что в первые годы деятельности банка вексель в известной мере в некоторых секторах хозяйства и фак-

²⁰ М. Н. Браер, статья в «Пути индустриализации» № 15. Вторая разрядка моя.—В. Р.

тически играет эту роль. Однако не подлежит никакому сомнению, что в последние годы, по мере того, как наше хозяйство стало сильнее охватываться планом, по мере укрепления кредитного планирования и по мере усиления увязки кредитного плана с планом товарооборота и промфинпланом, эта роль векселя в наших условиях свелась на-нет. Кредитный план является конечно в условиях советского хозяйства гораздо более совершенным методом регулирования кредитного оборота, а вместе с тем и денежного оборота, чем учет «хорошего» векселя, а так как действовать при помощи двух регуляторов в кредитной области трудно, или даже почти невозможно, план фактически уже вытеснил у нас вексель как регулятор оборота. Мы по инерции продолжаем еще говорить о «хороших» векселях, о необходимости обеспечить их учет и т. д., но по существу не на отборе «хороших» векселей базируется у нас регулирование кредитных операций Госбанка».

«Однако вексель не только потерял у нас в последние годы то значение, которое он имел вначале, но и перестал быть базой для регулирования кредитного оборота и способом гарантии; лишившись своих положительных сторон, вексель стал часто играть в нашем обороте отрицательную роль, являясь тормозом для регулирования кредитного оборота в плановом порядке»²¹.

Кредит в советском хозяйстве уже в значительной мере превратился в плановое перераспределение и учет средств, и частнособственнические отношения «учета покупательских векселей» должны сойти со сцены там, где это распределение средств уже может быть производимо более рациональными способами. Конечно распределение основных и оборотных «капиталов» имеют каждое свои особенности, однако не следует их преувеличивать. По т. Бирбраеру «проект ВСНХ исходит из того, что банк может и должен предоставить кредит в меру необходимости: а) для реализации готовой продукции на рынок на среднее время обращения ее на рынке, б) для покрытия сезонных нужд, с тем однако, чтобы к концу сезона ссуда была полностью погашена»²². Такое же определение задач Госбанка находим у госбанковского работника т. Блюма: «Как правило же, банки краткосрочного кредита призваны обслуживать кредитом оборот товаров (до конечного потребителя) и сезонные накопления у клиентуры материальных ценностей»²³. Оба эти автора суживают задачи краткосрочного кредита, что тем более удивительно со стороны защитника проекта ВСНХ, в котором определено выражено желание как можно больше использовать систему краткосрочного кредита в интересах промышленности. Сам т. Бирбраер даже считает, что «с точки зрения промышленности наиболее важно подчеркнуть сохранение не только коммерческого кредита между промышленностью и кооперацией, но, главным образом, сохранение внутри промышленного коммерческого кредита»²⁴. Если какому-нибудь промышленному предприятию кредитуются напр. уголь или хлопок, железо и т. д. для переработки, то вряд ли

²¹ З. Каценеленбаум, К реформе кредитования товарооборота, «Вестник финансов» № 6, 1929, с. 12.

²² Статья в № 15 «Пути индустриализации».

²³ «Вестник финансов» № 81929, с. 50.

²⁴ «Пути индустриализации» № 15, с. 16.

т. Бирбраер и т. Блюм будут отрицать целесообразность финансирования этой операции Госбанком. Но финансирование покупки более или менее продолжительно функционирующей машины вряд ли может быть ими произведено. Здесь мы уже вступаем на условный путь разграничения краткосрочного и долгосрочного, или вернее коммерческого и капитального кредита, чем мы здесь естественно не можем заниматься. Важно было подчеркнуть, во-первых, условность этого разграничения и, во-вторых, тот момент, что коммерческий кредит обслуживает не только обращение товаров, но и их производство.

С этой стороны является более правильным определение Каценеленбаума: «Госбанк, как правило, должен открывать кредит и снабжать средствами ту хозяйственную организацию или то предприятие, которое нуждается в дополнительных оборотных средствах... (он) должен перейти по всей линии к непосредственному снабжению каждого предприятия кредитом в тех пределах, в каких это предприятие, при данной своей структуре и при данных условиях своей работы, нуждается в кредитах Госбанка для пополнения своих оборотных средств»²⁵. Это определение с количественной стороны полное и правильное охватывает задачи банка краткосрочного кредита. Но оно само страдает гораздо более существенными, качественными недочетами: оно проникнуто точкой зрения банкира, который, как известно, считает себя «источником всех благ», в то время как он только распоряжается благами других. Если эта точка зрения неверна в капиталистических условиях, то тем менее верна она у нас.

Банк не «снабжает средствами» ту или иную организацию или предприятие, а перераспределяет средства между организациями и предприятиями. Это—с одной стороны, а с другой—он только учитывает распределение этих средств между организациями и предприятиями. Без динамики, без движения средств, нет места для работы банка. Эта динамика, перераспределение и учет средств или «капиталов», как основных так и оборотных, в условиях советского хозяйства, не могут быть предоставлены стихии, «учету покупательских векселей». Движение производства и распределение товаров подлежит регулированию, и тем самым регулируется движение и перераспределение денег. Когда промышленность, предположим, передает кооперации товар «для реализации», то будет ли эта сделка оформлена выдачей векселя и учетом его в банке или как-нибудь иначе, ничто не изменится в том факте, что в течение года мы считаем необходимым иметь такое-то и такое-то определенное движение товарных запасов в торгующих организациях и такое-то и такое-то определенное движение сырьевых и материальных запасов в производственных организациях и такое-то и такое-то определенное движение самого производства. Исходя отсюда, определяются и условия «финансирования», в том числе денежная эмиссия. При этом приходится учитывать все каналы и формы движения «финансов» (бюджет, кредит, цены и т. д.) и их взаимную увязку и переплетение. Эта задача не легкая, но она в той или иной мере должна быть проделана при определении путей денежной эмиссии как одной из сторон планирования народного хозяйства. Конечно, как и всякие планы, пла-

²⁵ «Вестник финансов» № 6 за 1929, с. 3. Разрядка моя.—Б. Р.

нирование эмиссии подлежит коррективам в процессе выполнения. Организация перераспределительной и учетной деятельности банка должна быть оформлена так, чтобы он мог как можно лучше выполнять свою задачу. Но характер его работы, как организации все более и более обобществляющегося переходного к социализму хозяйства, должен быть на первом плане при определении его функций и попытках рационализировать его деятельность.

Эта роль банка как организации социализирующегося хозяйства многими недооценивается. Так напр. у того же т. Вирбрера находим следующее замечание: «Несомненно, можно согласиться с т. И. Трахтенбергом, который на дискуссии в Комакадемии указал, что одной из главных задач Госбанка является воздействие на необобществленный сектор нашего хозяйства»²⁶. Если здесь мысль автора еще недостаточно ясна, то на следующей странице она уже высказывается без всяких затушевок: «...силы Госбанка и всей кредитной системы должны быть переориентированы именно в сторону регулирования денежного обращения во внеобщественном секторе»²⁷.

Получается следующая картина: обобществленный сектор растет за счет уменьшения необобществленного, а Госбанк и кредитная система должны быть «переориентированы» в сторону работы в последнем! Меньше всего я конечно намерен преуменьшать значение работы наших кредитных организаций (наряду с бюджетными, кооперативными, политикой цен и т. п. методами) в области охвата необобществленного сектора. Но говорить о «переориентировке всей кредитной системы» в эту сторону, значит не понимать роли этой системы в организации всего нашего народного хозяйства в целом и обобществленного сектора (перерастающего из «сектора» в «целое») в особенности. Тем более, что и методы работы нашей кредитной системы в необобществленном секторе коренным образом уже сейчас отличаются и будут все более отличаться от методов работы капиталистического банка. В том числе и эмиссия получает, как уже рассмотрено выше, другое значение и плановый характер.

Формула: $\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{быстрота оборота денег}}$ «определяет» количество необходимых денег, эта формула является отражением капиталистических или вообще условий товарного хозяйства. В том смысле, как она применима в этих условиях, у нас данная формула неприменима, ибо в нашем хозяйстве действительно определяются, — но совсем в другом смысле, — и сумма товаров и их цены и быстрота оборота денег и т. д. Эта формула выражает результат стихийно складывающихся отношений товарного хозяйства. У нас количество денег еще конечно не стало полностью результатом нашего сознательного регулирования, но оно уже гораздо ближе к такому результату, чем к результату стихийно складывающихся взаимоотношений. Это значит, что само движение денег становится элементом сознательно регулируемым.

Конечно на практике, мы еще во многом далеки от действительно сознательного регулирования денежного обращения. Многое здесь зависит от объективных условий, но не мало и от нашего субъективного отношения и понимания этих объективных условий. Эти

²⁶ «Пути индустриализации» № 15, с. 19.

²⁷ Там же, с. 21.

объективные трудности были бы конечно гораздо легче преодолены, если бы над нами меньше тяготели пережитки идеологии, отражающей капиталистические отношения, затуманивающей для нас понимание природы отношений того хозяйства, в котором мы живем и которое мы строим. Вот что напр. мы имеем в области регулирования эмиссии:

«При построении кредитного плана на 1929/30 г. в вопросе об эмиссии, как элементе банковских ресурсов, конкурировали между собой три позиции. Одни считали, что план должен быть составлен без эмиссии, так как эмиссия должна служить в качестве резерва всего финансового плана и поэтому не должна быть введена в план. Другие, равным образом, стояли за безэмиссионный план, полагая, что народное хозяйство обойдется наличным количеством денежных знаков в обращении. Наконец третьи думали, что план должен учесть эмиссию в размерах, вытекающих из анализа всего финансового плана, и что она должна в условиях напряженного плана быть не простым резервом, а активной силой, содействующей реализации всего плана. На последнюю позицию встал Госплан, определивший эмиссию будущего года в 380 млн. руб.»²⁸

Как мы видим, точка зрения на которую встал Госплан, не отличается единством. Если мы учитываем эмиссию в размерах, вытекающих из финансового плана, то не приходится особо апеллировать к необходимости для эмиссии быть «активной силой, содействующей реализации всего плана»; ведь это—само собой разумеется, точно так же как и то, что другие стороны финансового плана должны «активно содействовать» реализации плана эмиссии. Указание же на напряженность финансового плана, заставляющую учитывать эмиссию как источник ресурсов, объясняет истинную позицию Госплана. Работники Госплана пытаются более или менее планово подойти к определению эмиссии, исходя из «анализа всего финансового плана». Но заметно, что на планах отражается и другой подход. Источники ресурсов по финансовому плану не покрывают расходов, дефицит покрывается за счет эмиссии, и последняя становится «активным» фактором в выполнении финансового плана.

Правда работники Госплана пытаются доказать, что эти 380 млн. руб. (принято потом 425 млн. руб.) не будут излишними для обращения. Но в том-то и беда, что это ими недостаточно доказано путем «анализа всего финансового плана» и что ясно заметно превалирование точки зрения «источника ресурсов» над точкой зрения «анализа всего финансового плана». Хуже всего, что над всей этой «позицией Госплана» витает дух старых отношений к категориям кредита, финансирования, эмиссии и т. д.

Эмиссия берется как «источник ресурсов», как будто бы мы имеем дело с капиталистическим банком, для которого конечно вся сумма эмиссии, как бы она ни распределилась за пределами банка, есть источник ресурсов и приращение ссуженного им капитала. Выше было показано, что в наших условиях это далеко не так.

У т. Козлова в цитированной выше статье находим понятие «денежного расчетного баланса между обобщественным сектором и индивидуальным», который, по т. Козлову, складывается так:

²⁸ Боголепов, Финансовый план 1929/30 г., «Плановое хозяйство» № 9, 1929 г., с. 110.

Расход

Приход

1. Выдача заработной платы
2. Все плановые заготовки
3. Уплата процентов по займам
4. Выдача из страховых организаций
5. Денежный кредит частным хозяйствам

1. Выручка за проданные на широкий рынок товары и коммунальные услуги
2. Налоги
3. Займы
4. Возврат ссуд
5. Платежи по страховкам
6. Паявые взносы

За этим следуют комментарии автора: «Превышение расходов над приходом означает увеличение денежного обращения, а прихода над расходом—его уменьшение. Если к этому прибавить сумму, потребную для увеличения кассовых резервов, или отнять сумму, на которую сокращается потребность в них, то мы получим весь размер возможного требования на наличные знаки. Мы видим, что этот расчетный баланс отнюдь не складывается стихийно. Все статьи в нем почти полностью зависят от плановых наметок. Следовательно и сальдо есть сальдо, в основном устанавливаемое планом²⁹.

Эти комментарии, к сожалению нуждаются в добавочных «комментариях». Во-первых, непонятно, о каких «кассовых резервах» говорит т. Козлов? Так как дальше следует рассмотренная выше формула (см. выше), то приходится прийти к заключению, что мы здесь имеем дело с указанной абстракцией т. Козлова, который разграничивает «денежное обращение» и «кассовые резервы»: одни деньги обслуживают обращение, а другие—кассовые резервы. Это ошибка. Но возможно, что под «кассовыми резервами» т. Козлов подразумевает «каассу» обобщественного сектора? Это было бы в высшей степени правильно, ибо количество необходимых денег составляется из «кассовых резервов» индивидуального сектора плюс «кассовые резервы» обобщественного сектора. Сальдо же денежных (наличных) расчетов между обобщественным и индивидуальным сектором еще не составляет всего увеличения или уменьшения денежного обращения (я бы предпочел сказать «количества денег в обращении»).

Даже из «расчетного баланса» т. Козлова видно, что он заключает в себе все меновые, кредитные, налоговые, страховые и т. д. взаимоотношения «обобщественного сектора» с рабочим классом, служащими, крестьянами, буржуазией и остальными группами населения. Так как для определения количества необходимых денег нужно еще включить и «кассовые резервы» обобщественного сектора, то придется учесть те же отношения и по отношению к обобщественному сектору. Мы приходим опять к заключению, что для определения эмиссии приходится учитывать весь финансовый план всего нашего хозяйства. «Сальдо» же т. Козлова показывает, какая часть этой эмиссии распределится в «индивидуальном» секторе.

Но «индивидуальный» сектор включает разнородные группы: рабочих и служащих, крестьянство, буржуазию и т. д. Включать всех их «за одни скобки» приходится с большой осторожностью и всегда необходимо помнить, что они собою представляют. «Эмис-

²⁹ Г. Козлов, К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР, «Плановое хозяйство» № 8, 1929, с. 133. Разрядка моя—Б. Р.

сионный доход», поскольку он составляет из распределения нашей денежной массы между этими различными группами, имеет для нас совершенно различное значение; это было подробно разъяснено выше. Тов. Козлов спрашивает: «В каких пределах это сальдо может быть покрыто эмиссией, где граница этого?»³⁰: Вопрос поставлен неправильно: если есть «сальдо» денежных расчетов между обобществленным сектором и индивидуальным сектором в пользу последнего, то никаких вопросов о «пределах» покрытия этого сальдо эмиссией быть не может, это сальдо должно быть покрыто эмиссией³¹. Поэтому вопрос должен идти не о пределах покрытия этого сальдо эмиссией, а о «пределах» самого этого сальдо т. е. о всех наших расчетах с «индивидуальным» сектором.

И вот т. Козлов считает, что «это сальдо, есть сальдо, в основном устанавливаемое планом». Так ли это? К сожалению пока еще нет, хотя должно было бы быть так. Неужели т. Козлов действительно думает, что у нас уже эмиссия устанавливается на основе учета всех расчетных взаимоотношений нашего хозяйства? Ведь ничего похожего на это пока нет, и еще долго не будет, если мы не определимся от взгляда на эмиссию как на «источник ресурсов», без понимания той роли, которую эмиссия играет в построении и исполнении единого финансового плана всего нашего хозяйства. На пути к построению такого финансового плана, как синтезирующего все отдельные частичные планы и балансы нашего хозяйства, с эмиссии должны быть сняты облекающие ее мистические частнохозяйственные покровы. Только тогда мы сможем сказать, что мы планируем эмиссию как часть нашего единого финансового плана, а не затыкаем ею дыры и прорехи этого плана.

Эта сознательно устанавливаемая эмиссия количественно могла бы быть меньше или не меньше той, которую мы имеем сейчас,—не в этом дело. Планируя эмиссию, важно точно знать, как распределится она между всеми секторами нашего хозяйства и группами населения и как отразится она на всех отдельных частях нашего «единого финансового плана», которого пока еще нет, но к построению которого мы все больше и больше приближаемся.

До сих пор «планирование» эмиссии сводилось фактически к увязке ее с кредитными планами наших банков. Только сейчас мы подходим к такому планированию, которое увяжет ее с планом всего нашего хозяйства—с «единым финансовым планом». Это задача не легкая, но она может и должна быть нами решена. Решение это предполагает доведенное до конца обобществление хозяйства и превращение денег переходного хозяйства через расчетный знак в социалистический «талон».

³⁰ Г. Козлов, К вопросу о природе денег и т. д., «Плановое хозяйство» № 8, за 1929 г., с. 133.

³¹ За исключением той небольшой части, которая смогла бы быть покрыта за счет уменьшения кассовых резервов обобщественного сектора. Но это здесь не имеет значения, так как речь идет о пределах, в каких мы можем извлекать из «индивидуального» сектора услуги и товары взамен денег. Откуда эти деньги берутся, будет ли это новой эмиссией или сокращением кассовых резервов обобщественного сектора, с этой точки зрения безразлично.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТОИМОСТИ ЗОЛОТА И ТОВАРНЫЕ ЦЕНЫ ¹

Рост дороговизны и обесценение золота, начавшиеся с 90-х годов прошлого столетия, поставили перед теоретической марксистской мыслью вопрос о причинах этого явления.

Объяснению подлежали, собственно, два вопроса: объясняется ли рост дороговизны уменьшением стоимости золота, т. е. изменением ситуации на стороне денег, или же изменения идут со стороны товаров вследствие роста себестоимости их производства и факторами распределительного характера как рост земельной ренты, увеличение таможенных пошлин и т. д.

Второй вопрос общетеоретического характера, всплывавший в связи с первым, заключался в том, каким образом вообще, через какой механизм вообще падение стоимости золота может приподнять вверх такую громаду, как весь индекс мировых товарных цен, и наоборот, каким образом рост стоимости золота может заставить упасть товарный индекс. Как известно, Маркс специально не анализировал этой проблемы, и по этому вопросу среди марксистов обнаружился довольно большой разброд. Poleмика на эту тему велась в рядах социал-демократии на протяжении последних лет перед войной. В период войны и после войны мы обогатились новыми фактами из области роста золотых цен и падения стоимости золота. Эти факты заставляют вернуться к обоим вопросам, которые не были окончательно разрешены в предвоенной полемике в рядах германской социал-демократии. Хотя оба перечисленные выше вопроса тесно связаны друг с другом и я буду касаться обоих, в первую очередь меня интересует второй вопрос, с которого я и начинаю.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА У МАРКСА

Прежде всего восстановим все то, что есть у Маркса по вопросу о связи стоимостных условий производства денежного материала с уровнем цен на все остальные товары.

Основное исходное и общеизвестное теоретическое положение Маркса гласит: «Если бы стоимость золота, т. е. необходимое для его производства рабочее время, увеличилась или уменьшилась, то товарные цены повысились бы или понизились в обратном отношении» ².

¹ В порядке обсуждения—*Ред.*

² «Zur Kritik», 3 Aufl., Stuttgart, S. 98.

Такова общая формула, которую Маркс повторяет в различной связи много раз. Каким же образом и где осуществляется эта расценка золота в товарных ценах? Естественно, у источника производства его; там, где оно как товар обменивается на определенное количество других товаров; там, где золотопромышленник покупает средства производства и рабочую силу, а его рабочие покупают предметы потребления. В т. I «Капитала» Маркс пишет: «... Сфера обращения товаров имеет дыру (Loch), через которую туда проникает золото (серебро, короче говоря—денежный товар) в качестве товара данной стоимости. Такая стоимость предполагается как предпосылка при выполнении деньгами функции мерил стоимости, следовательно, при определении цены. Если теперь, например, понижается стоимость самого мерил стоимости, то это прежде всего проявляется в изменении цены товаров, которые обмениваются на благородные металлы как на товары, непосредственно у источника производства последних. Но большая часть других товаров—в особенности на более низких ступенях развития буржуазного общества—продолжает еще долгое время расцениваться сообразно прежней, теперь уже устаревшей и ставшей иллюзорной стоимости золота. Однако один товар заражает другой, соприкасаясь с ним в уравнении стоимости, и таким образом золотые или серебряные цены товаров мало-по-малу выравниваются сообразно пропорциям, определяющим их собственной стоимостью, пока в конце концов все товарные стоимости не будут расцениваться сообразно новой стоимости денежного металла»³.

В «Критике политической экономии» Маркс в нескольких местах подходит к той же проблеме, хотя и не останавливается более подробно на самом механизме приспособления покупательной способности золота к его стоимости.

Особенно интересно в этом отношении следующее место. В главе о мериле стоимости Маркс пишет:

«Мерою стоимостей золото становится только потому, что все товары измеряют в нем свою меновую стоимость. Но всесторонний характер этого отношения, протекающего в виде процесса,—всесторонний характер, который один только и сообщает золоту его характер меры стоимостей,—предполагает, что каждый отдельный товар измеряется в золоте в соответствии с содержащимся в них обоих рабочим временем, что, следовательно, действительною мерою товара и золота служит сам труд, или что товар и золото в непосредственной меновой торговле приравняются друг к другу, как меновые стоимости. Каким образом происходит это приравнивание на практике, не может быть объяснено в стадии простого обращения. Тем не менее очевидно, что в странах, производящих золото и серебро, определенное рабочее время воплощается непосредственно в определенном количестве золота и серебра; в странах же, не производящих ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается обходным путем при помощи непосредственного или посредственного обмена туземных товаров, т. е. определенной доли национального среднего труда на определенное количество воплощенного в золоте и серебре рабочего времени стран, обладающих рудниками. Для того, чтобы служить мерою стоимостей, золото должно представлять стоимость, способную изменяться, так как эквивалентом других товаров оно может сделаться только в качестве

³ «Kapital», I, Hamburg. 1909, S. 82.

воплощения рабочего времени, а между тем одно и то же рабочее время с изменением производительной силы реального труда реализуется в неравных количествах тех же самых потребительных стоимостей. Как при выражении меновой стоимости любого товара в потребительной стоимости другого товара, так и при оценке всех товаров в золоте предполагается только, что в данный момент золото представляет определенное количество рабочего времени. Что касается изменений в стоимости золота, то здесь имеет силу изложенный выше закон меновых стоимостей. Если меновая стоимость товаров остается без изменений, то общее повышение их цен в золоте возможно только в том случае, если уменьшается меновая стоимость золота. Если меновая стоимость золота остается без изменений, то общее повышение цен в золоте возможно только в том случае, если увеличиваются меновые стоимости всех товаров. Обратное имеет место в случае общего понижения товарных цен»⁴.

По сравнению с вышеприведенной цитатой из «Капитала» в данном месте «Критики» Маркс прибавляет кое-что новое. Этим новым является разграничение стран, производящих денежный материал, от стран, которые не имеют собственных месторождений драгоценных металлов и свои запасы денежного материала получают от первых. Приспособление покупательной способности золота и серебра к их стоимостям происходит, следовательно, таким образом:

В странах, производящих денежный материал, общественно-необходимое рабочее время, которое затрачивается на добычу единицы денежного материала, в конце концов приравнивается в обмене к рабочему времени, воплощенному в определенном количестве товаров, в которых нуждаются золотопромышленники как потребители и как производители, а также их рабочие. Здесь прежде всего устанавливается эквивалентность обмена определенного количества золота на определенное количество других товаров и тем самым происходит, так сказать, первичная материализация цены этих товаров. Если они выступают на рынок с идеальной ценой, допустим, с ценой вчерашнего дня хозяйственной конъюнктуры, когда, положим, еще не существовали, либо еще не передались на рынок изменения, происшедшие в стоимости производства денежного материала, то эти товары в первую голову испытывают происшедшее изменение и либо повышаются, либо падают в цене (предполагая, что их собственная стоимость не изменилась). За этими товарами следуют по цепной зависимости все другие виды товаров внутри стран, производящих золото и серебро. После того, как новая расценка золота в товарах определилась, прежде всего в странах, имеющих свои разработки этих металлов, новые цены перебрасываются на другие страны, не имеющие своих разработок золота и серебра. Через входные и выходные двери импорта и экспорта товарообмен первой группы стран выравнивает в международном масштабе все цены сообразно новой расценке денежного материала, которая уже произошла на части территории мирового хозяйства⁵. Весь этот окольный путь значительно сокращается, если, например,

⁴ «Zur Kritik», то же нем. изд., с. 49, 50; русск. пер. И. И. Рубина, с. 106.

⁵ А если страна имеет металлические деньги, но не имеет ни собственной разработки драгоценных металлов (полученных ею преимущественно путем грабежа), ни сколько-нибудь значительной и регулярной торговли со странами, производящими металлы (Рим определенного периода), то как может сказаться в этой стране изменение в стоимости производства денежного материала?

промышленность благородных металлов часть своей продукции покупает не внутри страны, а на международном рынке, например, когда золотопромышленность отсталой страны покупает за границей свое оборудование и т. д. В этом случае приспособление покупательной способности золота к его стоимости происходит одновременно и на внутренних и на внешних рынках.

Еще более этот окольный путь сокращается в том случае, если страна, производящая большое количество или даже большую часть всей мировой продукции денежного материала, является одновременно экономически самой сильной и передовой страной в мировом хозяйстве, ее внутренние цены отождествляются с мировыми ценами, страна живет в условиях свободы торговли и имеет валютную диктатуру на мировом денежном рынке. В таком положении как раз и была Англия в XVIII в. и на протяжении почти всего XIX в. Поскольку лондонские цены были ценами мирового рынка, то достаточно было переоценки золота на территории владений Великобритании, чтобы новая расценка золота в товарах через лондонскую биржу распространилась на все страны мирового хозяйства.

Но в рассматриваемом месте из Маркса есть еще одно замечание, которое мы должны подчеркнуть, потому что встретимся с ним еще раз дальше. Я имею в виду фразу Маркса о том, что на стадии простого обращения (*in der Sphäre der einfachen Zirkulation*) не может быть объяснено, каким образом в непосредственной меновой торговле происходит практически приравнивание меновых стоимостей золота к меновым стоимостям товаров.

Почему это не может быть объяснено на стадии простого обращения, которым Маркс преимущественно занимается в «Критике»? Потому ли, что на стадии простого обращения, т. е. исторически в период простого товарного хозяйства, не происходило вообще такого приравнивания, или же потому, что для иллюстрации этого процесса нужно описание механизма ценностного регулирования развитого капитализма? Разумеется, второе. Иначе пришлось бы допустить, что на стадии простого товарного производства и даже торгового капитала золото и серебро не были мерилом стоимости и масштабом цен, хотя бы и далеко несовершенным. Следовательно, на стадии простого товарного производства обмен золота и серебра на товары в форме простой меновой торговли происходил, с большим или меньшим приближением он нащупывал эквивалентность обмена денежного материала на товары, но весь механизм этот не может служить иллюстрацией для развитых капиталистических отношений и того механизма, который характерен именно для последних. Хотя у Маркса мы не находим полного описания действия этого механизма ни в «Критике», ни в «Капитале», ни в каких других работах, за исключением частичной трактовки этой темы в одном из писем к Энгельсу, однако «Капитал» отличается от «Критики» тем, что в нем изложение Маркса остается в сфере простого обращения лишь в отношении денег и в отношении некоторых моментов докапиталистической экономики (эпоха первоначального накопления, ростовщический капитал, докапиталистическая рента, небольшие экскурсы в области античного хозяйства и т. д.), основной же стержень дальнейшего изложения, начиная с 4-й главы I тома, вращается в сфере отношений развернутого капитализма. А как известно, общий механизм ценностного регулирования при развернутом капитализме существенно отличается

и существенно усложняется в сравнении с таким механизмом при простом товарном хозяйстве. Отсюда мы можем сделать очень важный вывод для понимания того, почему Маркс отказывался от изложения интересующей нас темы в «Критике». Разумеется, потому же, почему он не говорит в «Критике» об индустриальном капитале, наемном труде и прибавочной ценности I тома и в I томе не говорит о законе цен производства III тома. Он не хотел на отдельном вопросе ценностного регулирования в сфере соприкосновения области производства денежного материала со всеми другими отраслями товарного производства развивать общий вопрос о механизме ценностного регулирования в капиталистической экономике вообще.

Следовательно, интересующий нас вопрос лежит в сфере тех особенностей, которые развитый капитализм имеет в сравнении с условиями простого товарного производства. А это значит, что решение надо искать в области таких сторон капитализма, как: 1) свободный наемный труд, 2) свобода конкуренции, 3) свобода перелива труда и капитала из одной отрасли в другую, 4) средняя норма прибыли и закон цен производства, 5) диспропорции, кризисы и депрессии. Циклическая смена конъюнктуры.

Остановимся пока на этом и идем дальше.

В главе «Критики», посвященной мировым деньгам, мы находим следующее место, относящееся к нашей теме. Маркс говорит:

«Международное обращение, как и внутреннее, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом мировых денег, который то опорожняется, то опять наполняется в соответствии с колебаниями товарного обмена. Кроме тех отдельных движений, при которых мировые деньги передвигаются из одной национальной сферы обращения в другую и обратно, они обладают общим движением, исходные пункты которого лежат у источников производства золота и серебра, откуда золотые и серебряные потоки растекаются по мировому рынку в различных направлениях. Здесь золото и серебро вступают в мировое обращение в качестве товаров и обмениваются как эквиваленты, сообразно заключенному в них рабочему времени, на товарные эквиваленты, прежде чем попасть в сферы внутреннего обращения. Поэтому в последних они появляются уже с данной величиною стоимости. Ввиду этого каждое уменьшение или увеличение в их издержках производства соответственно изменяет на мировом рынке их относительную стоимость, которая, с другой стороны, несколько не зависит от того, в какой мере различные национальные сферы обращения поглощают золото или серебро. Доля металлического потока, улавливаемая каждой отдельной сферой товарного мира, уходит частью непосредственно во внутреннее денежное обращение для замещения стирающихся металлических монет, частью задерживается в различных запасных резервуарах монеты, платежных средств и мировых денег, частью превращается в предметы роскоши, и, наконец, остаток становится просто сокровищем»⁶.

Из этого места «Критики» мы отметим две мысли. Первая мысль состоит в том, что все страны, которые не имеют собственной золотопромышленности и серебропромышленности, получают благородные металлы из стран, имеющих прииски и рудники, и это золото входит

⁶ «Zur Kritik», с. 153—154; русский перевод, с. 203—204.

в эти страны уже после того, как обменялось при входных дверях импорта — экспорта на определенные товары импортирующих золото стран; здесь они обмениваются как товар на товар. И уже после этой расценки в товарах, после этого ценностного крещения (базирующегося на их стоимости) денежный товар появляется во внутреннем обращении страны. Здесь, как и во многих других местах «Критики» и в соответствующих местах «Капитала», Маркс подчеркивает все время свой основной тезис, который он защищал против количественников во главе с Рикардо, что товары входят в обращение с ценами, а золото — со стоимостью. Цена есть уже нечто данное; количество необходимых денег в обращении, при прочих равных условиях, зависит от суммы товарных цен, а эта сумма дана заранее, потому что стоимость золота уже до обмена фиксируется в определенном количестве товаров. Этим количеством измеряется его покупательная способность, в этом количестве материализуется его стоимость. Не куча лишенных цен товаров противостоит горе золота, лишенной предварительно установленной стоимости, после чего цены и устанавливаются согласно количественным уравнениям, как представляет себе дело вульгарная количественная теория, а наоборот: товары уже имеют цену, т. е. денежное выражение их стоимости. Золото уже имеет свою стоимость и свою покупательную способность, фиксированную в товарах. Весь вопрос заключается лишь в том, как обстоит все это дело в одном единственном пункте, а именно в пункте производства самого золота и самого серебра.

Здесь положение иное в том отношении, что драгоценные металлы обмениваются здесь на все остальное, как товар на товар, и количественные пропорции обмена в этом пункте являются решающими для материализации стоимости золота и во всех других товарах и на всех других рынках, потому что именно здесь мы имеем участок хозяйственного поля, где прежде всего может начаться переоценка золота в результате или увеличения или уменьшения его стоимости. В этот обмен на этом участке товары и золото входят со стоимостью, но товары вступают если не без цены, то по крайней мере со старой ценой. Здесь они, обменявшись как товар на товар на денежный материал, либо получают подтверждение старых цен, либо получают новые. Последнее происходит тогда, когда изменилась либо стоимость товаров, либо стоимость самого денежного материала, либо стоимость изменилась здесь и там, но изменилась не во взаимно уравновешивающихся пропорциях.

Вторая мысль Маркса состоит в том, что каждое попеременно наступающее увеличение или уменьшение в издержках производства золота и серебра изменяет на меновом рынке их относительную стоимость. Дело идет здесь, разумеется, не о субстанциональной стоимости, каковая измеряется количеством общественно-необходимого труда на производстве, а об относительной стоимости (*relativer Wert*), т. е. о расценке золота и серебра в товарах, о покупательной способности денежного материала. Маркс употребляет термин «относительная стоимость» там, где многие экономисты ошибочно говорят о цене золота, что при свободе чеканки равносильно термину «цена денег», хотя деньги цены не имеют (это тавтология), а «цена золота», если уже допускать это неверное выражение, есть его покупательная способность в товарах. Одним словом, Маркс говорит здесь, что каждое изменение в стоимости благородных металлов означает изменение

индекса товарных цен. Теоретически это обстоит так. Это есть краснотельный камень всей марксовой теории денег в ее связи с теорией стоимости. Но это не надо понимать буквально, т. е. что каждое, даже кратковременное и самое небольшое, изменение стоимости денежного материала немедленно же и в точной пропорции происшедшего изменения отзывается на индексе товарных цен. Дело идет здесь о законе как о тенденции, как и вообще во всех случаях, если уже допускать это неверное выражение, действия стихийного закона ценности в разных его проявлениях. Приспособление покупательной способности золота к его стоимости происходит как известный процесс, более длительный в эпоху простого товарного производства, более быстрый в период развитого капитализма.

В следующем месте «Критики» Маркс снова повторяет кое-что из того, что мы уже читали в предыдущих цитатах. В своей полемике с количественной теорией Юма Маркс писал: «Понижившаяся стоимость благородных металлов, следовательно, — говорили позднейшие ученики Юма, — обнаруживается в возрастающей массе средств обращения, а возрастающая масса средств обращения — в повышении товарных цен. В действительности, однако, возрастает только цена экспортных товаров, которые обмениваются на золото и серебро как на товары, а не как на средства обращения. Таким образом цена этих товаров, расцениваемых в золоте и серебре, стоимость коих понизилась, возрастает по сравнению со всеми другими товарами, меновая стоимость которых продолжает расцениваться в золоте и серебре сообразно масштабу прежних издержек их производства. Такая двойная расценка меновой стоимости товаров в одной и той же стране может носить, конечно, только временный характер, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны выравниваться пропорционально самим меновым стоимостям, так что в конце концов меновые стоимости всех товаров расцениваются в соответствии с новой стоимостью денежного материала. Развитие этого процесса сюда не относится, как и вообще характер и способ того процесса, благодаря которому меновая стоимость товаров осуществляется среди колебаний рыночных цен. Новые критические исследования о движении товарных цен в XVI столетии убедительно доказали, что в менее развитые эпохи буржуазного производства этот процесс выравнивания происходит лишь весьма постепенно, в продолжение долгих периодов и, во всяком случае, отстает от возрастания количества обращающихся наличных денег»⁷.

Здесь Маркс снова возвращается к вопросу о том, каким образом, через какие звенья изменение издержек производства денежного материала передается на весь товарооборот стран, не производящих благородных металлов. Эти страны имеют экспорт в страны, производящие золото и серебро. За экспортные товары они получают больше золота или серебра, если благородные металлы понизились в стоимости, а если повысились, то наоборот. Следовательно, первое изменение цен для стран, не производящих драгоценных металлов, происходит на стыке их хозяйства с хозяйством стран — производителей денежного материала. В дальнейшем эта новая расценка золота в товарах распространяется и на весь индекс цен внутреннего товарообмена.

⁷ «Zur Kritik», S. 166. 167.

Во-вторых, Маркс отмечает тот факт, что изменения в стоимости золота и серебра сказываются на изменении товарных цен не сразу, а лишь постепенно.

Почему этот процесс происходит медленно в эпоху простого товарного производства и на ранних ступенях капитализма, ясно из сравнения всего механизма ценностного регулирования здесь и там. При очень большой трудности перехода от одной профессии к другой, что так характерно для эпохи простого товарного производства, следовательно, при трудности перелива труда из одних отраслей в другие, при слабости международных связей и локальности рынков, при отсутствии или развитии таких связующих нервов товарооборота как современные биржи, — изменение в стоимости производства металлов не могло быстро изменить общий уровень товарных цен. При капитализме весь процесс приспособления общественных цен к стоимости денежного материала происходит значительно быстрее вследствие гораздо большего совершенства всего механизма ценностного регулирования. Производство может гораздо быстрее расширяться, поскольку имеются резервная армия рабочих, избыточный денежный капитал, избыточный оборотный и основной капитал *in natura*, а также избыточный основной капитал в самих уже действующих предприятиях (что как раз быстрее всего может дать эффект в случае необходимости расширения). Наконец при массовом характере производства и производства денежного материала в частности, стоимостные изменения вообще отражаются на ценах быстрее.

Как конкретнее обстоит дело с механизмом передачи изменений стоимости золота на индекс цен, об этом мы скажем в своем месте ниже.

Если Маркс при изложении в «Критике» своей теории денег элиминировал вопрос о приспособлении товарных цен к стоимости золота в условиях капиталистического хозяйства на том основании, что его изложение не выходило еще за пределы простого товарного хозяйства, то что же было им сказано на эту тему, когда он приступил к анализу отношений уже развитого капитализма.

К сожалению, на интересующую нас тему мы находим у Маркса всего два попутных замечания во II томе «Капитала» и одно очень интересное место в переписке с Энгельсом (письмо от 22 апреля 1868 г.), хотя это место лишь косвенно затрагивает рассматриваемый нами вопрос. Создается впечатление, что Маркс, разрешив все основные вопросы, связанные с законом ценности, просто не успел развить свои взгляды на эту проблему, важность которой ему была совершенно очевидна, потому что он несколько раз вплотную подходил к ней еще в «Критике».

Посмотрим теперь, что им было все же сказано во II томе «Капитала», где довольно много говорится вообще о производстве золота, но в другой связи, а именно в связи с простым и расширенным воспроизводством денежного материала, как элемента для реализации в денежной форме прибавочной ценности. Поскольку Маркс абстрагировался от кредита, который он сам же считал имманентно присущим развитым капиталистическим отношениям, этот вопрос занят во всем его изложении непропорционально большое место.

Говоря об обороте капитала при добыче благородных металлов в условиях простого воспроизводства, Маркс между прочим пишет в главе об обращении прибавочной стоимости:

«Рассмотрим кругооборот и соответственно оборот капитала, вложенного в производство благородных металлов, прежде всего под углом зрения формы $D-T \dots P \dots D_1$ ⁸. Поскольку T в $D-T$ состоит не только из рабочей силы и средств производства, но также из основного капитала, причем в P потребляется лишь известная часть его ценности, то ясно, что D_1 , т. е. продукт, есть денежная сумма, равная переменному капиталу, потраченному на заработную плату, плюс оборотная часть постоянного капитала, вложенного в средства производства, плюс часть ценности, равной снашиванию основного капитала, плюс прибавочная ценность. Если бы при неизменности общей ценности золота оказалось, что эта сумма меньше, то это означало бы либо нерентабельность вложений в данные приписки, либо—если явление носит общий характер—в дальнейшем ценность золота в сравнении с товарами, ценность которых остается неизменной, должна подняться, т. е. цены товаров должны пасть, и таким образом вложенная в акте $D-T$ сумма должна в будущем уменьшиться»⁹.

В этой цитате нас интересует, разумеется, ее конец, т. е. тот случай, когда отмеченное Марксом явление носит общий характер. Постараемся иллюстрировать мысль Маркса на числовом примере. Допустим, вся годовая валовая продукция золото- и серебропромышленности данной страны (Маркс в той главе, откуда мы берем цитату, исходит из условий страны, имеющей собственное производство благородных металлов), распадающаяся, как в других странах на $c+v+m$, т. е. на стоимость производительно потребленного постоянного капитала (c)¹⁰, плюс зарплата (v), плюс прибавочная стоимость (m), в цифрах выглядит так: c 200 млн. руб. $+v$ 50 млн. руб., т. е. весь капитал, входящий в стоимость годовой продукции, равен 250 млн. Если при средней норме прибыли общая прибыль предприятий по добыче благородных металлов должна равняться, допустим, 50 млн. руб., то все предприятия по добыче благородных металлов должны при нормальных условиях выбросить годовой продукции на 300 млн. руб., или в данном случае произвести в натуральной форме такое количество денежного металла, которое равно весовому содержанию 300 млн. золотых или серебряных рублей. Но допустим, вся промышленность по добыче благородных металлов выбрасывает в год только 240 млн. Тогда она не только не принесет средней нормы прибыли, но и не возместит даже элементов затраченного капитала, в данном случае проест 10 млн. из постоянного капитала (допустим, из амортизационного фонда основного капитала). Такое положение не может долго длиться. Оно означает, что между ценностными условиями производства драгоценных металлов и ценностными условиями производства остальных товаров существует большой разрыв и денежное выражение стоимости товаров, т. е. их золотые цены, не соответствует стоимости самого денежного материала. Это должно кончиться или

⁸ Вряд ли читателям надо пояснять, что D —это авансированный капитал в денежной форме; T —это натуральные элементы производства, купленные за D ; P —это сумма ценностей, производительно потребленных и вновь созданных за один цикл, т. е. стоимость рабочей силы, сырья и соответственного износа основного капитала плюс прибавочная стоимость; D_1 — стоимость всей продукции, включая прибавочную ценность, выраженная в деньгах (после реализации).

⁹ «Das Kapital», В. II., Berlin, 1926, S. 275.

¹⁰ При этом, как и везде у Маркса, предполагается для упрощения, что основной капитал, входящий в состав c , целиком изнашивается в течение одного года.

ликвидацией золотопромышленности или падением общего уровня цен до такого предела, когда золотопромышленность вновь станет рентабельной. В данном случае это будет означать, что при падении общего индекса цен, допустим, на 20%, элементы постоянного капитала будут стоить не 200, а 160, зарплата (если вместе с падением уровня цен падет и номинал зарплаты) упадет с 50 до 40 млн., и в итоге, при годовой затрате всех элементов капитала в 160 с+40 в, т. е. 200 млн., и при прежних размерах продукции золота в 240 млн.—золотопромышленность вновь станет рентабельной, т. е. в данном случае принесет 40 млн. руб. прибыли. Мы не останавливаемся здесь на вопросе о норме прибыли, потому что это зависит от арифметических цифр примера.

Таким образом в рассматриваемом у Маркса случае исходное D , после того как в итоге оно возвращалось в виде $D-x$, теперь снова превращается в D_1 , но превращается исключительно потому, что снизилась стоимость элементов производства, а это невозможно без понижения цен тех товаров, которые входят *in natura* в капитал золотопромышленности, включая и товары, потребляемые рабочими. В данном случае повышение себестоимости золота приводит к падению товарного индекса. Исторически чаще имело место обратное: уменьшение стоимости золота приводит к повышению товарных цен. Как в данном случае будет выглядеть наш числовой пример, это не трудно себе представить. Падение себестоимости золота при тех же затратах капитала будет означать, что 200 с+50 в+50 т дадут готовой продукции золота не на 300, а допустим на 350 млн., либо те же размеры золотой продукции в 300 млн. будут получены с затратой меньшего количества капитала. В этом случае приспособление товарных цен к стоимости золота будет состоять в повышении этих цен, вследствие чего те же самые элементы с, стоившие раньше 200, и в, равнявшиеся 50, которые давали продукцию в 350 млн., теперь будут стоить с увеличением цены на 70% уже 300 млн., вследствие чего золотопромышленность снова вернется к условиям средней нормы прибыли, существующей во всех остальных отраслях промышленности.

Однако и в первом и во втором случае вопрос с амортизацией старого основного капитала, если он в первом случае приобретался при дорогих ценах, а амортизировался при сниженных, а во втором приобретался при более дешевых, а амортизировался при возросших—этот вопрос требует дополнительного рассматривания в связи с переоценкой то в сторону повышения, то в сторону понижения всего вложенного в предприятие основного капитала. Как раз в вышеупомянутом письме к Энгельсу Маркс затрагивает этот вопрос. Мы его коснемся ниже.

Читатель видит, что в приведенной цитате Маркс собственно ничего не говорит о самом механизме, посредством которого понижается или повышается уровень товарных цен в связи с повышением или понижением стоимости золота. Однако приведенное место важно для нас методологически, потому что оно побуждает нас искать решение интересующей нас проблемы не на путях вульгарно-количественных дополнений или интерпретаций Маркса, не на путях вульгарно-количественных гипотез, а на основе систематически проведенного анализа всех тех особенностей, с которыми сталкивается ценностное регулирование как раз на стыке золотопромыш

депности со всеми другими видами промышленности и их рынком, т. е. с рынком всех остальных товаров.

Все сказанное здесь особенно важно иметь в виду для правильного понимания того места во II томе «Капитала», где Маркс говорит о дополнительном постоянном капитале или расширенном воспроизводстве золота. Тем важнее предостеречь от неправильного понимания этого места с самого начала, что уже имеются примеры толкования Маркса в духе эклектических уступок количественной теории, как это можно видеть из одной работы К. Каутского, выдвинувшего свой вариант решения рассматриваемой нами проблемы (верней в основном повторившего О. Бауэра) и ухитрившегося даже вышеразобранное нами место истолковать в духе количественной теории¹¹.

К этому очень крупному «недоразумению», которое случилось с Каутским и которое является далеко не единственным в его работах, дающих интерпретацию экономической теории Маркса¹², мы еще вернемся ниже и очень основательно разберем всю его позицию в том споре о причинах дороговизны, который имел место накануне мировой войны в рядах германской социал-демократии. А пока обратимся к самому месту Маркса из II тома.

Маркс в той главе, где находится это место, говорит о дополнительном постоянном капитале при расширенном воспроизводстве золота. Место, которое мы процитируем в интересующей нас части, не находится в тесной внутренней связи со всем изложением, и его надо рассматривать скорее как попутное замечание. Маркс говорит: «Добавочное производство благородных металлов, поскольку оно попеременно является то более богатым, то менее, может вызывать изменение (*Störende Einflüsse ausüben*) в товарных ценах не только на протяжении долгих, но и на протяжении очень коротких периодов...» («Kapital», В. II, S. 430).

Это место Маркса, логически рассуждая, можно, разумеется, толковать и в духе количественной теории, но для этого предварительно нужно отказаться от всего того, что Маркс писал против количественников, а также отказаться и от всей его теории ценности денег, потому что его полемика с количественниками целиком вытекала из его общей теории денег. Толковать приведенное место Маркса в духе количественников и в разрез с его теорией денег можно лишь следующим образом. Если продукция золота в условиях его расширенного производства делает скачок вверх и масса золота увеличивается, то это должно повлечь на товарные цены в сторону их снижения. Если золота производится, наоборот, меньше и его недостает в сравнении с потребностью, то это должно вызвать понижение товарных цен.

Однако такое толкование сталкивается с первым затруднением, которое заключено в самой же цитированной фразе. Если дело идет о конъюнктурных изменениях в количестве производимого золота, приводящих к конъюнктурным же изменениям в ценах, то каким образом эти изменения могут иметь место «на протяжении долгих

¹¹ См. K. Kautsky, Die Wandlungen der Goldproduktion und der wechselnde Charakter der Tonerung, Stuttgart 1913, S. 21.

¹² Достаточно назвать его совершенно путанный и эклектический ответ на важнейший вопрос о понятии общественно-необходимого труда у Маркса: «На другой день после социальной революции», упрощенное, полуученическое изложение теории стоимости Маркса в брошюре «Экономическое учение Карла Маркса» и т. д.

периодов»? Второе затруднение для толкования этого места в приведенном смысле заключается в том, что такое толкование опрокидывает всю марксову теорию металлического обращения. Разве товарные цены приспособляются к количеству золота, а не к его стоимости? Разве золото входит в мир товаров без стоимости? И почему при металлическом обращении весь механизм этого обращения оказывается столь эластичным, что когда денег в обращении оказывается больше, чем нужно, они автоматически отливают в сферу сокровища, а при недостатке их—приливают из этого резерва, а тот же самый механизм стоимостного регулирования на более широкой территории, т. е. включая сюда и вновь производимое золото, теряет вдруг почему-то всю свою эластичность? Разве золото, произведенное в период известного скачка в сторону расширения производства, представляет собой скоропортящийся продукт и не может отлить в резерв, тем более, что на протяжении всего капиталистического периода не было еще случая, чтобы можно было говорить о перепроизводстве золота?

Совершенно очевидно, что Маркс в данном случае говорит не о влиянии того или иного количества вновь производимого золота на цены, взятого безотносительно к большей или меньшей производительности труда при добыче благородных металлов, а говорит о влиянии на цены изменений в себестоимости благородных металлов, всегда имеющих свое количественное выражение. Именно: при повышении производительности труда на приисках или вследствие открытия новых богатых россыпей или вследствие введения новых технических усовершенствований в добыче благородных металлов, при тех же затратах труда и при мобилизации тех же размеров капитала, размеры добычи расширяются. Обратное происходит, когда, например, вследствие истощения более богатых месторождений приходится центр тяжести переносить на менее богатые, что неизбежно увеличивает себестоимость золота и уменьшает количество добытого денежного материала при затрате того же количества труда и вложении того же капитала. Количественные изменения в добыче благородных металлов являются сопутствующими явлениями стоимостных изменений (хотя и не всегда только их). Не изменения количества, а именно стоимостное изменение влияет в ту или другую сторону на индекс общетоварных цен. И именно в этом смысле говорит в данном месте Маркс о влиянии на цены расширения или сжатия производства. И именно под этим углом зрения делается понятным указание и на длительное изменение товарных цен. Если расширение производства является очень резким и значительным вследствие уменьшения себестоимости, но вызвано эпизодическими причинами, как нахождением новых месторождений, которые скоро истощаются, то и влияние на цены будет не длительным. Наоборот, изменения, связанные, например, с введением усовершенствований в самую технику добычи благородных металлов, неизбежно вызывают длительные изменения в уровне общетоварных цен.

Все это является совершенно ясным и элементарным для всякого марксиста, который твердо усвоил себе существо и дух марксовой теории металлического обращения. Если бы Маркс мог предвидеть, что цитированное место из той его рукописи, которая была использована Энгельсом для данного отдела II тома, может подать повод к таким недоразумениям, как это случилось с Каутским, он бы, разумеется, устранил такое его толкование, добавив два слова о себестоимости для тех, кому требуются такие добавления.

Переходим теперь к третьему месту из Маркса, косвенно касающемуся рассматриваемой проблемы. Это место важно для нас не столько само по себе, сколько потому, что оно дает некоторый методологический толчок к решению нашей проблемы.

Я имею в виду письмо Маркса к Энгельсу от 22 апреля 1868 г. В этом письме Маркс анализирует влияние падения или повышения ценности денег на норму прибыли. Он пишет: «Предположим, что стоимость денег падает на $\frac{1}{10}$. Тогда цена товара при прочих равных условиях поднимается на $\frac{1}{10}$. Если же, наоборот, ценность денег повышается на $\frac{1}{10}$, то цена товаров при прочих равных условиях падает на $\frac{1}{10}$. Если в случае падения стоимости денег цена рабочей силы повышается не в той же пропорции, то тем самым она падает, уровень прибавочной ценности повышается, и, при прочих равных условиях, повышается и норма прибыли. Это повышение нормы прибыли,—пока колебание вниз¹³ ценности денег продолжается,—связано с простым падением заработной платы, а это падение связано с тем обстоятельством, что изменение уровня заработной платы лишь медленно приспособляется к изменению в ценности денег (так обстояло дело в конце XVI и в XVII вв.). Если, наоборот, при увеличении ценности денег заработная плата падает не в той же пропорции, то уровень прибавочной ценности падает, а поэтому—*caeteris paribus*¹⁴—падает и норма прибыли. Оба эти движения, т. е. рост нормы прибыли при падении ценности денег и падение ее при повышении денег при прочих равных условиях, связаны с тем обстоятельством, что цена рабочей силы еще не выравнялась в соответствии с новой ценностью денег. Это явление (уже давно получившее свое объяснение) прекращается, лишь только между ценой рабочей силы и ценностью денег устанавливается соответствие»¹⁵.

Дальше Маркс ставит вопрос, действительно ли дело на этом кончается, и приходит к заключению, что надо дальше исследовать еще вопрос о цене элементов постоянного капитала. Он берет для примера положение в какой-либо отрасли индустрии, где, допустим, капитал распределяется между *c* и *v*, как $400c + 100v$. Если в случае падения ценности денег на 10% заработная плата растет на 10%, то валовая продукция будет стоить при тех же 100% нормы прибавочной стоимости $400c + 110v + 110m$ вместо прежних $400c + 100v + 100m$. В связи с этим изменится и норма прибыли, а именно: вместо 20% она будет равна 21,58%, потому что теперь 110 берется в отношении к 510, тогда как раньше 100 бралось в отношении к 500.

«Рост нормы прибыли был бы больше, если бы ценность постоянного капитала падала быстрее, чем ценность денег, и меньше, если она падает медленнее ценности денег... Что специально именно в промышленности производительность труда получает стимул от падения ценности денег, от простого разбухания золотых цен и приводит в мировом масштабе ко всеобщей погоне за увеличенной денежной массой, это есть исторический факт, который специально можно проследить с 1850 до 1860 г.»¹⁶

¹³ В подлиннике — *die ascendante Oscillation*, т. е. очевидная описка.

¹⁴ При прочих равных условиях—*E. II*.

¹⁵ «*Briefwechsel*», В. IV, Stuttgart 1913, S. 37.

¹⁶ Я не говорю здесь о важности цитированного письма Маркса в других отношениях, например для теории падающей валюты, в частности объяснения низких золотых цен в странах падающей валюты.

Это письмо Маркса к Энгельсу важно в том для нас отношении, что оно заставляет рассмотреть проблему с точки зрения влияния уменьшения или увеличения товарных цен на стоимость постоянного, в том числе и основного капитала в промышленности благородных металлов¹⁷. А в то же время анализ Маркса заставляет исследовать всю проблему под углом зрения той разницы в ситуации, которая существует при изменении ценности денег для промышленности благородных металлов и для всех других видов общественного производства. Это сразу уводит исследование от вульгарщины и плоскостей количественной теории к систематическому исследованию вопроса с точки зрения закона цен производства в периоды колебания ценности золота. Вопрос необходимо исследовать, следовательно, в условиях, когда закон ценности действует не в своей элементарной форме, как это имеет место при простом товарном производстве, а в своей более сложной и трансформированной форме.

Посмотрим сначала, что дала для решения проблемы довоенная полемика вокруг этого вопроса, имевшая место в рядах германской социал-демократии.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ г. Е. ВАРГА

Если не считать первой брошюры О. Бауэра о дороговизне, изданной в 1910 г. в Вене, то дискуссия началась вокруг первой статьи г. Варги, помещенной в книжке «Neue Zeit» от 10 ноября 1911 г. и озаглавленной «Goldproduktion und Teuerung». С этой статьи начнем и мы наш обзор.

Гов. Варга ставит вопрос, чем объясняется усиление дороговизны (которое наблюдалось перед мировой войной). Он прежде всего доказывает несостоятельность объяснения этого явления с точки зрения количественной теории. Мировая добыча золота за десятилетие с 1900 до 1910 возросла с 383 тыс. кг до 685 тыс. кг., т. е. увеличилась на 79%. Общее количество золотой монеты в мировом обращении по приблизительному подсчету возросло на 32,4%. Но с другой стороны мировое производство важнейших товаров также возросло за это время чрезвычайно сильно, а именно: железа—на 50%, каменного угля—на 35%, меди—на 61%, нефти—на 88%, хлопка—на 45%, пшеницы—на 31%. Рост золотых денег в обращении находился в соответствии, если не отставал от роста производства всех остальных товаров. Следовательно, рост дороговизны нельзя объяснить чрезмерным увеличением золота в обращении. А если бы даже золото было в излишке, то при теперешней системе банкнотного и чекового обращения «увеличение мировых запасов золота... имело бы своим следствием не рост товарных цен, а вытеснение некоторой части знаков золота настоящим золотом» (S. 215).

Вся эта аргументация г. Варга не вызывает возражений. Но дальше он старается доказать, что увеличение цен не может быть объяснено уменьшением себестоимости производства золота. Доводы его здесь сводятся к следующему. Добыча золота отличается от производства прочих промышленных товаров тем, что здесь нет конкуренции ни в сфере производства, ни в сфере сбыта. Между приисками существует колоссальная разница с точки зрения содержания золота в породе, а отсюда разница в продуктивности; все выгоды от новых технических улучшений получают владельцы богатых приисков. Уве-

¹⁷) Там же, с. 38.

лические добычи, благодаря техническим улучшениям, сберегает издержки производства и увеличивает количество добытого металла, но это не может влиять на понижение цены золота, потому что оно в любом количестве скупается центральными эмиссионными банками. Вследствие этого механизм ценностного регулирования, действующий для всех остальных отраслей производства и регулирующий цены, не может, так сказать, добраться до золота; оно находится в привилегированном положении. «Если в течение последнего десятилетия были введены сберегающие труд новые технические улучшения, то они привели лишь к увеличению ренты с рудников, а не к уменьшению стоимости золота» (Там же, S. 218).

В статье т. Варга причудливо спутана стоимость золота, которая, разумеется, не может зависеть от того, какова рента с рудников, с тем, что он неправильно называет ценой золота (т. е. монетным эквивалентом золота в слитках), и наконец с покупательной способностью золота. Меня не интересуют в данном случае все эти ошибки (не единственные) т. Варга, которые можно найти в рассматриваемой статье. Для меня важна его основная ошибка. Она состоит в том, что он не там ищет пункта, где происходит действительная расценка золота. Расценка золота не может производиться в золоте же. Если эмиссионный банк дает за килограмм золота столько фунтов стерлингов, сколько золотых фунтов стерлингов содержится в килограмме золота, то здесь нет никакого акта эквивалентного обмена, а простая тавтология: фунт стерлингов равен фунту стерлингов. Расценка золота или его «относительной стоимости», как выражается Маркс, т. е. его покупательной способности, происходит в той сфере, где золотопромышленник покупает на рынке рабочую силу и средства производства. В этой именно сфере происходит и проверка эквивалентности обмена по стоимостям и приспособление общественного индекса к стоимости золота.

Тов. Варга смотрит в другую сторону, а именно в тот единственный пункт, куда в последнее время золото попадает по выходе с приисков. Между тем для решения нашей проблемы совершенно безразлично, чеканит ли золотопромышленник сам фунты на монетном дворе или же получает за них банкноты Лондонского банка, ценные бумаги, либо выкупает собственные векселя, выданные снабжающим его фирмам. Обращать внимание на ближайшего покупателя золота и обязательно здесь искать каких-то отражений стоимостных колебаний металла, значит не выходить из кругозора простого товарного производства, значит не уметь приложить для решения проблемы закон ценности в его более сложной и развитой форме, в форме закона цен производства. Впрочем эту ошибку делают и оппоненты т. Варга как Каутский и др.

На соображение Отто Бауэра, изложенное в его брошюре «О дороговизне»,¹⁸ т. Варга также дает ответ. О. Бауер полагает там, что увеличение производства золота, связанное с увеличением производительности труда, увеличивает прибыли золотопромышленников, а тем самым и добавочный платежеспособный спрос со стороны этой группы капиталистов. Добавочный спрос приводит к росту цен, вследствие чего общественный индекс приспособляется к происшедшему изменению в себестоимости золота. На это т. Варга отвечает, что весь

¹⁸ «Die Tenerung», Wien 1910, S. 39.

этот добавочный спрос представляет ничтожную величину в сравнении со всем огромным спросом мирового рынка и вряд ли такая малая причина может привести к столь большому последствию. Это последнее соображение т. Варга мы считаем не лишним основанием. Точно так же нельзя отрицать полной законности его требования, когда он пишет: «Все те, кто утверждает, что дороговизна последних лет связана с удешевлением производства золота, обязаны показать нам тот хозяйственный механизм, посредством которого уменьшение издержек производства отражается на ценах»¹⁰.

Это требование т. Варга является вполне законным, и ниже мы постараемся его удовлетворить. Но пока продолжаем наш обзор полемике на рассматриваемую тему.

В следующей своей статье, помещенной в № 16 «Neue Zeit» от 1913 г. т. Варга с одной стороны отвечает на возражение Отто Бауэра, а с другой—продолжает разворачивать свою аргументацию дальше. На возражениях его Бауэру мы остановимся ниже, когда очередь дойдет до изложения позиции самого Бауэра; теперь же мы продолжим изложение соображений Варги в положительной форме.

Варга снова подчеркивает то различие, которое существует между золотопромышленностью и другими отраслями производства товаров в отношении конкуренции. В других отраслях—допустим в шелковой промышленности—в случае уменьшения себестоимости производства и увеличения прибыли выше средней будет наблюдаться приток новых капиталов, увеличение производства за пределы спроса, падение цен и тем самым приспособление цен к стоимости. Наоборот, в золотопромышленности не может быть конкуренции: «цена золота», выраженная в золотой монете, не понижается; новые технические изобретения, как и открытие новых богатых россыпей, приносят с собой лишь увеличение ренты с рудников; но приток новых капиталов может длиться лишь до тех пор, пока имеются такие месторождения, которые при уменьшении издержек производства во всех остальных сферах производства приносят среднюю норму прибыли.

На соображение Бауэра, что рост производства золота приводит к увеличению спроса на все остальные товары, с одной стороны, и к отливу капиталов в золотопромышленность и связанные с ней отрасли, с другой стороны, что с двух сторон влечет за собой повышение общетоварных цен и, следовательно, этим путем выравнивает несоответствие между уменьшившейся стоимостью золота и индексом товарных цен—против этого т. Варга, продолжая развивать аргументацию своей первой статьи, приводит новые данные чисто фактического характера.

Перемещение капитала из других отраслей производства в золотопромышленность есть слишком слабый фактор, чтобы вызвать систематический рост мировых цен. И по размерам занятой рабочей силы, и по размерам вложенного капитала, и по размерам валовой продукции золотопромышленность занимает слишком скромную роль в мировом хозяйстве, чтобы какие-либо передвижки здесь могли поднять мировой индекс цен. В самом деле, золотопромышленность занимает менее 1 млн. рабочих при 260 млн. рабочих сил, занятых производительно в мировом хозяйстве. Если даже допустить, что она имеет средний органический состав капитала (фактически состав капитала

¹⁰ Ibid, S. 218.

и золотопромышленности ниже среднего) и если допустить, что за десятилетие с 1900 по 1910 г. число рабочих в золотопромышленности поднялось с 500 тыс. до 1 млн., т. е. вдвое, то это означало бы перемещение капитала в размере $\frac{1}{4}\%$ от его общей массы.

Что касается стоимости продукции золотопромышленности, то в 1910 г. она составляла 1910 млн. мар. на 124.000 млн. общемировой продукции, т. е. около $1,5\%$, и не более $6-8\%$ от продукции всей горной промышленности. Наконец, если сравнить вновь инвестируемый ежегодно новый капитал в золотопромышленность, со всеми инвестициями остальных отраслей, то это, при явно преувеличенном исчислении вложений в золотопромышленность, даст отношение 150 млн. мар. к 16.960 млн. общих инвестиций, т. е. менее 1% .

Итог, к которому приходит т. Варга, гласит:

«Итак, будем ли мы исходить из количества занятых рабочих, из стоимости продукции или из эмиссии капитала, мы одинаково приходим к тому выводу, что функционирующий в золотопромышленности, а равно и инвестируемый в ней ежегодно капитал составляет не более $1-1,5\%$ совокупного капитала и совокупной эмиссии. Поэтому изменение этого отношения — допустим, с 1% до $1,5\%$ — столь незначительно, что действительное перемещение капитала на уровень цен может быть лишь совершенно ничтожным. Причины современной дороговизны следует таким образом искать не на стороне золота, а исключительно на стороне товаров»²⁰.

Надо признать, что вся эта последняя аргументация т. Варга является довольно убедительной. Но убедительность эта достаточна лишь для того, чтоб доказать неудовлетворительность решения всей этой проблемы у Отто Бауэра и Каутского. Между тем т. Варга идет гораздо дальше. Он рассуждает в сущности так. — Поскольку никто из экономистов не мог вскрыть того механизма, посредством которого индекс товарных цен приводится к уровню стоимости золота, постольку приходится признать, что вздорожание объясняется не падением стоимости золота, а повышением стоимости самих товаров, либо еще какими-нибудь причинами, но, во всяком случае причинами, лежащими на стороне товаров.

Между тем против такого вывода говорит тот всем известный факт, что последние два десятилетия перед войной характеризовались не только ростом индекса цен, но и дальнейшим прогрессом техники в ряде важнейших отраслей товарного производства и транспорта, а следовательно ростом производительности труда и снижением стоимости товаров. Тов. Варга вместо того, чтоб заявить своим оппонентам: — вы не показали, каким путем падение стоимости золота вызывает повышение товарных цен; будем искать этот механизм, — делает крутой поворот совсем в другую сторону и совершает во много раз большую ошибку, чем «ошибка неумения» его оппонентов.

Его оппоненты исходят из верной основной предпосылки, что причину изменения цен надо искать и в уменьшении стоимости золота, но не умеют показать, посредством какого механизма происходит приспособление товарных цен к стоимости золота. А т. Варга начинает отрицать и самый факт снижения стоимости золота и возможность передачи влияния этого факта на уровень товарных цен; он предлагает искать причины дороговизны там, где их нельзя найти,

²⁰ «Neue Zeit», B. I, 1913, S. 563.

т. е. на стороне товаров, и, следовательно, сделав крупнейшую анти-марксистскую принципиальную ошибку в области общей теории денег, делает и крупнейшую фактическую ошибку, толкая все исследование вопроса о предвоенной дороговизне на ложный путь.

Наконец уже в советский период т. Варга еще два раза выступал со статьями²¹, посвященными тому же вопросу, и еще раз, наряду с верными и заслуживающими внимания соображениями, сделал ряд новых ошибок. Перечислить все ошибки т. Варги, сделанные в этих статьях, значит очень далеко уклониться в сторону от нашей темы. Это тем более излишне, что на эти ошибки, поскольку они касались отступления т. Варга от марксовой теории денег, его оппоненты — Отто Бауэр, К. Каутский, позже Э. Людвиг — уже указали. Я должен упомянуть об этих ошибках лишь постольку, поскольку они непосредственно касаются моей темы.

Тов. Варга пишет:

«Основной вопрос таков: Можно ли признать изменения в количестве вновь добытого золота или в издержках производства этого золота при исторически данных конкретных условиях, созданных капитализмом в довоенное время, как причину изменения общего уровня цен? Я утверждаю: нет, это возможно только в одном случае, о котором мы будем говорить дальше. Мои противники говорят: да, во всех случаях»²².

Уже из одной только постановки вопроса читатель видит, с каким изяществом т. Варга смешивает два совершенно различные вопроса: вопрос о количестве золота и о ценности его производства. Как бы ни относиться к оппонентам т. Варга по другим вопросам, но в данном случае они, как никак, отличаются увеличением количества добываемого золота при изменении стоимости производства от увеличения добычи при прежней стоимости производства. Увеличение количества добываемого золота при неизменной стоимости его не может влиять на изменение товарных цен (со стороны золота); наоборот, увеличение производства, сопровождаемое уменьшением ценности, может и должно отразиться на индексе товарных цен, оставляя совершенно в стороне вопрос, при помощи какого механизма стоимостного регулирования это может осуществляться. Когда Каутский — кроме случая, о котором шла речь выше — и Отто Бауэр говорят о влиянии роста производства золота на товарные цены в смысле повышения этих цен, то они видят причину такого повышения не в увеличении количества золота, а в уменьшении его стоимости; само же увеличение количества его через увеличение платежеспособного денежного спроса служит лишь тем материальным передаточным механизмом, через который осуществляется приведение в соответствие общетоварных цен со стоимостью золота. Удачно ли или нет они указали этот механизм и удачно ли или нет они сформулировали сами то, что хотели доказать, это — вопрос другой. Бесспорно лишь, что они не давали никаких оснований т. Варга смешивать эти два разные вопроса.

²¹ Е. Варга, Стоимость золота в учении Маркса о стоимости, «Основные проблемы политической экономии», Сборник статей, изд. 2-е, Гиз, 1925. Затем его предисловие к книге «Классические случаи стабилизации валюты».

²² Там же, с. 406.

Тов. Варга спрашивает: что произошло бы, если бы «наступило 10-кратное увеличение издержек производства золота...?» — «Вывод по Баутскому, Людвигу и Бауэру: падение всех товарных цен до $\frac{1}{10}$ прежнего уровня. Вывод, вытекающий из моего понимания вопроса: общее прекращение добычи золота и никакого изменения цен (повышение цен вследствие недостатка в средствах обращения наступить не может, так как этот недостаток при «нормальных» условиях покрывается увеличением количества банкнот)²³.

Прямо поразительно, как на протяжении нескольких строк можно наделать столько вопиющих ошибок.

Марксист ответит на основной вопрос так. Если производство золота будет жизненно необходимо для капиталистического общества и оно должно будет пойти на увеличение этих добавочных *faux frais* обращения, то в тот или иной срок падение товарных цен должно будет дойти до уровня, соответствующего новой стоимости золота. Если капитализм не пойдет на такие затраты и, скажем, вернется к серебряному или серебром обеспеченному банкнотному обращению, то тогда получится принципиально иное положение, потому что золото не будет мерилом стоимости и основным денежным товаром и следовательно, демонетизируется²⁴. Если же оно будет нужно в старом количестве на другие цели, то в том же серебре, а следовательно и в банкнотах и в товарах, оно будет расцениваться приблизительно на уровне стоимости его производства, т. е. в данном случае в 10 раз дороже. Тов. Варга даже и не подозревает, следовательно, что его вопрос требует постановки другого вопроса: имеется ли в виду потеря золотом его потребительной ценности в обращении, т. е. как денег, или нет. Одним словом во всех случаях история будет идти по Марксу, а не по т. Варга.

Еще замечательней то объяснение, которое помещено в скобках. Из этого «объяснения» можно заключить, что:

- 1) повышение цен может наступить при золотом обращении вследствие недостатка средств обращения;
- 2) возможно сохранение «нормального» банкнотного обращения независимо от золотого основания этого обращения;
- 3) индекс товарных цен в капиталистическом хозяйстве будет держаться на чем-то (а на чем — неизвестно), хотя бы производство золота было прекращено и была порвана связь с самим нервом ценностного регулирования современного общества.

(Продолжение следует).

²³ «Основные проблемы», с. 403.

²⁴ Оно теряет в этом случае свою основную потребительную стоимость, т. е. способность быть денежным товаром. А потеря потребительной стоимости имеет свои последствия.

ТЕОРИЯ ШТОЛЬЦМАНА

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧЕНИЯ И МЕТОДА ШТОЛЬЦМАНА

1.

Штольцман занимается больше критикой чужих теорий, чем изложением своих собственных теоретико-экономических взглядов. Там, где он дает позитивную разработку экономической теории, он преимущественно занимается вопросами методологии. В настоящей статье мы ставим своей задачей вскрыть исходные социологические предпосылки, которые лежат в основе теории Штольцмана, и рассмотреть тот метод, который фактически применяет наш автор в своем исследовании. Учение Штольцмана до некоторой степени знакомо русскому читателю хотя бы по книге И. И. Рубина «Современные экономисты на Западе». Поэтому в данной статье мы будем давать лишь очень сжатое изложение теории Штольцмана.

Штольцман несомненно является наиболее глубоким и последовательным сторонником социального метода среди буржуазных экономистов. В отличие от других представителей социального направления Штольцман не ограничивается попытками внесения некоторых коррективов в существующую экономическую теорию, построенную на основе натуралистического метода, на основе абстрагирования от социальных особенностей экономических явлений. Штольцман полагает, что натуралистическая теория должна быть отброшена или вся целиком переработана на основе социального метода. Штольцман является противником того взгляда, что в одних вопросах можно держаться взглядов классиков или австрийцев, а в других вопросах—проводить социальную точку зрения. Так, напр., Штольцман критикует Дила за то, что последний солидаризируется с теорией ренты Рикардо и рассматривает ренту как продукт только естественных различий в издержках производства¹.

Штольцман указывает, что такое натуралистическое объяснение ренты противоречит общей установке Дила, исходному принципу теории последнего, состоящему в том, что экономические категории выводятся из социально-правового строя. Штольцман метко отмечает следующее противоречие у Дила²: заработную плату последний выводит из соотношения социальных сил, а прибыль и ренту он объясняет на основе естественных, непреложных законов. Штольцман

¹ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», 1909, S. 456.

² Ibid., S. 459.

едко замечает по этому поводу, что новое учение Штамллера не вошло в плоть и кровь Дилля, что оно является для последнего лишь воскресным мнением (*Sonntagsmeinung*), которое он отрицает в повседневной теоретической работе³. Штольцман критикует и то мнение, широко распространенное среди экономистов, близких к социальному направлению, что существуют два понятия капитала — в частнохозяйственном и в народнохозяйственном значении — и что капитал в последнем значении, или социальный капитал, есть совокупность произведенных средств производства (это мнение защищали Родбертус и Адольф Вагнер). «Если верно, — пишет наш автор, — что понятие социального, — если это не фраза, — покоится на данном через право и нравы регулировании, то термин «социальный капитал», который употребляется исключительно как чисто экономическое, техническое средство производства, означает узурпацию, полное искажение этого понятия. Потому что есть только один капитал, т. е. денежный капитал, — капитал как историко-правовая категория»⁴. В этом вопросе Штольцман последовательнее Аммона, который признает двойственное определение капитала⁵. Точно так же Штольцман последовательнее Аммона и в другом вопросе. Аммон вслед за Касселем в основу своей экономической системы кладет положение о естественной редкости первичных или элементарных средств производства (напр., труда, земли). Эта редкость вытекает из самой природы, из невозможности произвольного увеличения элементарных средств производства. Штольцман же отмечает, что если говорить о редкости, то нужно иметь в виду и социальную редкость, вытекающую из частной собственности, из ограничения доступа к данным средствам производства, проистекающего из данного общественного строя⁶.

Стоя на социальной точке зрения, Штольцман смог дать наиболее глубокую в буржуазной литературе критику австрийской школы, во многом превосходящую критику Бухарина, данную в его книге «Политическая экономия рантье». Штольцман совершенно верно отметил, что в системе австрийцев экономические категории выступают не как выражение отношения людей, а как выражение отношения человека к вещам⁷. Австрийцы, по мнению нашего автора, нарушают законный предел абстракции: они абстрагируют до тех пор, пока не устраняют все социальные элементы из своих построений. «Можно упрощать хозяйственные типы через средство изолирования и абстрагирования как только возможно, но социальными они должны быть: они должны иметь своим объектом социальное хозяйство»⁸. Исходя из учета социальной формы хозяйства, из учета социальной обусловленности индивидуальных мотивов и действий, Штольцман вскрывает ряд логических кругов в учении австрийской школы и в теории субституционной полезности, и в теории ценности денег, и в теории комплементарных благ. Во всех этих случаях, указывает наш автор, австрийцы молчаливо исходят из существования определенной цены, по которой обмениваются товары, полезности

³ «Der Zweck in der Volkswirtschaft» S. 456.

⁴ Ibid., S. 349.

⁵ «Grundzüge der Volkswohlslehre», 1926, S. 103.

⁶ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 379.

⁷ Ibid., S. 58.

⁸ Ibid., S. 63.

которых сравниваются, и, таким образом, цену одних товаров выводят из цены других товаров.

Штольцман попытался также дать критику Маркса. Эта критика должна быть признана неудачной. Штольцман неверно понял и истолковал Маркса. Теорию ценности Маркса он рассматривает то как натуралистическую (т. е. ценность есть чисто материальная и внеисторическая категория, не зависящая от данного социального регулирования), то как этическую (ценность потому вменяется труду, что труд есть единственный фактор производства, связанный с человеческой личностью, единственный этически значимый фактор). Мы не будем заниматься сейчас критикой интерпретации Штольцманом теории ценности Маркса (попытку такой критики сделал Рубин). Отметим лишь, что некоторые аргументы Штольцмана из безинтересны в свете борьбы с чисто натуралистическим, с чисто физиологическим истолкованием теории Маркса. Напр., Штольцман указывает, что, если труд рассматривать как естественную категорию и закон ценности—как естественный закон, то непонятно, почему последний не может иметь места во всех хозяйственных формациях⁹. У Штольцмана мы встречаем (правда, в неясной форме) предвосхищение того возражения, что нельзя логическую абстракцию смешивать с практически истинной абстракцией¹⁰. Далее он отмечает, что если труд рассматривать как чисто техническую категорию, то возникает противоречие между теорией ценности Маркса и его теорией распределения, в которой очень отчетливо выражена роль социальной структуры. Маркс в своей главе о триединой формуле показал, что зарплату, прибыль и ренту нельзя никоим образом выводить из естественных технических факторов. Если же считать, что труд является таким техническим фактором, то получается, говорит Штольцман, — что ценность, т. е. продукт чисто технического фактора, разлагается на совершенно гетерогенные элементы, на социальные величины¹¹. Как ни ошибочна критика Штольцманом Маркса, в этой критике встречаются некоторые интересные мысли, которые были развиты в современной дискуссии о теории ценности Маркса.

Вторая особенность, которая выгодно отличает Штольцмана от большинства буржуазных экономистов, состоит в том, что он не выдвигает во главу угла идею редкости. Правда, последняя идея не совсем чужда нашему автору. Так, напр., когда он анализирует трудовую теорию ценности и рассматривает простейшую абстракцию товарного общества, он отмечает, что берет такой случай, когда естественные силы имеются в достаточном количестве и только один труд является редким фактором производства, а поэтому производители учитывают только труд¹². Здесь Штольцман связывает идею примата труда с его редкостью. Далее, мы видели выше, что он считает необходимым учение о естественной редкости дополнить учением о социальной редкости. Но все же идея редкости не играет доминирующей роли в учении Штольцмана. Последний во всех своих рассуждениях исходит из того, что запасы товаров или факторов производства не могут считаться данными. Наоборот, эти

⁹ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 544.

¹⁰ Ibid., S. 543.

¹¹ Ibid., S. 536.

¹² Ibid., S. 233.

запасы зависят от общего состояния производства и распределения. Задача экономической теории состоит не в определении случайного и временного распределения данного запаса блага, а в изучении условий их нормального, регулярного воспроизводства. Под этим углом зрения Штольцман подходит к построению своей теории заработной платы и прибыли. Так, зарплата должна быть достаточна для того, чтобы сделать возможным нормальное существование и функционирование рабочих. Поэтому Штольцман усматривает основной порок австрийцев в том, что они исходят «из данных количественных отношений, определяемых редкостью или изобилием»¹³. «Между тем,—добавляет он,—фиксированными эти количества блага являются в действительности только в изолированном хозяйстве единичного субъекта, а в народном хозяйстве только тогда, когда мы его равным образом рассматриваем как единое хозяйство, как изолированное хозяйство в крупном масштабе». Точно так же, рассматривая теорию ценности Шпанна, Штольцман основной дефект последней видит в том, что она построена на предположении существовавших данных, неизменных, готовых запасов благ¹⁴. Идея редкости Штольцман противопоставляет идею воспроизводства. Запасы отдельных товаров должны рассматриваться как переменные величины, обусловленные разными факторами. Отсюда понятно, что Штольцман критически относится к построению особой статической теории, т. е. теории стационарного хозяйства, в котором все условия, в том числе и запасы всевозможных товаров и факторов производства, остаются неизменными. Наш автор выступает против идеи, которая пользуется большим распространением среди буржуазных экономистов, в том числе среди сторонников социального направления (напр. Аммона). Весьма ярко позиция Штольцмана выражена в следующем месте: «Как в мире вообще, так и в народном хозяйстве, нет вообще никакого статического состояния равновесия, никакого состояния застывшего покоя. Оно (т. е. народное хозяйство.—И. Б.) есть вечно изменяющееся и обновляющееся существо, динамическое *perpetuum mobile*. Состояние равновесия, если оно для какого-нибудь мгновения может считаться достигнутым, вечно нарушается... В противоположность элеатскому способу мышления мы должны держаться философии становления; все течет. Также и в народном хозяйстве все находится в потоке становления, как признает и Шумпетер, статическое равновесие есть только выдуманная абстракция на службе анализа действительности. Но фикции всегда должны рассматриваться с большой предусмотрительностью, чтобы они не привели к ошибочным выводам»¹⁵. Далее Штольцман отмечает, что экономист всегда будет наткнуться на большие трудности, если он ограничится рассмотрением данных величин и оставит в покое движущие силы, которые создают и изменяют данные величины. В другом месте наш автор очень энергично критикует деление экономической теории на два отдела—статiku и динамику, из которых статика превращается в исходный пункт анализа. «Равновесие,—пишет он,—всегда есть только продукт движущих и развивающих (*etwickelende*) сил; статический покой может быть объяснен только из действия и противодействия этих сил». «Чуждое

¹³ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 770—771.

¹⁴ Статья «Die Ganzheitslehre O. Spann's», «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, B. 72, S. 917.

¹⁵ «Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie», 1925, S. 115—116.

действительности отграничение статического хозяйства не выдержано ни логически, ни по существу»¹⁶. Как увидим ниже, в связи со своим отрицанием статического подхода к изучению экономических явлений Штольцман иначе оценивает роль потребления, чем большинство представителей экономического субъективизма.

Третья особенность, которая выгодно отличает Штольцмана от буржуазных экономистов, состоит в том, что у него нет фактически проведения идеи примата количественного анализа. Центр тяжести исследования нашего автора лежит не в области выяснения количественных соотношений между отдельными категориями, не в области отыскания количественных закономерностей. Эта количественная сторона у него обычно слабо освещена. Штольцмана преимущественно интересует уяснение функциональной роли отдельных категорий, их взаимозависимости, их качественных особенностей. Штольцман отмечает как заслугу Лифмана то, что последний выступил против односторонностей количественного анализа¹⁷. Это обстоятельство, т. е. что у нашего автора преобладает качественный анализ, не является случайным. Штольцмана прежде всего интересует социальный смысл, социальная роль экономических категорий, связанная с формой хозяйственного процесса, т. е. та сторона, которая труднее всего поддается количественному измерению. Количественные закономерности могут быть выведены из рассмотрения материального процесса производства или соотношения запасов разных товаров (если стоять на точке зрения теории редкости). Учение Штольцмана, ударяясь в другую крайность, представляет собой реакцию против большинства буржуазных экономистов, делающих упор в область количественного анализа.

2

Наибольшее своеобразие Штольцмана состоит в том, что он очень энергично подчеркивает всюду роль социально-этического или телеологического метода. Социальные категории, по Штольцману, неизбежно являются этическими, неизбежно предполагают наличие какой-то цели. «Сущность народного хозяйства заключается в социально-этическом принципе»¹⁸. При индуктивном методе исследования, указывает он, можно исходить из социальных категорий, чтоб потом раскрыть их этический смысл. При дедуктивно-систематическом методе отправной точкой должен служить этический принцип, из которого должны быть выведены социальные категории. В основе этого учения Штольцмана о социально-этическом принципе лежит противопоставление мира природы миру нравственной свободы. В первом мире господствует неумолимый закон причинности, второй мир есть царство свободы, царство целей, царство этических идеалов, свободно творимых человеком. Социальные категории представляют собой продукты свободной воли человека, руководимого определенными этическими идеалами. «Народное хозяйство есть сотворенное человеком социально-этическое регулирование, постоянно совершенствующееся

¹⁶ Статья «Das rein-ökonomische im System der Volkswirtschaft», «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, B. 57, S. 404.

¹⁷ Статья «Liefmann's rein psychisches System der Volkswirtschaft», «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, B. 63, S. 28.

¹⁸ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 34.

позитивное духовное творение, создаваемое законодателем большей частью на основе какого-нибудь этического идеала»¹⁹. Мы не будем останавливаться на оценке этого обоснования, которое заимствовано из арсенала кантианской философии. Нас интересует другой вопрос: как фактически проводит Штольцман этот телеологический метод в своих произведениях, в какую форму выливается эта телеология на практике, какие требования ставит исследователю социально-этический метод?

Нужно ли понимать применение этого метода в том смысле, что экономист должен заниматься социальной оценкой экономических категорий, рассматривать их под определенным этическим углом зрения? Приблизительно так понимает этический метод Туган-Барановский. Отметив то обстоятельство, что одни и те же категории представляются в разном свете рабочим и капиталистам (напр., зарплата для рабочего является доходом, а для капиталиста—издержками производства), Туган-Барановский ищет выхода из этого затруднения в том, что экономист должен подняться над этими противоречиями, встать на этическую точку зрения, обязательную для всех классов. «Становясь на точку зрения этики, мы получаем, следовательно, возможность возвыситься над противоположностью интересов и находим практический интерес, общеобязательный для всех людей с нормальным нравственным сознанием»²⁰. Штольцман возражает против такого морализирования, этицирования, внесения в анализ субъективной этической точки зрения исследователя. «Теория как таковая,—пишет он,—должна без морализирования выяснить причинную взаимозависимость народнохозяйственных элементов, как равноценных фактов»²¹. Рассматривая известную теорию стоимости Туган-Барановского (противопоставляемую теории ценности), Штольцман отмечает, что хотя с этической точки зрения существует примат труда над капиталом, но в практической жизни капитал играет очень существенную роль. «Идея причины и телеология,—продолжает он,—имеют свои особые сферы господства: первая—в области статики сущего, вторая—в области должного (Seinsollen), в динамике общественного развития»²². Нет ли противоречия в данном утверждении Штольцмана о необходимости исследования причинной взаимозависимости всех народнохозяйственных элементов с его общей установкой? По нашему мнению, это выражение Штольцмана нужно понимать следующим образом: применение этического метода состоит не в том, что исследователь переносит свою этическую точку зрения, свои представления и воззрения на исследуемое явление. Этические идеалы являются действенной силой, которая лежит на основе хозяйственной практики. Задача экономиста состоит в том, чтобы раскрыть тот этический идеал, тот целевой закон, который выступает в качестве важнейшей причины, обуславливающей направление хозяйственной деятельности. Этический идеал есть часть сущего, а не только идея о должном. «Практический разум,—пишет наш автор,—в своих проявлениях и в своих результатах есть эмпирическое явление в практическом смысле

¹⁹ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 111.

²⁰ «Основы политической экономии», 2-е изд., с. 20.

²¹ Статья «Die Soziale Theorie der Verteilung», «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, B. 55, S. 147.

²² Ibidem.

этого слова, есть часть сущего. Этическое целеполагание есть самостоятельная причина исторически выросшего сущего, ему присуще, значение объективно действующей причины»²³. Отсюда следует, что по Штольцману, телеологический метод не отрицает необходимости каузального исследования, а предполагает лишь расширение сферы каузального анализа, включение в круг причин также и этических идеалов. «Требование познания причин (*scire re causas*) только тогда получает свой полный смысл, когда я знаю все причины, которые в своем взаимодействии вызывают социальные явления, и из всех причин, прежде всего, все связывающую основную силу: социальный целевой план»²⁴. Необходимо отметить, что и ближайший соратник Штольцмана Штаммлер не отрицает совершенно каузальный метод при исследовании социальных явлений. «Свобода поэтому, — пишет он, — не может означать свободу от закона причинности в сфере эмпирически данных явлений, потому что такая мнимо-свободная причина совершенно непонятна с точки зрения научного познания явлений»²⁵. Штаммлер не отрицает также, что этические идеалы могут быть объяснены на основе каузального анализа. «Существует, — пишет он, — следовательно, возможность вскрыть причины представления о законе, которому подчинены наши цели, и определить их для каждого данного субъекта в отдельности»²⁶. Штаммлер подчеркивает, что эти этические идеалы иначе воздействуют на наши поступки, чем причины во внешнем мире. «Одно из двух: или я познаю явление и движение в его естественной необходимости и на особых основаниях предвижу каузально неизбежный результат, — тогда вообще по отношению к этому естественному процессу нет больше места ни воле, ни решению. Или же я имею твердое решение и волю достигнуть известного результата, — тогда здесь в сущности заключается такой момент, который свидетельствует, что непреложная естественная необходимость данного события еще не познана, как несомненная и достоверная»²⁷. Штаммлер противопоставляет естественную необходимость в мире природы (данная причина обязательно должна вызвать данное следствие) моральной необходимости (данный этический идеал может вызвать, но может и не вызвать данный поступок). Таким образом сущность телеологического или социально-этического метода, по Штольцману, сводится: а) к расширению круга причин, обуславливающих экономические явления, к включению в круг этих причин этических факторов и идеалов; б) к подчеркиванию своеобразия воздействия этических факторов (естественная необходимость противопоставляется моральной необходимости); в) к признанию решающей роли, примата этических моментов над естественными факторами и психологическими.

Какое практическое применение может получить телеологический метод в данном истолковании? Очевидно, что он должен, прежде всего, отразиться на учении о мотивации хозяйствующих субъектов. Если австрийцы учат, что хозяйствующий субъект руководствуется своими потребностями, желанием получить максимальное удовлетворение, максимальную полезность, то Штольцман должен дополнить

²³ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 102.

²⁴ «Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie», S. 116.

²⁵ «Хозяйство и право», т. II, с. 24.

²⁶ Ibid., с. 43.

²⁷ Ibid., с. 94.

их учение в том отношении, что хозяйствующий субъект руководствуется определенными этическими нормами, что «люди издавна актом своей воли заключили данный от природы первобытный материал желаний и стремлений к власти в искусственные границы; они сознательно или бессознательно подчинили его господству какого-нибудь этического идеала»²⁸. Штольцман приводит ряд иллюстраций воздействия этических мотивов на хозяйственную деятельность. Он ссылается на так называемую деловую мораль (Geschäftsmoral), на требование известной честности от контрагентов в обороте, на целый ряд традиций, установившихся в хозяйственной жизни, которые строго соблюдаются. Штольцман указывает, что и законодательство (напр., германское гражданское уложение) отводит значительное место таким этическим моментам, как верность слову или обещанию.²⁹ Анализ экономических явлений, — говорит наш автор, — показывает, что последние не могут быть объяснены на основе лишь односторонних, эгоистических мотивов. Так, напр., зарплата, по Штольцману, представляет моральную величину, которая определяется тем, «как рабочие и работодатели руководствуются мотивами, зависящими не только от внешнего порядка и правовых институтов, но и от собственного императива их сердца»³⁰. Наряду с эгоистическими мотивами мы встречаем ряд альтруистических мотивов и таких мотивов, как самоуважение, честь своей профессии (Berufsehre) и т. д. Рабочие руководствуются не только желанием получить возможно более высокую зарплату, но у них встречаем мы также глубоко нравственное чувство радости труда, гордости, чести своей профессии, аналогичных верности своему долгу у чиновников³¹. Рост зарплат, по Штольцману, объясняется не только ростом организованной самопомощи рабочих путем создания своих объединений, но только боевой деятельностью последних, но и ростом этических факторов, возникновением в общественном сознании идеи необходимости помогать рабочим, этическими импульсами и категорическим императивом самих предпринимателей³².

Можно ли усмотреть в этом учении Штольцмана о мотивации что-либо новое и оригинальное? По нашему мнению, он в данном вопросе всецело стоит на позициях исторической школы. Недаром он так сочувственно цитирует Шмоллера и указывает, что последний дал очень верную характеристику дуализма натуралистических и социально-этических категорий в народном хозяйстве. Штольцман подчеркивает свою солидарность с общей концепцией историков и единственный дефект последних видит в том, что они не дали систематической разработки проблем теоретической экономии, в частности теории ценности и распределения³³. В самом деле, что нового внесли историки? Они предлагали отказаться от исследования homo oeconomicus, руководимого лишь эгоистическими мотивами наживы. Они предлагали взять живого человека во всем многообразии его желаний и мотивов. В частности историки обращали внимание на роль всяких альтруистических мотивов, на значение национальных чувств, верности государству, всяких верноподданических чувств и т. д. Эти методологиче-

²⁸ «Der Zweck in der Volkswirtschaft».

²⁹ Ibid., S. 197.

³⁰ Ibid., S. 198.

³¹ Ibid., S. 199.

³² Ibid., S. 407.

³³ Ibid., S. 37-38.

ские принципы историков гармонируют со всей их концепцией, с их основной тенденцией растворить своеобразие отдельных формаций в истории народного хозяйства. Исходным пунктом анализа, по их мнению, должен служить не абстрактный чистый капитализм, а конкретный капитализм во всем его конкретном многообразии, включающий в себя множество чужеродных элементов, множество исторических напластований. Поэтому при исследовании экономических явлений историков интересовали не только те мотивы, которые типичны для товаропроизводителя или капиталиста и рабочего. Товарное общество есть общество отчужденных друг от друга производителей, связанных через обмен. Общественная взаимозависимость между ними устанавливается через посредство рыночной борьбы, в которой они выступают как конкуренты. Отсюда стремление к реализации возможно более высокой цены, к получению возможно большего денежного дохода становится основным мотивом товаропроизводителя. Антагонизм интересов товаропроизводителей получает особую форму в капиталистическом обществе, где сталкиваются два класса — покупателей и продавцов рабочей силы. Своим учением о мотивации Штольцман выполняет ту же роль, что и историки. Подчеркивая решающую роль этических идеалов, обязательных для людей разных эпох и разных классов, Штольцман смазывает не только историческое своеобразие разных экономических структур, но и классовые противоречия, присущие антагонистическому обществу, в частности капиталистическому. Те этические идеалы, о которых говорит наш автор, являются орудием примирения враждующих и борющихся классов, средством установления между ними известной солидарности.

Можно ли утверждать, что все значение телеологического метода в глазах Штольцмана заключается в том, что этот метод приводит к некоторой модификации учения об экономической мотивации? Если это так, то что нового сказал наш автор в экономической теории, на чем основаны все его утверждения, что ему удалось реформировать экономическую теорию, построить ее целиком на основе нового телеологического метода? Основное своеобразие Штольцмана состоит в том, что он пытается определить не только те этические идеалы, которыми руководствуются отдельные хозяйствующие субъекты в их повседневной деятельности. Он пытается также найти те этические идеалы, которые лежат в основе всего народного хозяйства. Недаром его важнейшая работа носит название «Цель в народном хозяйстве» — она посвящена выяснению этой цели. Все экономические категории рассматриваются под известным углом зрения: в какой мере они способствуют осуществлению этой цели народного хозяйства. Своё исследование о социально-этическом методе Штольцман резюмирует в следующих словах: «Всю социально-органически-этическую проблему можно разложить на два вопроса: во-первых, из каких этических мотивов и целей исходит существующий общественный строй со всем давлением своих правовых институтов и с не менее важным по своему значению давлением кодекса нравов; и во-вторых, с какими мотивами выступает человек, вплетённый в сеть социальных отношений»⁸⁴. В отличие от историков Штольцман делает упор в сторону исследования этического смысла всей хозяйственной системы. «Народное хозяйство, — пишет он, — есть этическое целевое образование»

⁸⁴ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 200-201,

(Zweckgebilde), оно есть организация нравственно направленных целей»³⁵. Социальное регулирование есть простое выражение, предметное осуществление основных этических сил в их практическом действии³⁶. Все законодатели, будет ли это вождь какого-нибудь племени, феодал, какой-нибудь абсолютный монарх или современный парламентский деятель, исходят в своей практической деятельности из какого-либо этического идеала. «Какой-либо нравственный идеал из жгливой действительности всегда должен иметь место, потому что он логически неизбежно лежит в основе всякого социального бытия»³⁷. «Народное хозяйство есть сотворенное человеком социально-этическое регулирование, постоянно совершенствующееся духовное творение, создаваемое законодателем большей частью на основе какого-нибудь этического идеала. Наука о народном хозяйстве... есть не что иное, как учение о средствах на службе социально-этического целевого принципа»³⁸. Только социально-этическое понимание экономики дает, по Штольцману, возможность увязать экономическую теорию с экономической политикой: первая изучает те этические идеалы, которые осуществляются в народном хозяйстве. вторая — те этические идеалы, которые должны быть осуществлены»³⁹.

Допустим на минуту, что общая философская концепция Штольцмана является правильной. Допустим, что между миром природы и миром нравственной воли существует пропасть. Допустим, что в своей хозяйственной деятельности человек руководствуется свободно созданным этическим идеалом. Можно ли все же, даже стоя на этих кантовских позициях, утверждать, что капиталистической системе свойственна какая-то особая цель, что в основе этой системы лежит какой-то этический идеал, которым руководился законодатель при создании последней? Но тут сразу напрашивается возражение: ведь капитализм не является продуктом какого-либо законодателя: он стихийно создан и стихийно регулируется. О какой цели, присущей капиталистическому хозяйству, можно говорить, когда отсутствует субъект этого хозяйства? О какой цели и о каких этических идеалах говорит Штольцман? Понятие цели в народном хозяйстве можно понимать в тройном значении: а) народное хозяйство есть непосредственное выражение какого-то этического идеала, каких-то заранее сознательно поставленных целей, которыми руководствуются творцы, организаторы и руководители данного народного хозяйства; б) народное хозяйство есть продукт множества индивидуальных целей, одинаково направленных на основе общности этических идеалов; этот продукт соответствует индивидуальным целям, которые и лежат в основе народного хозяйства, но не непосредственно; в) народное хозяйство есть продукт множества целей, неодинаково направленных, противоречащий часто индивидуальным целям, но этот продукт или результат аналогичен тому, который получился бы, если какой-то субъект заранее поставил своей задачей осуществление такой цели; иными словами, эта цель имманентно лежит в данной хозяйственной системе, хотя она никем не выражена и не осознана. В каком значении употребляет слово «цель» Штольцман? Можно ли интерпретиро-

³⁵ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 64.

³⁶ Ibid., S. 63.

³⁷ Ibid., S. 69.

³⁸ Ibid., S. 111.

³⁹ Ibid., S. 90.

вать его учение в том смысле, что капитализм есть осуществление заранее кем-то поставленных целей? Очевидно, что при таком толковании теория Штольцамана должна быть признана основанной на смешении совершенно разнородных хозяйственных систем: организованных и стихийных, натуральных и товарных. Очевидно, что если отказаться от ошибочного учения об организованном капитализме, то отпадет всякая возможность для утверждений о существовании цели в народном хозяйстве, целевого плана народного хозяйства и т. д. Поскольку капиталистическое хозяйство есть бессубъектное, анархическое хозяйство, постольку отпадают всякие разговоры о телеологии в этом смысле. При такой интерпретации теории Штольцамана можно установить общий корень ошибок его теории и теории Шпанна; этот корень заключается в том, что отправной точкой исследования берется организованное хозяйство. Но нам представляется, что такая интерпретация учения Штольцамана является ошибочной. Последний очень отчетливо проводит различие между натуральным и товарным хозяйством. Он обычно обвиняет других экономистов, что они стирают это различие. Так, рассматривая теорию ренты Рикардо, в частности положение последнего о том, что вначале обрабатываются наилучшие участки, а затем происходит переход к худшим участкам, Штольцаман указывает, что в основе этой концепции лежит представление о центральном органе, направляющем общественное производство. Штольцаман сконцентрировал все свое внимание на анархии и раздробленности капиталистического общества в такой сильной степени, что он приходит к отрицанию таких категорий, как совокупное общественное производство, собирательный капиталист, общественный капитал и т. д. Положение о необходимости разграничения товарнокапиталистического и организованного производства наш автор превращает в исходный пункт критики теорий Ротбертуса и Маркса. Критикуя известное положение Ротбертуса, что капиталистическое общество нужно рассматривать как общество, состоящее из одного капиталиста, одного рабочего и одного землевладельца, что нужно изучать соотношение совокупной прибыли к совокупной зарплате, Штольцаман отмечает: «Наука не должна пользоваться гипотезами, которые пригодны для коллективной системы, а не для современного хозяйственного строя»⁴⁰. Точно так же, рассматривая учение Маркса о средней прибыли, определяемой отношением совокупной прибавочной ценности к совокупному общественному капиталу, Штольцаман отмечает, что «нет совокупного общественного работника, совокупного общественного труда, совокупного общественного капитала, аналогичного, как Маркс говорит, капиталу акционерного общества»⁴¹. В одной из своих статей наш автор пишет, что основная ошибка почти всех школ заключается в молчаливом или ясно выраженном положении об абстрактном обществе, которое имеет единый руководящий центр, намечающий и осуществляющий план хозяйства. «Это представление,—добавляет он,—неверно, ибо в современном обществе отсутствует такой центр»⁴². Таким образом последнее утверждение находится в решительном противоречии с его учением о существовании цели в народном хозяйстве. Это противоречие может быть разрешено в том смысле,

⁴⁰ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 369.

⁴¹ Ibid., S. 561.

⁴² Статья «Die Kritik des Objektivismus und seine Verschmelzung mit dem Subjektivismus zur socialorganischen Einheit», «Conrad's Jahrbücher», B. 49, S. 174.

что Штольцман вкладывает своеобразное содержание в понятие цели, что он не связывает целеполагание с существованием единого субъекта капиталистического хозяйства.

Точно так же понятие цели в народном хозяйстве не может быть истолковано во втором смысле, т. е. как производная множества одинаково направленных целей, которая (производная) совпадает с этими индивидуальными целями. Штольцман признает, что капиталистическое хозяйство является стихийным, что оно включает в себя, как необходимый элемент свободную конкуренцию. Но последняя неизбежно представляет собой борьбу между покупателями и продавцами. Эта борьба неизбежно предполагает, что цели отдельных субъектов имеют противоположное направление. В процессе этой борьбы устанавливаются результаты, которые сплошь и рядом противоречат целям, поставленным себе отдельными участниками обмена. Как увидим ниже, сам Штольцман признает, что безжалостный процесс конкуренции, вытекающий из погони капиталистов за наибольшей прибылью, приводит к тому, что прибыли снижаются до какого-то минимума, до какой-то предельной величины. Очевидно, что вторая интерпретация понятия «цели в народном хозяйстве» есть лишь смягченная форма первой интерпретации, ибо если мы признаем, что эта цель совпадает со всеми индивидуальными целями, то мы должны признать, что эти цели не противоречат друг другу, т. е. мы должны признать отсутствие всякой рыночной борьбы, отсутствие конкуренции, отсутствие классов и классовой борьбы, т. е. отсутствие всех основных элементов товарно-капиталистического общества. Как ни пытается Штольцман смягчить противоречия капитализма, он все же не идет так далеко в отрицании специфических особенностей последнего. Штольцман не отрицает ни существования конкуренции, ни существования классов.

Остается лишь третье толкование—цель в народном хозяйстве и этический идеал, лежащий в основе последнего, нужно понимать следующим образом: в результате стихийного механизма конкуренции образуются такие явления, которые могли бы получиться в результате планового, организованного руководства общественным производством на основе определенного этического идеала. О понятии цели можно говорить в данном случае лишь в самом условном смысле. Можно говорить лишь об аналогии результатов данной хозяйственной системы с такой системой, в основе которой лежит определенная цель. Весьма любопытен тот ответ, который Штольцман дает на возражение Лифмана. Последний выдвигает то соображение, что всякая постановка целей предполагает единую волю, а последняя, в свою очередь, единого целеполагающего субъекта, который отсутствует в капиталистическом хозяйстве⁴³. Отвечая на возражение Лифмана, Штольцман соглашается с последним в том, что конкуренция есть необходимый элемент современной общественной структуры. Штольцман иронически отзывается о тех, которые хотят стихийное хозяйство заменить плановым. Конкуренция и антагонизм отдельных индивидов—добавляет он— есть необходимая составная часть общего плана народного хозяйства. «Индивидуальный и социальный принцип суть вечно неизменные и связанные друг с другом фундаменты

⁴³ «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» B. I, S. 131—132.

всякого объединения, основанного на трудовом сообществе»⁴⁴. Но тогда неизбежно встает вопрос, который ставит себе Штольцман: кто же является последним целеполагающим субъектом? На этот вопрос он дает очень уклончивый ответ. Он ссылается на слова Визера, что «существеннейшее содержание данного хозяйственного строя... является неписанным», т.е. не выражено в каком-нибудь официальном, юридическом законе. «Это совершенно реальная,—добавляет Штольцман,—социальная обусловленность и зависимость частнохозяйственных целей и действий—не фантазия. Это—неопровержимый факт»⁴⁵. Наш автор апеллирует, таким образом, к фактической взаимозависимости отдельных членов товарно-капиталистического общества, но из этой взаимозависимости нельзя сделать никакого вывода о существовании целеполагающего субъекта, ибо взаимозависимость эта устанавливается стихийным путем. У самого Штольцмана встречаются выражения, в которых открыто отрицается существование целеполагающего субъекта. «Целность,—пишет он,—есть не что иное, как самостоятельно действующий контрольный аппарат того большого социального целевого закона, который, как таковой, ни в каком законе не зафиксирован, но косвенно дан из существующей правовой и нравственной структуры социального организма и который работает с такой точностью, как если бы все производство и распределение регулировалось через сложную систему социалистического регламентирования и приводилось к осуществлению во всех своих частях через центральный орган»⁴⁶. Здесь черным по белому написано, что планового руководства нет, что целевой закон никем не установлен, что результат стихийного механизма получается такой, как если бы плановое регулирование имело место. В основе учения Штольцмана о цели в народном хозяйстве лежит старая истина, что процесс конкуренции приводит к известному приспособлению общественного производства к общественным потребностям, к установлению известного равновесия (хотя и неустойчивого), известной пропорциональности между отдельными отраслями общественного производства. То, что Штольцман называет целью в народном хозяйстве, есть, таким образом, регулярно осуществляемое при помощи конкуренции равновесие. В таком значении цель в народном хозяйстве, конечно, существует. Но это ведь старая бесспорная истина. И мы снова стоим перед старым вопросом: в чем же познавательная ценность того телеологического метода, о которой так много кричит Штольцман? Где те крупицы новых и оригинальных мыслей, которые он внес в экономическую теорию?

Своеобразие Штольцмана, по нашему мнению, состоит не в том, что он приписывает капиталистическому обществу какие-то цели в подлинном смысле этого слова (ибо имманентная цель есть внутренне противоречивое понятие), а в том, что он своеобразно понимает закон равновесия этого общества. Идея равновесия, или, что то же самое, идея цели в народном хозяйстве, получает у Штольцмана определенный апологетический смысл, и в этом своеобразии апологетики заключается основная оригинальная черта его учения. Как рисует Штольцман конкретную цель народного хозяйства? Эта цель,

⁴⁴ Статья «Liefmann's rein psychisches System». «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, B. 63, S. 35.

⁴⁵ Ibid., S. 36.

⁴⁶ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 762.

по его мнению, заключается в получении рабочими зарплаты, капиталистами—прибыли. «Предельные предприятия посредством применяемого капитала и применяемого труда столько производят, что они могут получать социально-необходимые доходы. Потому что, естественно, люди будут только тогда браться за последние, наименее плодородные земли, за последние, наименее выгодные предприятия, за последнюю, наименее продуктивную работу, если им будет предложена как рабочим—социально-необходимая зарплата, как капиталистам—социально-необходимая прибыль, и они поэтому будут в состоянии длительно выполнять свои общественно-необходимые функции. Это есть цель народного хозяйства, для выполнения которой приходит в движение весь аппарат»⁴⁷. С точки зрения Штольцамана: зарплата определяется прожиточным минимумом рабочих, а прибыль—прожиточным минимумом предельных капиталистов. Цель народного хозяйства, по его мнению, заключается в получении этих доходов, т. е. в обеспечении условий существования необходимых для общества рабочих и капиталистов. Общественное производство должно быть так распределено между отдельными сферами и товары должны продаваться по таким ценам, при наличии которых было бы обеспечено получение прожиточного минимума для рабочих и капиталистов. Центральной идеей всей экономической системы Штольцамана является идея пропитания. Общество может существовать только тогда, когда обеспечено нормальное удовлетворение жизненных потребностей общественно-необходимых членов (т. е. включая предельных рабочих и капиталистов). Здесь можно провести известную аналогию между учением Штольцамана о цели народного хозяйства и учением Богданова о принципе жизненного равновесия. Богдановский принцип жизненного равновесия заключается в том, что «всякая общественная система в своем целом и в своих жизненно-необходимых частях должна достигать практически-достаточного удовлетворения своих потребностей; иначе происходит ее полное или частичное разрушение»⁴⁸. Но здесь необходимо отметить существеннейшее различие между Богдановым и Штольцаманом. Первый распространяет свой принцип лишь на фактических производителей, второй—также и на капиталистов. Прибыль определяется прожиточным минимумом предельного капиталиста. Если, по Марксу, целью (конечно в весьма условном смысле) капиталистического производства является получение прибавочной ценности, то, по Штольцаману, цель этого процесса состоит в пропитании последнего капиталиста. Основная тенденция Штольцамана состоит в том, что он сближает ремесленное и капиталистическое производство. Это смешение красной нитью проходит через всю его работу. Это видно хотя бы из того, что наш автор так сближает категории прибыли и заработной платы. Если в основе обеих категорий лежит общее основание—прожиточный минимум, то различие между ними превращается в чисто количественное в зависимости от того, что прожиточный минимум капиталиста несколько выше минимума рабочего. Как увидим ниже, Штольцаман дает весьма превратное изображение капиталистической экономики. Отсюда вытекает и основное противоречие Штольцамана. С одной стороны, он во всех своих рассуждениях исходит из мелкого ремесленного производ-

⁴⁷ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 424.

⁴⁸ Богданов и Степанов, Курс политической экономии, т. II, вып. 4. изд. 3-е, с. 20.

ства. С другой стороны, он не может не считаться с бьющими в глаза фактами капиталистической действительности. Это противоречие усиливается потому, что как представитель социального метода Штольцман должен уделять особое внимание выяснению специфических особенностей капиталистической экономики. Это противоречие может быть охарактеризовано как противоречие между социальным и этическим методами. Как представитель социального метода Штольцман должен подчеркнуть все историческое своеобразие капитализма. Как представитель этического метода (в своеобразном истолковании) он пытается всячески заглушить это своеобразие капитализма, ибо его применение этического метода состоит в том, что он закономерности ремесленного периода переносит на развитое капиталистическое хозяйство. Из этого основного противоречия вытекает ряд производных противоречий, которые особенно ярко проявляются, как увидим ниже, в теории прибыли Штольцмана. Отсюда следует, что в руках Штольцмана применение этического метода превращается в фактическое морализирование и этизирование, в навязывание капиталистической действительности своих этических идеалов. Последние заимствованы из эпохи ремесленного периода и заключаются в том, что всякий необходимый обществу производитель должен получить приличествующее ему пропитание. В этой своеобразной апологетике, а не только в неокантовской философии лежит корень телеологии Штольцмана.

* * *

В дальнейшем мы рассмотрим важнейшие положения экономической теории Штольцмана. Необходимо отметить, что последний нигде не дает развернутого изложения своей экономической теории. В частности мы не имеем высказывания Штольцмана по вопросам теории денег, кредита, кризисов и конъюнктуры. Наш автор преимущественно занимается анализом теории ценности и распределения. Ценность товаров, по учению Штольцмана, определяется общественно-необходимыми доходами, а именно: заработной платой и прибылью. Таким образом теория распределения Штольцмана служит исходным пунктом для построения его теории ценности. В области теории заработной платы Штольцман не проявил особой оригинальности; заработную плату он выводит из культурно-исторического прожиточного минимума рабочих с учетом влияния соотношения социальных сил рабочих и капиталистов. Точно так же не представляет особого интереса и теория ренты Штольцмана. Наибольшую оригинальность представляет теория прибыли Штольцмана, которая ярко характеризует всю его экономическую систему. В связи с этим мы в следующем очерке займемся преимущественно анализом теории прибыли и теории ценности Штольцмана.

(Продолжение следует).

FRITZ STERNBERG «DER IMPERIALISMUS UND SEINE KRITIKER».

(Berlin, 1929. S. 232).

FRITZ STERNBERG. «DER IMPERIALISMUS», (Berlin, 1926).

Ф. ШТЕРНБЕРГ, Империализм и его критики.

Ф. ШТЕРНБЕРГ, Империализм.

Весьма объемистая работа Фрица Штернберга «Империализм», изданная в 1926 г., нашла широкий отклик как в советской, так особенно в зарубежной, экономической литературе.

Новая попытка развигия и обоснования люксембургянской концепции империализма встретила, однако, решительный отпор; отметим статьи т. Гольденберга в журнале «Большевик» и исчерпывающую критику Генриха Гроссмана «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», 1928, В. XIII.

Помимо критики Гроссмана в немецкой литературе «Империализм» подвергся критике со стороны Елены Бауэр, Браунт ля, Найсера, Людвига и др.

Столь же враждебно встречена была книга и буржуазной экономической мыслью. Неостно отозвался о работе своего «вероломного» ученика, окончательно-де скатившегося в болото марксизма, и маститый Оппенгеймер.

В 1929 г. Штернберг переиздает в сжатом виде свою работу, вторая часть которой включает и ответ критикам. По сравнению с первым изданием мы замечаем здесь, однако, значительные перемены. Если в 1926 г. автор, обЪятый неуместным самомнением, обЪявляет себя прямым продолжателем «Капитала», призванным не только продолжить, но и в существенном модифицировать марксов метод, так как «непонимание» (!) значения некапиталистической среды закрывало-де глаза Марксу на реальную динамику производственных отношений капитализма, то в 1929 г. автор держит себя уже значительно скромнее. Далее, внимательно сличая оба издания, нетрудно заметить, что места, подвергшиеся наиболее сокрушительному огню критики, из второго издания изъяты. Это несколько не избавляет нас от необходимости одновременно с ошибками второго издания подчеркнуть и ошибки первого: 1) Штернберг нигде — ни в положительной части своей более поздней работы, ни в ответе критикам — не признал ошибочными взгляды, высказанные в первом издании; 2) концепция автора в целом, вся его конструкция во втором издании в существенном тождественна с первым; без ознaкомления с первым изданием взгляды, развиваемые автором в 1929 г., покажутся несколько сырыми; концепция Штернберга приобретет более или менее стройный и законченный вид лишь в том случае, если в круг нашего рассмотрения будут включены соображения, выброшенные автором в 1929 г., если будут восполнены досадные бреши, зияющие в издании 1929 г.

Вреднее всего то, что эта — в действительности архипоппортунистическая и — в научном отношении — никчемная теория облачена в словесно безупреч-

ные марксистские одеяния и кажется, на первый взгляд, «страшно» революционной. Сравнивать в каком-либо отношении работу Штернберга с трудами Розы, несмотря на крупнейшие ошибки последней, было бы оскорблением для памяти великой революционерки. В книге Штернберга, почитающего себя учеником и продолжателем Люксембург, нет ни грана марксизма, ни грана диалектики. Вся она выдержана в последовательно механистическом духе (если в отношении к Штернбергу вообще можно применить слово «последовательно») и сводит в одну плоскость противоречия капиталистического хозяйства, анализировавшиеся Марксом на различных ступенях теоретического воссоздания конкретного во всем его многообразии. Штернберг не видит движения противоречий капитализма — он видит только их сосуществование. В этом основной порок мышления автора, заранее обрекающий все его теоретические изыскания на бесплодность. Мы стараемся показать, как эта последовательно механистическая цепь проиживает все рассуждения автора — начиная с рассуждений по поводу основных категорий теоретической экономики и кончая сложнейшими проблемами цикла и кризисов. Характерно то, что вся конструкция Штернберга основана не на самодвижении капиталистических противоречий, отражающем имманентные капитализму тенденции его развития, но на столкновении последнего с внешней и чуждой ему средой.

Механистический, «плоский» метод мышления автора приводит его к ряду школьных ошибок, кричащих несоответствий с азбучными положениями «Капитала».

Начнем с того, как понимает Штернберг сущность прибавочной стоимости. В издании 1926 г. Штернберг подчеркивает, что резервная армия является необходимой предпосылкой самого создания прибавочной стоимости. «Он (капитализм) реализует его (прибавочный труд) по Марксу путем постоянного воспроизводства „индустриальной резервной армии“. . . Только тогда, когда существует избыточное население свободных владельцев рабочей силы, — рабочий вынужден к прибавочному труду, только тогда реализуется прибавочная стоимость» (изд. 1926 г., с. 16). В другом месте эта мысль выражена еще ярче: «При капитализме существование избыточного населения есть *sine qua non* производственного процесса» (изд. 1926 г., с. 24). «Почему рабочий вынуждается по его (Маркса) терминологии (как хорошо это «его!» — Г. Д.) к прибавочному труду? Ответ: потому что его принуждает к этому резервная армия, постоянно воспроизводимая при аккумуляции капитала» (изд. 1926 г., с. 585).

Все эти соображения базируются на вульгарнейшей теории конкуренции, взятой Штернбергом на прокат у своего «учителя» Оппенгеймера. Рабочие-де вынуждены продавать свой труд и создавать прибавочную стоимость не потому, что средства производства монополизированы классом капиталистов, но потому, что рабочие конкурируют между собою, потому что их больше, чем капиталистов.

Штернберг и в этом пункте «поправляет» Маркса. Образование резервной армии, т. е. следствие капиталистического процесса, выставляется в качестве его первопричины. Нечего и говорить о том, что реальные отношения здесь ставятся на голову. Нетрудно заметить, что здесь опять-таки сказывается характерное для эклектика-механиста сведение в одну плоскость явлений, лежащих в различных плоскостях теоретического исследования. Вспомним, что у Маркса прибавочная стоимость возникает до разбора конкуренции, роста органического состава капитала, образования резервной армии и т. д. Для справедливости отметим, что в издании 1929 г.

автор стыдливо обходит сип скользкие места и не пытается развивать свою «теорию» прибавочной стоимости.

К чести или не к чести автора — предоставляем судить об этом читателю — он не обнаруживает особой «твердокаменности» в отстаивании своих убеждений (кстати, за 1929 г. Штернберг успел проделать дальнейшую головокружительную «эволюцию»: в тезисах, представленных к докладу, прочитанному в октябре с. г. в Коммунистической академии, Штернберг допускает уже возможность существования «чистого» капитализма!). Думается, что Штернберг пытается уподобиться страусу, спасающемуся от охотника тем, что прячет свою голову в песок. Но все остальные части разбираемой нами концепции — увы! — увязаны самым «гармоническим» образом с указанной выше «теорией» прибавочной стоимости.

Изгнанная со страниц второго издания «теория конкуренции» в сфере прибавочной стоимости с тем большей силой торжествует и безраздельно господствует в теории заработной платы. Непонимание Штернбергом того факта, что внутренние, имманентные самому капитализму категории являются движущими силами его развития, неизбежно приводит его к смешению стоимости и цены и, в конечном счете, к отрицанию стоимости. Действительно, штернбергская теория заработной платы и тесно связанная с ней теория «Schonzeit» (период пощады) рабочего класса базируются на грубейшем оперировании оппенгеймеровскими формулами, выводящими стоимость рабочей силы из противопоставления массы капитала массе труда. *Kapital — Arbeit* своеобразное приложение количественной теории к сфере заработной платы. Исходным пунктом ошибок автора в этом направлении являются попытки, прикрываясь цитатами из Маркса, доказать эластичность, изменчивость стоимости рабочей силы. По мнению автора, стоимость рабочей силы имеет две границы: низшую и высшую. Низшая определяется физиологическим минимумом средств существования, границей же высшей является способность рабочего самостоятельно... аккумулялировать (пошлость, достойная Сэя или Бастпа!). «Товар рабочая сила имеет свои особенности: в то время как издержки воспроизводства (*Reproduktionskosten*) всех других товаров могут быть точно фиксированы в статике, издержки воспроизводства товара рабочая сила эластичны» (изд. 1926 г., с. 59).

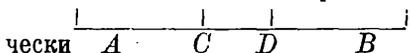
В действительности подобного рода утверждения основаны на смешении стоимости и цены рабочей силы. В первом издании автор приводит цитату из «Капитала», которая, по его мнению, должна подкрепить его аргументацию, в действительности же явно опрокидывает ее. Что пишет Маркс? «Если цена рабочей силы падает до этого (физиологического — Г. Д.) минимума, то она падает ниже своей стоимости» (цитирую по Штернбергу; разрядка моя — Г. Д.). «Ясное дело, у Маркса тут речь идет не о границах стоимости рабочей силы, как это хочется представить Штернбергу, но о границах цены ее, т. е. о границах отклонения ее от стоимости. Маркс неоднократно вполне ясно и точно подчеркивает, что «в каждой стране в данный период эта средняя регулирующая заработная плата есть величина данная».

Нужно опять-таки отметить, что аргументация автора, развитая им в первом издании, в пользу эластичности стоимости рабочей силы в отличие от стоимости других товаров (ясно, что здесь автор подразумевает не изменение стоимости рабочей силы в процессе исторического развития, но растяжимость, эластичность величины стоимости в данный период и в данной стране в зависимости от спроса и предложения рабочей силы) во втором издании «благоразумно» опущена. Но вся остальная «надстройка», логически вытекающая из предпосылки эластичности стоимости рабочей силы,

оставлена без изменений. В самом деле—от признания эластичности заработной платы не так трудно прийти к выводу, что низшая и высшая границы стоимости рабочей силы определяются наличием резервной армии, соотношением между спросом и предложением труда (оппенгеймеровская формула $\frac{\text{капитал}}{\text{труд}}$), а отсюда можно уже перебросить мостик к утверждению, что и сама стоимость рабочей силы— v определяется законом спроса и предложения. «Она (классическая политическая экономия),—пишет Маркс,—быстро убедилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме ее изменения, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины». Отсюда видно, что теоретические «откровения» Штернберга стоят на много ниже даже понимания классической школы.

Из принятия указанных выше посылок неизбежно вытекает выхолащивание стоимости как величины, исторически определяемой рабочим временем, необходимым для воспроизводства товара рабочая сила. Границы отклонения цены от стоимости подменяются отклонениями самой стоимости (от чего?).

Особенно ярко сказываются эти грубейшие и вульгарнейшие извращения марксовской теории заработной платы в попытках анализа исторических тенденций в движении зарплат. Штернберг представляет проблему графически

AC —необходимое рабочее время, CB —прибавочное рабочее время. Представим себе, что необходимое рабочее время—указывает Штернберг—увеличилось при неизменности отрезка AB . Теперь оно представлено уже не отрезком AC , но отрезком AD . «Здесь повышение реальной заработной платы от AC к AD равносильно понижению прибыли (?)». Все это само по себе верно, но по Штернбергу всякое повышение реальной зарплаты связано с увеличением отрезка AC и уменьшением CB , т. е. повышение реальной зарплаты может происходить только за счет прибавочной стоимости. Аргументация такова: «Добровольно класс капиталистов никогда не соглашается на повышение реальной зарплаты, даже и тогда, когда прибыль его возрастает. Только вынужденно идут капиталисты на повышение зарплаты. И это принуждение имеет причиной сокращение резервной армии». Здесь опять-таки варварское смешение совершенно различных категорий—стоимости и цены рабочей силы. Стоимость рабочей силы в процессе исторического развития изменяется в зависимости от изменений в величине рабочего времени, общественно-необходимого для воспроизводства товара рабочая сила, т. е. в конечном счете в зависимости от производительной силы труда, следовательно размеры промышленной резервной армии самодовлеющего значения не имеют. Ясно также, что стоимость рабочей силы зависит от доброй воли или от принуждения господ капиталистов столь же мало, как мало зависит от их желаний стоимость любого товара. Резервная армия может влиять на отклонения в ту или иную сторону цены рабочей силы от ее стоимости, но не в состоянии определять стоимость самой рабочей силы. Вместе с тем понятно, что реальная зарплата может расти при понижении стоимости рабочей силы и при увеличении нормы эксплуатации.

Все это—истины, в достаточной мере элементарные. В понимании же Штернберга рост реальной зарплаты может происходить только за счет прибавочной стоимости. Почему же, спрашивается, могли реализовать капиталисты прибавочную стоимость во вторую половину XIX в. в период повышения реальной зарплаты? Чем компенсировалось повышение реальной зар-

плагы, вызванное якобы сокращением резервной армии? У Штернберга есть готовый ответ: некапиталистическая среда—вот то, что компенсировало капиталистам потерю в норме прибавочной стоимости вследствие повышения реальной зарплаты. Заметим опять-таки, что зарплата, равно как и прибавочная стоимость, выводятся Штернбергом не из самих основ капиталистической системы, как таковой, но из противопоставления капитализму чуждой ему внешней среды: следовательно и *m* и *v* внутренне не присущи чистому капитализму.

Здесь мы подошли вплотную к штернберганской теории реализации, с которой тесно связана гипертрофия автором некапиталистической среды. Исходя из анализа марксовых схем воспроизводства, автор доказывает, что в рамках II раздела с неизбежностью остается некоторый нереализуемый остаток *m*; необходимость существования такого остатка вызывается наличием генерального противоречия капитализма между размерами производительных сил и ограниченностью потребления широких масс, каковое противоречие находит себе выражение в противоречии между I и II разделами общественного производства. Аргументация Бауэра, допускающего возможность беспредельной реализации в рамках чистого капитализма общественной продукции, Штернбергом решительно отвергается. Но как в таком случае осуществляется вообще расширенное воспроизводство, может ли существовать вообще чистый капитализм? Штернберг отвечает на этот вопрос отрицательно. Чистый капитализм означал бы хронический кризис перепроизводства, означал бы перманентную невозможность реализации прибавочной стоимости *m*, следовательно, невозможность расширенного воспроизводства капиталистических отношений вообще. Единственным «клапаном» остается некапиталистическая среда. Здесь—и только здесь—может быть реализована часть *m* II раздела.

В чем ошибка Штернберга?—Ошибка автора в том, что он допускает вообще невозможность реализации при чистом капитализме, что он видит только плоское и безжизненное существование противоречий в пределах схем воспроизводства—между I и II разделами—в основном и составными их элементами—в частности, по не видит яркого и пульсирующего самодвижения этих противоречий, их первоначеского сокращения и расширения, различия, нарастания, временного разрешения и дальнейшего нарастания на новой расширенной базе. Штернберг не понимает, что капитализм находит разрешение своих противоречий в самом себе, что приводящие факторы (внешняя торговля, вывоз капитала, некапиталистическая среда) могут только облегчить или затруднить разрешение этих противоречий, по не в состоянии сами их разрешить. Если некапиталистическая среда действительно разрешает противоречия капитализма, то как объяснить циклическое движение процесса воспроизводства, кризисов, депрессию и т. д.? Ответа на этот вопрос автор не дает и дать не в состоянии, так как для этого необходимо держать в фокусе своего теоретического анализа модель чистого капитализма (этим, конечно, еще не исчерпываются все условия, необходимые для правильного анализа проблемы); понимание же капиталистического процесса воспроизводства, если исходить из противопоставления внешней среде некоей туманно очерченной величине, именуемой капитализмом, величине, не имеющей своих заранее данных свойств и закономерностей, столь же немислимо, как немислимо понимание *m* и *v*, если исходить из голого и бессодержательного противопоставления капитализма внешней среде.

Как видим, один и тот же метод пронизывает все «ступени» штернберганского анализа—если только применимо здесь само слово «ступени». Этот метод блестяще охарактеризован Лениным в следующих словах: «Две

основные (или возможные, или две в истории наблюдавшиеся) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоявключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени само движение, его двигательная сила, его источник, его мотив или источник переносится во вне (бог, субъект). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „самодвижения“. Первая концепция мертва, бедна и суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к „уничтожению старого и возникновению нового“ (Ленин, изд. 2-е, т. XIII, с. 301—302).

По мнению Штернберга, кризисы вследствие усиленного освоения некапиталистической среды во второй половине XIX в. заметно потеряли свою силу; следствием этого (!) был бурный (stürmische) рост населения во всей Европе.

Наш автор, ожесточенно ополчающийся против Отто Бауэра, связывающего проблему расширенного воспроизводства с естественным движением населения, сам не замечает, как попадает в мальтузианскую трясицу. Количество средств существования (повышение реальной зарплаты, уменьшение резервной армии) становится определяющим моментом для размножения общества! Мало того. Автор на каждом шагу, как и подобает истому эклектику, путается во внутренних противоречиях. В одном месте он утверждает, что увеличение населения облегчает возможность расширенного воспроизводства (с. 174). [Кстати, великолепный порочный круг! О одной стороны—повышение реальной зарплаты, ослабление (?) кризисов во вторую половину XIX в., т. е. облегчение, по мнению автора, условий расширенного воспроизводства капитала, влекут за собой усиленное размножение населения, с другой—усиленное размножение населения облегчает расширенное воспроизводство!]; в другом—что эмиграция (вызывая уменьшение знаменателя в пресловутой формуле $\frac{\text{капитал}}{\text{труд}}$ и тем самым повышение реальной зарплаты!), т. е. уменьшение народонаселения в данном капиталистическом круге, в свою очередь облегчает проблему воспроизводства, ослабляет кризисы и т. д. Еще в одном месте автор утверждает, что размах империалистической экспансии (Vorstosz) прямо пропорционален замедлению в размножении населения (усиленные колоннальные захваты Франции выводятся им из стабильности ее населения), не замечая того, что наиболее бурная колоннальная экспансия капитализма—по его же утверждению—совпадает со стремительным ростом населения европейских стран. Поистине—правая, левая где сторона?

Мы не будем перебирать всех «порочных кругов», рассеянных по «трудам» рецензируемого автора. Это была бы слишком неблагоприятная задача. Но уже из сказанного выше достаточно явствует крайняя убогость теоретического уровня штернбергианских «откровений». Останемся только еще на понимании автором термина «империализм», ибо здесь как бы подытоживаются все его теоретические ошибки и вместе с тем вся его теория доводится до явного абсурда.

Отвергая ленинское определение империализма, Штернберг выдвигает свое: «Империализм есть этап капиталистического способа производства, которому свойственна капитализация некапиталистических территорий» (с. 37, изд. 1929 г.). Здесь явно бросается в глаза внутренняя порочность этого определения. Слово этап—лишний привесок.

В самом деле. На каком этапе капиталистического развития не происходит освоение некапиталистических территорий? И, наконец, разве само по себе развитие капитализма на любой его стадии не означает выкристаллизовывания из некапиталистического массива капиталистических отношений? Другими словами, в понимании Штернберга капитализм—империализм. Именно поэтому чрезвычайно распылчато у Штернберга выглядит его периодизация империализма. В одних местах «ранний» империализм приходится на вторую половину XIX в. и начало XX в.—до мировой войны, в других—он захватывает и первую половину XIX века.

Но—довольно теорий! Посмотрим, как согласуются с концепцией Штернберга факты капиталистической действительности. Простим автору его теоретическую беспомощность, стремительные скачки от Мальтуса к Марксу и обратно, внутренние провалы и т. д. и т. п.; извиняющие обстоятельства имеются: Штернберг еще не так давно участвовал в сборнике, посвященном юбилею Опенгеймера; повидимому, с Марксом он познакомился лишь недавно, не успев еще достаточно «переварить» марксистский метод и т. д. и т. п. Но факты?

Штернберг производит впечатление человека, не плохо знакомого с конкретной капитализма; если действительно «природа боится пустоты», то наш автор может восполнить слабость своего теоретического арсенала красноречием эмпирики. Увы, и тут факты, приводимые Штернбергом в подтверждение его «теории», явно шиты белыми нитками. Штернберг неоднократно утверждает, что обмен между капитализмом и некапиталистической средой может разрешить проблему реализации лишь в том случае, если некапиталистическая среда поглощает товары II раздела и отдает капиталистическому сектору товары I раздела. Весь смысл колониальной экспансии в интерпретации Штернберга сводится таким образом к необходимости реализовать именно продукцию II раздела. «Торговля между капиталистическими государствами и некапиталистическими территориями,—пишет Штернберг,—может разрешить проблему (расширенного воспроизводства и кризисов—Г. Д.) лишь в том случае, если некапиталистическая страна платит продуктами I раздела за продукты II раздела» (с. 48, изд. 1929 г.).

В какой мере, однако, отвечает это утверждение действительному положению вещей? С точки зрения Штернберга, Куба, например, не представляет никакой ценности для Соед. Штатов, так как главные статьи ее экспорта—сахар и табак. Возможность эксплуатации монополистическим капиталом таких стран, как Бразилия, Аргентина, довоенная Россия, поставивших развитым индустриальным странам огромные массы продуктов питания (кофе, хлеб, мясо и т. д.),—т. е. предметов II раздела,—по мнению Штернберга, несколько не помогла реализации «избытков» капиталистической промышленности, так как здесь товарообмен не укладывался на прокрустово ложе сакраментальной формулы—обмен I и II раздела. Совсем уже конфузная история получается с экспортом капитала! Доказать, что экспорт капитала в колонии слагается именно из предметов II раздела, а не преимущественно из средств производства (паровозов, рельс, машин и т. д. Вспомним, что половина всех британских довоенных иностранных капиталовложений приходилась на железные дороги)—доказать это трудно даже Штернбергу при всем его умении запутать вопрос.

Из такой концепции, вполне понятно, вытекает совершенно превратное представление о функциональном значении экспорта капитала. Из поля зрения автора совершенно выпадает эксплуатация колоний метрополией, неэквивалентный обмен, ибо, с точки зрения Штернберга, последний не столько облегчает, сколько затрудняет решение проблемы реализации: ведь в конеч-

ном счете метрополии здесь приходится реализовать большие массы прибавочного продукта, в том числе и продуктов II подразделения, чем при «чистом» капитализме.

В стремлении обойти эту трудность наш ярый глашатай краха капитализма и провозвестник диктатуры пролетариата (об этом Штернберг пишет довольно много) докатывается до таких «истин», которые возможно привели бы в смущение даже Карла Каутского и Рудольфа Гильфердинга.

Наивный читатель! Вы убеждены, что движущей силой колониальной экспансии капитализма является погоня за прибылью?— Нисколько! «Если бы империалистическая экспансия была связана лишь с повышением нормы прибыли, то нравы оказались бы буржуазные папифисты; ибо, так как издержки войны бесконечно превышают возможные прибыли (от эксплоатации колоний — Г. Д.), то разумная концентрированная финансовая политика (политика финансового капитала — Г. Д.) могла бы уменьшить экспансию капитала и вместе с тем ослабить линии трения. Конечно, при принципиально анархическом капитализме это было бы трудной задачей, но не такой, разрешение коей заранее невозможно» (с. 175, изд. 1929 г.). Мысль эта настолько пошла, настолько отдает от нее пассивизмом и социал-демократизмом самого худшего пошиба, что дальнейшие комментарии, думается нам, излишни.

Удивительно ли, что в полном соответствии со всей механистической системой Штернберга находится и его механистическая концепция конца капитализма?— У Штернберга не видно социального смысла загнивания и процесса монополистического капитализма; не видно того, что строй этот терпит крушение в самых слабых звеньях цепи в силу закона неравномерности развития капитализма; не видно своеобразия капитализма — как исторической формации — и империализма — как его высшей и последней стадии; нет понимания необходимости крушения капитализма именно в силу внутренней логики развития его собственных имманентных противоречий. Крушение капитализма выводится из невозможности дальнейшего расширенного капиталистического воспроизводства, вследствие сокращения некапиталистической среды. Сокращение же последней вызывается усиленной индустриализацией некапиталистических территорий, что в свою очередь вдвойне обостряет проблему сбыта продукции II раздела (с одной стороны — увеличение массы капиталистически произведенной продукции, с другой — сокращение некапиталистической среды). Теория индустриализации колониальных стран плюс некоторые политические выводы — и мы получаем законченную и столь модную в известных кругах теорию деколонизации и, достойно увенчивающую все здание¹.

Такие материи, как Азия и Африка, где и в настоящее время на обширнейших пространствах господствуют еще докапиталистические отношения, почему-то совершенно сбрасываются со счетов. Штернберг чудовищно гипертрофирует индустриализацию азиатских и африканских стран, забывая о тех препонах, которые ставят метрополия развитию колониальной индустрии, — особенно тяжелой, забывая о том, что политика империализма ведет к своеобразному симбиозу капиталистических и докапиталистических отношений, к

¹ Оппортунистичность подобного выведения конца капитализма из невозможности дальнейшего поглощения им некапиталистической социальной среды понятна даже буржуазному экономисту Адольфу Каспару: «Если бы коммунизм должен был ожидать сперва развития исторического капитализма, а затем „чистого“ капитализма, — пишет Каспар, полемизируя со Штернбергом, — то отрезки времени, на которые вынуждена была бы рассчитывать революционная гартия, были бы слишком продолжительны и перереволюционны (unrevolutionär). Поэтому сторонники этого направления должны уметь заключать, что начало собственно капитализма (т. е. чистого капитализма — Г. Д.) идентично с его концом». (Adolf Caspar, Zum Problem des Tabaeu Economique der Kapitalistischen Wirtschaft, «Weltwirtsch. Archiv», October 1929, S. 126).

закрепленню; искусственной консервации последних (латифундизм, блок империализма с туземными феодалами). Поэтому автор дает совершенно извращенную картину политического положения ряда стран. Если раньше развитие капитализма в Египте определялось английскими интересами, то теперь, по мнению Штернберга, в этом направлении произошла крупная перемена. Национальное движение захватило широкие массы и принуждает английское правительство к изменению политики. «Оно (английское правительство — Г. Д.) должно оторвать египетскую буржуазию от низших классов, остающихся таким путем временно без руководства. Политическое выражение этого — ограниченная известными рамками самостоятельность, экономическое — индустриализация страны» (цитировано по изд. 1926 г., разрядка мол.—Г. Д.). Такое же усиление тенденции к независимости и к индустриализации имеет якобы место и во французской Северной Африке и вообще во всей французской колониальной империи.

Эта идиллическая картина мирного вращивания колоний в капитализм, картина гладкого и полюбовного превращения колоний — на почве нежелания спориться с туземной буржуазией — в субъектов мировой политики (между прочим автор убежден, что китайская буржуазия сможет встать во главе суверенного капиталистического развития Китая; заметим, что пишется это уже не в период «Северного похода», когда либеральные иллюзии еще не отцвели, а в 1929 г., когда с полной ясностью выявилась предательская роль китайской буржуазии и неспособность ее возглавить борьбу с империализмом) несколько не соответствует прозаической действительности. Как известно, Англия чинит всяческие препятствия индустриализации Египта. Египет и поныне является сырьевой базой Ланкашира и не имеет самостоятельной текстильной промышленности. Говорить о тенденциях к усилению независимости и индустриализации внутри французской колониальной империи по меньшей мере странно; ведь у каждого на памяти кровавые репрессии в Марокко, недавние восстания во Французском Конго и т. д. и т. п.

Столь же оппортунистично выглядит у нашего автора теория «Schonzeit» (время пощадки) рабочего класса; «период пощадки» по мнению Штернберга тянется вплоть до мировой войны, и лишь с этого момента начинается перелом. Автор берет даже полемизировать с Энгельсом, который отмечал ухудшение положения английского пролетариата с 80-х годов прошлого столетия. Но в то время как Энгельс приписывал оппортунизм в западно-европейском — особенно английском — рабочем движении подкупу буржуазией верхушки рабочего класса, Штернберг «поправляет» Энгельса и распространяет благотельный эффект «Schonzeit» на весь рабочий класс. Штернберг не замечает также и того, что с начала XX в. имеется определенный перелом в движении реальных заработных плат в сторону их понижения вследствие стремительного роста цен.

Не менее оппортунистично и путанно звучит утверждение, которое покажется странным даже и для школьника, слабо знакомого хотя бы с азами марксизма: «Обострение политических противоречий до войны не шло нога в ногу с обострением экономических противоречий капиталистического способа производства. Напротив, для нынешней фазы империализма характерен параллелизм в обострении политических и экономических противоречий» (с. 100, по изд. 1929 г.). Вся убогость, вся «нищета философий» двух рецензируемых нами объемистых «трудов», как в фокусе, концентрируются в этой цитате. Печальнее всего, что это убожество профанируется десятками страниц цитат из великого наследия Маркса и облекается в одежды марксистской фразеологии. Тем тверже следует помнить: «Под сладкими выражениями таятся мысли коварные; так, от курящего табак нередко пахнет духами».

Г. Дашевский

«РУБИНЩИНА ИЛИ МАРКСИЗМ?»¹

Сборник статей под редакцией С. Бессонова и А. Кона

(Гиз, 1930, с. 232, ц. 1 р. 70 к.)

Экономическая дискуссия привлекала до настоящего времени внимание широких партийных кругов. Это вполне понятно. Бурный рост социалистических элементов нашего хозяйства, социалистическая переделка всего хозяйственного и культурного уклада страны происходят в обстановке обостренной классово-борьбы, выражением которой является и борьба идеологическая.

Основоположники марксизма неоднократно указывали на тесную связь между теоретическими ошибками и оппортунистической практикой. Прямым долгом каждого марксиста является самая резкая критика каждой теоретической ошибки в момент ее зарождения, в тот момент, когда она еще не стала «научным» обоснованием ошибочной политической линии. Еще более актуальной является борьба против таких теоретических взглядов, которые не только в тенденции, но уже непосредственно подводят теоретическую базу под извращения партийной линии.

Механистическая методология т. Бухарина привела его с логической необходимостью к той сумме политических взглядов, которая осуждена и отвергнута партией как правый оппортунизм и бита всем ходом развития нашего хозяйства. Но теоретические корни этой концепции в философии и политической экономии (богдановский «закон трудовых затрат», богдановский «энергетический баланс» и антимарксистская «теория равновесия», которой т. Бухарин подменяет марксову теорию воспроизводства, антиленинская концепция империализма, смешение производительных сил с техникой и производственных отношений с техническими и т. д.) далеко не вскрыты до конца и не преодолены полностью. Мало того: методологическая установка и теоретические взгляды т. Бухарина были восприняты рядом экономистов и до сих пор сказывают свое влияние на их теоретические работы, хотя эти товарищи и выступают против политических взглядов т. Бухарина.

В особенности это относится к тт. Кону и Бессонову, которые допускают систематически механистические ошибки в своих выступлениях по дискуссионным вопросам политической экономии, в том числе и в рецензируемом сборнике.

Преодоление правого оппортунизма — главной опасности в рядах коммунистической партии — настоятельно требует непримиримой критики таких ошибок.

¹ После того как данная статья была уже набрана, в № 2 «Большевика» за 1930 г. опубликована статья тт. Милютин и Борилина «К разногласиям в политической экономии» с примечанием редакции, свидетельствующим, что как т. Борилин, так и тт. Бессонов и Кон признали ошибочность позиций, которые они занимали в дискуссии по основным вопросам политической экономии. Тем самым создается основа для консолидации сил экономистов-коммунистов и их переключения на разработку актуальных проблем социалистического строительства и послевоенного империализма.

Но чуждые и враждебные рабочему классу идеологии выступают не только в механистической концепции. Если взять страну в целом, то идеализм не в меньшей степени, чем механистические теории (стоит только вспомнить о религии и всей буржуазной общественной науке) является идеологическим оружием буржуазии и реакционно-настроенной мелкой буржуазии в борьбе против учения Маркса—Ленина и против политики индустриализации и коллективизации, проводимой партией.

Не следует сверх того забывать, что идеализм и механистические взгляды отнюдь не исключают друг друга. Наоборот, они тесно и причудливо переплетаются, ибо механист не может быть последовательным материалистом, а идеалист — последовательным диалектиком². Борьба против ревизии экономического учения Маркса—Ленина может быть успешной лишь при одновременном вскрытии и преодолении как механистических, так и идеалистических извращений марксизма.

Помимо чисто идеалистических построений Кушина и Давыдова, мы имеем здесь дело с антидиалектической, немарксистской антиреволюционной концепцией И. И. Рубина, с системой его идеалистических ошибок, коренящихся в кантизировании им метода Маркса. Поэтому сугубо неверно чисто механически переносить «расстановку сил» в философской дискуссии на политическую экономию, как это делают некоторые товарищи³. Бесспорна связь между борьбой за диалектический материализм в философии и той борьбой, которая ведется против ревизии экономической системы Маркса. Но в области философии идеалистическая опасность не выступала решительно — идеалистические концепции не выдавались там рядом коммунистов за ортодоксальную в основном интерпретацию учения Маркса. А в политической экономии дело обстояло до сих пор именно так⁴. В этих условиях диалектический материализм в политической экономии можно защищать только в непримиримой борьбе на два фронта, как это своевременно было указано редакцией «Правды» и как это проводилось рядом товарищей в их научно-педагогической и литературной работе, в дискуссиях по основным проблемам политической экономии и т. д.

² Крайне характерна в этом отношении солидаризация т. Марецкого с методологией И. И. Рубина, не встретившая отпора на весенней дискуссии в ИКП (в 1929 г.), ни со стороны самого Рубина, ни со стороны его защитников. «С Рубиным можно в известной степени согласиться в том, что он считает теорию товарного фетишизма пропедевтикой политической экономии. Эту особую специфическую социологию (разрядка т. Марецкого) товарно-капиталистического общества Рубин по преимуществу и развивает в своих «Очерках» («Проблемы экономики» № 4—5, с. 221). «Социология» объединяет в известной степени механистическую ревизию Маркса с идеалистической.

³ См. Бориллин, Наши разногласия с механистами в политической экономии, «Под знаменем марксизма» № 12 за 1929 г., с. 71 и 73.

⁴ Для доказательства достаточно привести следующие цитаты:

«... таким образом... точка зрения Рубина полностью соответствует высказываниям и прямым заявлениям классиков марксизма (см. сб. «Против механистических тенденций в политической экономии», ст. Г. Деборина, с. 122).

«А в этих решающих пунктах (товарный фетишизм, диалектика, абстрактный труд—*Автор*), повторяем, работа И. И. Рубина являлась непосредственным продолжением той антибогдановской (и антикаутеканской — можно было бы прибавить) разработки основных вопросов экономической теории Маркса, которая связана с прежними работами по методологии и теории ценности Гильфердинга и Бухарина в первую очередь и которая базируется на правильном понимании, духа экономического учения Маркса и Ленина» (там же, с. 10—11 статья т. А. Леонтьева).

Недавие вышедшая третьим изданием книга И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» является крупным вкладом в марксистскую экономическую литературу» (там же, с. 85, статья тт. А. Греблиса, М. Коровая, И. Степанова).

Такая единственно правильная установка фактически не проводится однако в рецензируемом сборнике. В нем отсутствует, в частности, учет конкретной исторической обстановки, в которой развивается то или иное извращение партийной линии; внутри партии отсутствует понимание того, кто является конкретным носителем этих извращений, каковы их непосредственные теоретические корни. Тт. Кон и Бессонов фактически игнорируют тот общепризнанный факт, что именно механистическая методология т. Бухарина лежит в основе его политических выводов. Отдавал дань времени, они правда говорят о борьбе против механистического материализма в политической экономии. Но эту борьбу авторы сборника откладывают на неопределенный срок до следующего раза (см. с. 6). Говоря о «борьбе» против механистического материализма, они одновременно считают, что сборник «Против механистических тенденций в политической экономии» выпущен «под явно надуманным названием» (с. 4)⁵.

Ведь это звучит как заявление, что механистические тенденции в политической экономии «надуманы» (?!). Тт. Кон и Бессонов не только недооценивают опасность механистической ревизии Маркса, но вообще сводят на-нет эту опасность. Совершенно напрасно т. Кон говорит о «механистической буке», которой хотя пугнуть читателя (см. с. 50). Слепота тт. Кона и Бессонова к механистической ревизии марксизма объясняется тем, что система допущенных ими механистических ошибок неотделима от механистического фронта. Это не дает им возможности вести действительную борьбу против идеалистической ревизии Маркса И. И. Рубиным, и критика последнего превращается у них нередко в защиту и оправдание собственных механистических взглядов. Лучшим тому доказательством является сборник «Рубинщина или марксизм,» не только не исправляющий, но в ряде случаев усугубляющий ошибки тт. Кона и Бессонова. Механистическая методология сборника особенно явно обнаруживается в трактовке его участниками вопроса о предмете политической экономии, в их понимании соотношения формы и содержания, производительных сил и производственных отношений, в попытках «свести» специфическую характеристику производственных отношений к техническим отношениям и т. д.

Неоднократно указывалось, что т. Бессонов смешивает технологию с политической экономией, что он предлагает политической экономии изучать наряду с экономической закономерностью развития капитализма и закономерность технического развития. Вместо того, чтобы признать это грубой ошибкой, т. Кон берет т. Бессонова под прямую защиту, заявляя, что последний никогда не «предлагал включать в предмет политической экономии материально-технический процесс производства» («Рубинщина или марксизм,» с. 50). Это утверждение может покоиться либо на незнакомстве с работами т. Бессонова, что мало вероятно, либо на «дружественной» интерпретации этих работ. Ведь не кто иной, как т. Бессонов, заявил в своем докладе в ИКП, что «материальный субстрат производительных сил является основой общественного развития лишь постольку, поскольку он охвачен живым пламенем труда, т. е. поскольку находится в действии. Изучение самого субстрата как такового не входит в политическую экономию. Взаимное

⁵ Если название сборника не надуманно, если авторы его действительно выступили против механистических тенденций тт. Кона, Бессонова и др., то эти выступления не могли преодолеть механистическую опасность в политической экономии, ибо в решающих вопросах многие авторы сборника принимали и разделяли немарксистские положения И. И. Рубина, и потому весь сборник в целом содействовал распространению антимарксистской концепции последнего (см. об этом нашу статью «Как нельзя бороться „против механистических тенденций в политической экономии“» — «Большевик» № 18 за 1929 г.).

же отношение отдельных элементов этого субстрата, т. е. производительные силы в действии, процесс труда «как таковой» — составляют такую же неотъемлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная ими общественная форма производственного процесса»⁶. Но взаимное отношение отдельных элементов субстрата производительных сил в процессе труда как такового есть не что иное, как отношение вещей к вещам или людей к вещам в техническом процессе производства, в производстве потребительных стоимостей. Предлагая изучать в политической экономии это взаимное отношение элементов субстрата производительных сил, т. Бессонов явно смешивает предмет технологии с предметом политической экономии⁷.

Вместо действительного отказа от ошибок, вместо критики выше приведенных положений т. Кон предпочитает уверять читателя, что т. Бессонов никогда не предлагал включать материально-технический процесс производства в политическую экономию, забывая, очевидно, приводимую им самим поговорку что «Москва словам не верит».

Не лучше обстоит дело с тезисом о «равноправии». В свое время т. Бессонов выставил положение, что производительные силы и производственные отношения «равноправно» входят в предмет политической экономии. Ошибочный характер этого изложения настолько очевиден, что т. Бессонов вынужден был отказаться от этой формулировки. Ошибочность тезиса о «равноправии» признает и т. Кон. «Эта формула, — пишет он, — была признана нами всеми — и самим т. Бессоновым в том числе — неверной» (с. 51). После таких заверений можно было рассчитывать, что авторы сборника дадут методологическую критику «этой формулы». Каково же должно быть изумление читателя, когда, ознакомившись со статьей т. Бессонова «Слова и дела И. Рубина», он видит, что автор названной статьи только на словах отказался от тезиса о «равноправии», на деле оставаясь на старых позициях. Никак иначе нельзя понять следующее утверждение т. Бессонова: «Производительные силы — как одна из сторон (!) этого противоречия (между производительными силами и производственными отношениями — *Авторы*) входят и не могут не входить в предмет политической экономии, т. е. в тот круг явлений (?!), который мы изучаем» (с. 15) Таким образом по логике мысли т. Бессонова производительные силы и производственные отношения изучаются в политической экономии как две

⁶ «Проблемы экономики» № 4—5, с. 210, разрядка наша — *Авторы*.

⁷ Маркс подчеркивает неоднократно, что процесс труда как таковой не есть предмет политической экономии, что активное отношение человека к природе изучается технологией, а не политической экономией. «Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы — на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли властью надсмотрщика за работами или под озабоченным взглядом капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя» («Капитал», т. I, изд. 1927 г., с. 125). «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства, его жизнь, а следовательно и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений» (там же, с. 281).

«стороны» капиталистического способа производства, как самостоятельные группы явлений. Разве это существенно отличается от положения, что производительные силы и производственные отношения равноправно входят в предмет политической экономии? Мы имеем здесь лишь более завуалированную формулировку старого тезиса. По мнению т. Бессонова, политическая экономия изучает наряду с производственными отношениями еще и производительные силы. К последним т. Бессонов питает особую симпатию, сопровождая их такими эпитетами, как «революционные производительные силы», в противоположность очевидно «переволлюционным» производственным отношениям. Тов. Бессонов не видит, что специфическое для каждого классового общества противоречие между производительными силами и производственными отношениями выражается в антагонистическом характере самих производственных отношений, в противоположности классовых интересов и классовой борьбы.

Он не понимает, что революционный характер учения Маркса—Ленина состоит не только в том, что констатируется объективная необходимость развития производительных сил и таким образом устанавливается переходящий характер каждой данной общественной формы. Суть учения Маркса—Ленина состоит в том, что социальное общественное берется как классовое. Материалист-диалектик, в противоположность объективисту и вульгарному материалисту, «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»⁸.

Механистическая позиция т. Бессонова закрывает ему путь к правильной критике немарксистских взглядов И. И. Рубина. Тов. Бессонов все время упрекает И. И. Рубина, что последний выталкивает «революционные производительные силы» за порог политической экономии. Он критикует И. И. Рубина не за антидиалектическое понимание соотношения производительных сил и производственных отношений, не за фактическое игнорирование активности последних, а за то, что И. И. Рубин отказывается изучать в политической экономии производительные силы наряду с производственными отношениями. Действительный же ревизионизм антимарксистских взглядов И. И. Рубина в данной связи состоит в том, что, отождествив сперва производительные силы с техникой, он превращает их из содержания производственных отношений в их предпосылку. Связь между производительными силами и производственными отношениями по И. И. Рубину является чисто внешней. Однако т. Бессонов не видит действительной ошибки И. И. Рубина. Его почти удовлетворяют те определения предмета политической экономии, в которых И. И. Рубин говорит, что политическая экономия изучает производственные отношения в связи с производительными силами. Авторы сборника негодуяще заявляют, что И. И. Рубин не исследует производственные отношения «в связи» с производительными силами, усиленно со своей стороны подчеркивая эту «связь». В простоте душевной они думают, что для понимания взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями достаточно постоянно твердить о наличии связи между ними.

Тов. Бессонов, как и его товарищи по сборнику, не критикует, да и не может критиковать понимания И. И. Рубиным этой «связи». А это понимание состоит в утверждении, что производственные отношения «приспосаблиются» к производительным силам, «облекают» производительные

⁸ В. И. Ленин, Собр. соч., т. 1, изд. 2-е, с. 276.

силы, развиваются под «давлением» производительных сил и т. д. Правда, И. И. Рубин в своем докладе в ЦКП замечает, что производственные отношения не являются пассивным рефлексом развития производительных сил, но он фактически нигде не рассматривает производственные отношения как форму, через которую только и осуществляется движение производительных сил. Производственные отношения «прикрепляются» И. И. Рубиным к производительным силам, выступают фактически как внешняя оболочка, которая механически развивается и изменяется лишь тогда, когда на нее натолкнутся производительные силы. «У Маркса,—говорит И. И. Рубин,—производительные силы движутся внутри данных производственных отношений, постоянно наталкиваясь на их пределы и стремясь их разорвать»⁹. Такой взгляд на форму, как на пассивную оболочку, как на простой рефлекс производительных сил является общим и для И. И. Рубина и для такого героя II Интернационала, как Суханов. Производственные отношения—это не пассивная оболочка, внутри которой движутся производительные силы, а имманентная форма движения содержания (производительных сил), его внутренняя структура. Поэтому данные производственные отношения не только возникают на определенной ступени развития производительных сил, но и само развитие последних осуществляется только через данные производственные отношения, активно воздействующие на характер и темп развития производительных сил. Это воздействие надо рассматривать не как внешнее «давление», производственных отношений на производительные силы, а как внутренний, специфический исторический закон развития последних¹⁰.

Характер капиталистических производственных отношений таков, что, с одной стороны, капиталисты в погоне за прибылью, совершенствуя технику и организацию труда, развивают производительные силы, по это развитие, с другой стороны, вступает в противоречие с условиями реализации, ограниченными характером капиталистического присвоения. Это специфическое для

¹⁰ И. И. Рубин, Предисловие к книге Розенберга «Рикардо и Маркс», с. 42. «Раз возникнув, определенная форма производственных отношений не представляет пассивное отражение производительных сил, а дает форму, дает закон и дальнейшего движения» (Карев, К вопросу о предмете политэкономии, «Под знаменем марксизма» № 5, с. 46). См. также «Проблемы экономики» № 4—5 и «Большевик» № 18, где это определение дано и развито нами. Тов. Борилин, солидаризировавшийся одно время в основном со взглядами И. И. Рубина на предмет политической экономии и теперь отказывающийся от этой ошибки, заявляет, что для нас «изучение производительных сил есть изучение производственных отношений, изучение производственных отношений есть изучение развития производительных сил». Так понимает т. Борилин наше положение: «Изучение социальных закономерностей развития производительных сил и есть изучение производственных отношений». Он упускает из виду, что социальная закономерность развития производительных сил в отличие от естественной закономерности (в смысле естественных наук, технологии и др.) развития элементов производительных сил дается данной общественной формацией, определяется специфическим строем производственных отношений. Социальная закономерность есть такая объективная закономерность, которая зависит от строя общества. Не всякая история есть история общественная, и не всякое преходящее, развивающееся и изменяющееся явление (а так именно изучает в себе явления диалектик) подчинено специфически-социальной закономерности. Нельзя противопоставлять законы общества законам природы, но нельзя и отождествлять законы общественного развития с законами технического развития процесса производства, имеющего, разумеется, свою историю. Неясность в этом вопросе сильно чувствуется у т. Борилина (см. его статью в журнале «Под знаменем марксизма» № 12, 1929, с. 81—83).

капиталистического общества противоречие между производительными силами и производственными отношениями находит свое выражение в кризисах, в классовых противоречиях, которые в конце концов приводят к гибели капиталистический строй. Производственные отношения капитализма таким образом одновременно и своеобразно стимулируют и исторически ограничивают развитие производительных сил. В этом смысле они и являются специфически общественным законом развития последних. Политическая экономия изучает «общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения как форму движения производительных сил данной общественно-экономической формации. Ошибка И. И. Рубина состоит не в том, как думает т. Бессонов, что Рубин не изучает производительные силы наряду с производственными отношениями, а в том, что он (Рубин) не рассматривает производственные отношения как внутреннее строение производительных сил, как форму развития последних. Именно поэтому И. И. Рубин вынужден требовать особой науки для открытия «специфических законов развития производительных сил в капиталистическом хозяйстве» (Рубин). Глубоко ошибочного и ревизионистского понимания предмета политической экономии И. И. Рубиным совершенно не заметил т. Боролин, когда он писал, что «в вопросе о производительных силах и производственных отношениях, о предмете политической экономии Рубин занял позицию защиты старого марксистского определения политической экономии как науки о производственных отношениях» («Под знаменем марксизма», № 12 за 1929 г., с.)11.

Если т. Боролин вовсе не заметил ошибок И. Рубина в этом вопросе, то тт. Бессонов и Кон не поняли характера этих ошибок потому, что у них самих господствует чисто механистическое понимание соотношения формы и содержания. Тов. Кон, полагая, что «форма должна... быть выведена из содержания» (с. 55), следует за т. Бессоновым, который писал, что «вывести специфическую форму из отличного от нее содержания—таков действительный ход мыслей Маркса» («Известия ЦИК», 30/XI 1929 г.). Что ход мыслей Маркса именно таков—этого ни т. Кон, ни т. Бессонов не доказали и доказать не могут. Содержание, по Марксу, в своем развитии не выталкивает новую форму как-то непосредственно из себя. Ни на один момент содержание не превращается в бесформенную материю, и, поскольку оно существует всегда в определенной форме, содержание «полагает» новую форму своего движения из старой, «отвергая» тем самым старую форму. Новые производственные отношения, возникая на определенном уровне развития производительных сил из старых производственных отношений, становятся в свою очередь формой развития производительных сил.

Тт. Кон и Бессонов неоднократно подчеркивают, что производственные отношения являются формой движения производительных сил, но согласно их пониманию взаимоотношения формы и содержания, производственные отношения должны непосредственно выводиться из данного уровня производительных сил. Поэтому производственные отношения фактически рассматриваются ими лишь как пассивный рефлекс последних. Такая ошибка повидному аналогична ошибке И. И. Рубина, но методологические корни ее иные. Если у И. И. Рубина пассивность формы связана с тем, что она рассматривается как внешняя оболочка содержания, то у тт. Кона и Бессонова это покоится на механистическом сведении формы к содержанию, что означает превращение самого содержания в бесформенную материю. И правильно заметил т. Карев, что «диалектический материализм в одинаковой степени отрицает и такое представление, согласно которому содержание и форма тождественны друг другу и которое неизбежно ведет к механистическому миропониманию, и такое их понимание, которое рассматривает со-

держание и форму, как абсолютно оторванные друг от друга, и которое ведет к кантовскому априоризму»¹¹.

В связи с этим следует указать, что непонимание специфического характера экономической структуры нашло в свое время выражение и в немарксистском положении т. Бессонова: «различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда»¹². Так интерпретировал т. Бессонов мысль Маркса, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда—не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех производственных отношений, при которых совершается труд» (Маркс). Для всякого очевидна различная постановка вопроса Марксом и Бессоновым. В то время как по Марксу средства труда являются показателем производственных отношений, по Бессонову само различие экономических структур сводится к различию в степени развития материальных орудий труда. Логика этих мыслей ведет к безнадежным и анигмалектическим попыткам непосредственного выведения специфической общественной структуры из уровня развития орудий труда. Отсюда недалеко до вывода, что паровая машина, например, не чем иным не может быть, как

¹¹ „Под знаменем марксизма“, № 5, 1929, с. 44. Отсюда ясен неокантовский характер методологии И. И. Рубина, ярко выразившийся в его солидаризации с амонновским определением предмета политической экономии: «Политическая экономия имеет «объектом наблюдения» мир хозяйственных явлений во всей его сложности и конкретности. Но для того, чтобы образовать свой особый предмет, или «объект познания», она должна изучать указанные явления с особой социальной точки зрения... Изложенные до сих пор рассуждения Амонна должны быть признаны образцовыми по своей ясности и методологической последовательности» (И. И. Рубин, Современные экономисты на Западе, с. 174—175).

Родство взглядов И. И. Рубина с буржуазным «социальным направлением» находит свое яркое выражение в той положительной характеристике, которую он дал как всему «социальному» направлению в целом (см. «Современные экономисты на западе», предисловие), так и крупнейшим представителям этой школы апологетов капитализма. И. И. Рубин заявляет ни больше ни меньше, что «исходная критическая позиция Штольцама, которая привела его к попыткам полной перестройки экономической теории, в точности совпадает с позицией, которую занял Маркс в своей блестящей глубокой критике триединой формулы „вульгарной экономии“ («Современные экономисты на Западе», с. 93), что Штольцман «местами близко подходит к Марксу» (там же, с. 110), что «Штольцман сознает, что его социальное регулирование „сродни“ установленному Марксом понятию „производственного отношения“ (там же, с. 110) п т. д.

Приходится после этого просто удивляться слепоте, которую обнаруживали некоторые товарищи, заявляя, что когда критики И. И. Рубина пытаются сблизить его с социальным направлением в буржуазной политической экономии, то эти попытки критиков не имеют под собой никакой почвы» («Против механистических тенденций» т. д., ст. тт. Гроблеса, Коровая и Степанова, с. 40). Еще более доверчивый Г. Деборин считал даже, что Рубин «первый не на словах, а на деле повел борьбу с идеалистическим социальным направлением» (там же, с. 129). Идеалистическую ревизию марксизма указанные товарищи приняли за борьбу с идеалистическим социальным направлением. Это объясняется тем, что эти товарищи некритически восприняли ряд немарксистских положений И. И. Рубина как строго марксистские. Среди всех защитников И. И. Рубина особенно выделяется Г. Деборин, который бесспорно является одним из самых последовательных и восторженных учеников И. И. Рубина. В своей рецензии на 3-е издание «Очерков» т. Г. Деборин писал: «Опираясь диалектическим методом, на автор нередко приходил к весьма оригинальным выводам, и совпадающим с распространенной точкой зрения. Однако в большинстве случаев оказывается, что построение И. И. Рубина лучше (кого?!—*Автор*) передает мысль Маркса, лучше соответствует сущности его учения» («Под знаменем марксизма», № 16, 1928, с. 210). До последнего времени Г. Деборин защищал почти без всяких оговорок антиреволюционную, антимарксистскую концепцию И. И. Рубина.

¹² «Проблемы экономики» № 1, с. 142.

капиталом, а электрификация—социализмом. Такая постановка вопроса по существу связана с отрицанием производственных отношений как специфического качества, как особой закономерности, подлежащей изучению в экономической науке. Здесь дело конечно не в употреблении термина «сводится», как думает т. Казанский, усердно доказывающий, что Маркс, Ленин и Плеханов пользовались этим термином. Тов. Казанский фактически не замечает, хотя это и видно из приводимых им самим цитат (см. с. 188), что Маркс, Ленин и Плеханов не предлагали механистически сводить по форме одно качество к другому, как это делает он сам и его товарищ по сборнику т. Бессонов. «Для Энгельса,—говорит А. Деборин,—высшие формы и сводятся, и не сводятся к низшим. Они сводятся по происхождению, но не сводятся по своей форме, по своему качеству»¹³.

Что ошибка т. Бессонова не является ошибкой терминологического порядка, подтверждается его цитированной уже выше статьей. «Ленин не стыдится точно указывать,—пишет т. Бессонов,—какие именно технические особенности специфически характеризуют каждую из этих трех стадий капитализма,—и в заключение прибавляет». «В связи с различными укладами техники мы видим различные стадии развития капитализма» (Ленин) (см. рец. сб., с. 28). Как обычно случается с т. Бессоновым, он и на этот раз из правильного положения Ленина, что «в связи с различными укладами техники мы видим различные стадии развития капитализма», сделал неправильные выводы. Верно, что различные стадии капитализма связаны с различными укладами техники, но нигде Ленин не утверждал, что специфическая характеристика каждой стадии состоит в ее технических особенностях. Качественная особенность простого товарного хозяйства, как первой ступени капитализма, в отличие от развитого капитализма, не сводится, например, к различию в характере орудий труда. На первой ступени капиталистического производства при простой кооперации орудия труда остаются ремесленными орудиями. Различие между простым товарным производством и капиталистическим состоит в различном характере производственных отношений, который предполагает, разумеется, различие в уровне развития производительных сил¹⁴. «Организация труда в современной механической мастерской,—говорит Плеханов,—определяется нынешним состоянием техники и характеризует собою состояние производительных сил, а вовсе не хозяйственный порядок нынешнего (капиталистического общества), который характеризуется прежде всего и главным образом свойственными ему имущественными отношениями» (Плеханов, т. XI, с. 160). Таким образом специфичность экономической структуры нельзя

¹³ «Летописи марксизма» № 5, с. 18.

¹⁴ Нечего и говорить, что при неизменных орудиях труда уровень развития производительных сил труда может быть различным в зависимости от отношений производства. Сравнение колхозов, опирающихся на простое сложение старых орудий труда и рабочих сил, с индивидуальным крестьянским хозяйством убедительно доказывает это. Производительность труда и в таких колхозах гораздо выше, чем в последнем, на что справедливо указывает т. Сталин. Вместе с тем коллективное хозяйство требует для своего дальнейшего развития адекватной технической базы: трактора, комбайна, искусственных удобрений и т. д., что стимулирует развитие нашей промышленности по этому пути. Разумеется самый переход к коллективизации обусловлен социалистическим способом производства на наших госпредприятиях, способствовавшим быстрому подъему нашей госпромышленности на такой уровень развития, который, с одной стороны, обеспечивает для широкой, сплошной коллективизации минимально необходимую базу машинной техники и, с другой стороны, не может основываться сколько-нибудь продолжительный исторический период на индивидуальном крестьянском хозяйстве как преобладающей форме сельскохозяйственного производства.

свести к равличиям в развитии техники. Развитие техники характеризует уровень развития производительных сил, но производственные отношения непосредственно не сводятся к данному уровню производительных сил, а тем более техники, и не выводятся из них. Иначе представляли себе как известно, дело народники, считавшие капиталистическим только крупное машинное производство и противопоставлявшие этому производству кустарные промыслы как «народную», некапиталистическую промышленность. Доказывая, что в кустарной промышленности налицо преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу, Ленин пишет: «друзья народа так свободно обходят подобного рода факты» помимо их стремления «замазывать антагонизм классов и эксплуатацию трудящихся в России» еще потому, что в своем понимании капитализма они не ушли дальше обыденных вульгарных представлений—капиталист—богатый и образованный предприниматель, ведущий крупное машинное хозяйство,—не хотят знать научного содержания этого понятия (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. I, с. 119—120). Народники сводили капитализм к определенному уровню техники, к крупному машинному производству. Тов. Бессонов приближается к народническим взглядам, извращает Маркса и Ленина, не хочет знать специфических особенностей данной экономической структуры.

Нельзя не отметить также, что ошибки, допущенные в сборнике «Рубинщина или марксизм?» по вопросу о предмете политической экономии и взаимоотношении производительных сил и производственных отношений, не исчерпываются статьей т. Бессонова. Они усугубляются рядом положений других авторов сборника. В 3-м издании своего «Курса» т. Кон усиленно подчеркивает, что «политическая экономия изучает производство в буржуазной форме». Это определение не может быть признано удачным. У Маркса мы нигде не найдем таких определений. Маркс говорит, что предметом исследования является материальное производство, что мы имеем дело с буржуазным производством и т. д. Маркс понимает в этой связи под «буржуазным производством» общественный строй производства. Ленин разъясняет, что политическая экономия смотрит на «производство», как на общественные отношения по производству (Ленин, т. II, с. 210). Тов. Кон еще утверждает, что «производство в буржуазной форме» он понимает как «систему производственных отношений капиталистического общества» («Курс», изд., 3-е, с. 10). Но его последователи явственно смешивают технический процесс производства (производство потребительных стоимостей) с общественным строем производства. Ошибка последователей т. Кона несомненно подготовлена тем, что он различие между политической экономией и технологией сводит к субъективной смене «точек зрения» на единый объект—материальное производство.

«Материальное производство людей,—заявляет т. Кон на с. 5 третьего издания своего «Курса»,—изучается как техническими, так и экономическими науками. Однако технические науки интересуются (?) материальным производством с одной точки зрения, а экономические—совсем с другой». «Ошибка „богдановской“ терминологии выступает наружу,—писал Ленин по поводу методологически аналогичных ошибок т. Бухарина,—субъективизм, солипсизм. Не в том дело, кто рассматривает, кому „интересно“, а в том, что есть независимо от человеческого сознания» («XI Ленинский сборник», с. 385). Тов. Кон и его последователи не могут понять, что технологический процесс и экономическое развитие объективно различаются как разнородные формы движения и потому составляют качественно определенные предметы двух разных наук.

Такое непонимание данной проблемы наиболее отчетливо выступает в статье т. Лаптева: «Маркс не сводит,—пишет он,—капиталистическое производство ни к «материально-техническому производству», ни к одним производственным отношениям. Капиталистическое производство он рассматривает как единство производства потребительных стоимостей (т. е. производства как отношения человека к природе), производства стоимости и прибавочной стоимости и производства и воспроизводства самих капиталистических отношений. Исключите из этого единства одну из его органических составных частей—и вы не подучите того понятия о капиталистическом производстве, которое дал Маркс. Капиталистическое производство представляет единство всех вышеуказанных моментов, и только во всем данном богатстве определений и может быть о нем речь. Если вы возьмете только одну из сторон капиталистического производства, у вас будет только эта сторона, а не капиталистическое производство. И понимаемое только вышеуказанным образом буржуазное производство Маркс взял фактической темой «Капитала»»¹⁵.

Единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, о котором говорит Маркс, расщепляется здесь на стороны, составные части, и процесс труда берется отдельно, как производство потребительных стоимостей. Это последнее объявляется составной частью предмета политической экономии. Так разъясняет т. Лаптев Маркса. Согласно этому разъяснению темой «Капитала» являются не только производство, понимаемое как «общественные отношения по производству» (Ленин), но и производство «как отношение человека к природе» (Лаптев). «Общественные отношения по производству» и «отношение человека к природе» т. Лаптев рассматривает как две «стороны» капиталистического производства, и «единство» обеих так понимаемых «сторон» он предлагает изучать в политической экономии. Тов. Лаптев не видит, что при таком понимании «сторон» не может быть и речи об их единстве, что единство как раз и состоит в таком соединении «сторон», которое чуждо т. Лаптеву. У товарища Лаптева вместо единства и противоречия получается механическое и механистическое смешение различных форм движения. Маркс разъяснил, что «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни» изучается технологией, т. Лаптев, рассматривая его как «сторону» капиталистического производства, включает и эту «сторону» в предмет изучения политической экономии.

Такое смешение предмета технологии с предметом политической экономии связано у т. Лаптева с неправильным пониманием положения Маркса, что «предметом исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»¹⁶. Это неоднократно повторяемое Марксом положение толкуется т. Лаптевым таким образом, будто «Маркс всюду проводит различие между способом производства и производственными отношениями» (с. 120). Тов. Лаптев заменил в положении Маркса «капиталистический способ производства» просто «способом производства». Маркс очень часто употребляет термин «способ производства» в чисто техническом смысле. Термин Маркса «капиталистический способ производства» в данной связи не может быть противопоставлен пониманию Лениным «капиталистического производства» как общественных отношений по производству. Тов. Лаптев с таким пониманием Маркса и Ленина не согласен; «если бы он (Маркс — *Авторы*),—пишет т. Лаптев дальше,—как думают теперь некоторые его интерпретаторы,

¹⁵ «Рубинщина или марксизм?», с. 121—122.

¹⁶ Предисловие к I тому «Капитала».

рассматривал производство только как «систему производственных отношений», тогда было бы совершенно непонятно, почему Маркс, включив в предмет своего исследования капиталистический способ производства, считал тем не менее необходимым добавить (!) еще и производственные отношения, соответствующие этому способу производства» («Рубинщина или марксизм?», с. 121). Во-первых, Маркс нигде не говорит о «добавлении» производственных отношений. У него речь идет о «капиталистическом способе производства и соответствующих ему отношениях производства и обмена». Во-вторых, то, что т. Лаптеву это «непонятно», не дает ему еще права утверждать, будто Маркс, говоря здесь о капиталистическом способе производства, имеет в виду не общественные отношения по производству, а единство двух лаптевских «сторон».

Капиталистический способ производства или капиталистическое производство, как неоднократно говорил Маркс, включает в себе единство моментов процесса производства и процесса обращения. Поэтому, говоря о капиталистическом способе производства, Маркс различает далее отношения производства и отношения обмена. В I томе «Капитала» Маркс исследовал отношения производства капитала, во II томе отношения обращения капитала, и наконец в III томе он рассмотрел «процесс капиталистического производства, взятого в целом» (см. подзаголовки соответствующих томов «Капитала»). Когда Маркс говорит о соответствующих капиталистическому способу производства отношениях производства и отношениях обмена, он их рассматривает как моменты капиталистического способа производства, как различия внутри единства данной экономической структуры.

Ошибка П. П. Рубина в анализе капиталистического способа производства состоит не в том, что он его рассматривает как общественный строй производства, как совокупность производственных отношений, а в материалистическом, антидиалектическом понимании самих производственных отношений. «Их (Маркса и Энгельса—*Авторы*) основная идея,—говорит Ленин,—состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания людей, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» (Ленин, т. I, изд. 3-е, 71). Под материальными общественными отношениями, т. е. производственными отношениями, Маркс и Ленин понимают те общественные отношения, которые складываются «помимо воли и сознания людей». Ревизуя Маркса, И. И. Рубин рассматривает производственные отношения как сознательный продукт действий субъектов хозяйства. Идеалистическое извращение основ марксизма приводит его к отождествлению производственных отношений с договорными отношениями купли и продажи, в которых товаропроизводители выступают только как владельцы вещей, чья воля царит в этих вещах. Производственные отношения товарно-капиталистического общества И. И. Рубин рассматривает как отношения «владельцев вещей», как отношения равноправных субъектов хозяйства. Именно поэтому характеристику производственных отношений И. И. Рубин непосредственно выводит из особенностей правовой организации общества, смешивая тем самым правовые и производственные отношения. Вполне законно желание авторов сборника критиковать антимарксистское «социологизированное» понимание производственных отношений И. П. Рубиным. Однако авторы сборника сами фактически скатываются к вульгарному пониманию материальности производственных отношений и не могут поэтому выполнить такой задачи.

Тов. Кон пишет: «если же рассматривать производственные отношения как содержательные формы, то нужно признать, что содержанием их

являются общественный процесс материального производства, производительные силы в действии и движении. И в качестве форм, имеющих материальное содержание, они и рассматриваются нами как материальные» («Рубищипа или марксизм?», с. 59) Таким образом по т. Кону производственные отношения сами по себе не материальны, а их материальность определяется материальностью производительных сил. Мы, оказывается, только рассматриваем производственные отношения как материальные благодаря тому, что они имеют материальное содержание.

Материальность содержания еще не есть доказательство материальности формы. Тов. Кон не понимает, что производственные отношения материальны потому, что это отношения, объективно складывающиеся в общественном процессе воспроизводства, помимо воли и сознания людей,—объективная реальность, определяющая человеческое сознание, идеи, представления.

Не следует конечно смешивать материальных отношений производства с категориями политической экономии, с объективными формами мысли для данных, специфически определенных производственных отношений. Такое смешение имеется у т. Борилина, заявляющего, что политическая экономия изучает экономические категории, хотя он сам говорит, что экономические категории суть лишь теоретическое выражение общественных отношений производства (см. цит. статью, с. 77 и 79).

Неправы и авторы сборника «Рубищипа или марксизм?» и в вопросе о товарном фетишизме. Отрицают специфическое, несводимое по форме качество производственных отношений, они не понимают также и специфических особенностей производственных отношений товарно-капиталистического общества, фактически игнорируют необходимость овеществления этих последних. Тов. Бессонов заявляет, например, что форма производства, а отнюдь не «социальные формы вещей, была подлинным предметом исследования Маркса» («Рубищипа или марксизм?», с. 11). Также взаимоисключающее противопоставление не может быть признано правильным. Общественная форма продукта есть необходимая форма проявления производственных отношений данного общества. Овеществление производственных отношений, то, что они являются как вещи, есть следствие специфического строения товарного производства, объективно обусловленный факт. Иначе производственные отношения и не могут являться в товарном хозяйстве. Именно поэтому вещные категории политической экономии суть «общественно-значимые, следовательно объективные формы мысли в рамках производственных отношений данного исторически-определенного способа производства — товарного производства» (Маркс, Капитал, т. I, изд. 1927, с. 34). Мнение т. Бессонова покоится на неверном представлении о роли «вещей» в товарно-капиталистическом хозяйстве, на смешении экономических форм вещей с их отражениями в человеческой голове, с категориями. «Маркс никогда не ставил перед собой задачу,—пишет т. Бессонов,—изучения «социальных форм вещей». Он говорил, как известно, о вещной форме проявления производственных отношений, как о специфической особенности товарно-капиталистической формы производства» (там же, с. 11). Разве все дело сводится к тому, что в товарном хозяйстве производственные отношения только проявляются в вещах? Ведь характер экономической структуры товарного общества таков, что движение производственных отношений осуществляется только через движение вещей как товаров, что продукты труда принимают форму стоимости. Такие «вещи» не только проявляют, но и реализуют производственные отношения. «Отдельные частные работы фактически реализуются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отно-

шения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями» (Маркс, Капитал, т. I). Эта «способность» вещей-стоимостей¹⁷ устанавливать отношения между участниками процесса обращения есть форма реализации производственных отношений, тех отношений, которые существуют между участниками товарного производства, и в то же время условие дальнейшего функционирования последних. Именно поэтому обмен товаров является необходимым моментом движения производственных отношений товарно-капиталистического общества, придавая им «implicite» (скрыто и потенциально) их «специфический характер». В отношении купли и продажи товаропроизводители выступают только как владельцы вещей. Но это не дает оснований для взаимноисключающего противопоставления («не как»... «а как») людей, как владельцев вещей, людям, как участникам общественного процесса производства, что имеет место у И. И. Рубина. Именно потому, что в процессе производства люди являются товаропроизводителями, они выступают друг для друга только как товаровладельцы и вступают между собой в отношения купли и продажи. У И. И. Рубина постановка вопроса о роли обмена покоится на статическом подходе к производственным отношениям¹⁸. Он видит только «владельцев вещей», замечает, что вещи «устанавливают», «создают» рыночные договорные отношения между людьми и не замечает, что это свойство вещей создавать отношения между агентами обращения есть форма движения производственных отношений. В результате у него производственные отношения перемещаются в сферу обмена, которая извне кладет печать на процесс производства¹⁹. Если обмен представлен И. И. Рубиным в неверном извращенном виде, если у него господствует немарксистское представление о роли вещей в товарном хозяйстве, то это не дает еще основания утверждать, что Маркс изучает «форму производства, а отнюдь не социальные формы вещей». Мы вправе спросить т. Бессонова, как можно изучать общественный строй производства товарного хозяйства, не

¹⁷ Маркс говорит Wertding—вещь-стоимость (Marx, Capital, 14 A. S. 14).

¹⁸ Статический подход характерен для автора «Очерков». Задача научного исследования, по его мнению, заключается только в том, чтобы точно формулировать законы равновесия и распределение труда, какой бы вид эта формула ни принимала («Очерки», с. 252). Экономические законы И. И. Рубин формулирует как законы равновесия: «закон стоимости,—говорит он,—есть закон равновесия товарного общества («Очерки», с. 78). Идеализм рубинской концепции не дает ему быть последовательным диалектиком и приводит И. И. Рубина к ряду антидиалектических, механистических положений.

¹⁹ Глубоко неправ поэтому т. Борилан, когда он заявляет, что «не следует считать правильным обвинение И. И. Рубина в меновой концепции» («Под знаменем марксизма» № 12 за 1929 г., с. 110).

Производственные отношения растворяются И. И. Рубиным в отношениях обмена, отождествляются последними. Отсюда логический вывод, что с исчезновением отношений купли и продажи исчезнут не только производственные отношения, специфически характерные для товарного хозяйства, но исчезнут всякие общественные производственные отношения и технический остов производства выступит в «голом виде». В одном из немногих мест, в которых И. И. Рубин касается советской экономики, он становится пменно на эту точку зрения. Так в своей статье в «Проблемах экономики» № 4—5 Рубин характеризует переходную экономику как «переходный период от капиталистического хозяйства к социалистическому, когда действительно спадает фетишистическая стоимостная оболочка труда и обнажается материальный остов общественного производства» (с. 144—145). Верно конечно, что в переходную эпоху происходит процесс сбрасывания «фетишистической оболочки», однако нельзя же на этом основании «обнажать» процесс производства от всякой специфической исторически общественной закономерности. Здесь И. И. Рубин прыгает к т. Бухарину, к сформулированному последним положению, что закон трудовых затрат сбрасывает в социалистическом обществе свое греховное ценностное белье и выступает непосредственно в голом виде.

изучая одновременно форму движения производственных отношений в этом хозяйстве. Отказ т. Бессонова от изучения «социальных форм вещей» свидетельствует, что его представление о роли обмена в товарно-капиталистическом обществе далеко не ясно. Непонимание роли обмена характерно и для т. Кона, который, критикуя И. И. Рубина, абсолютно противопоставляет классовые отношения товарному обращению, не понимая того, что отношения между капиталистом и рабочим вырастают из простого обращения товаров и, развивая его далее, постоянно опосредствуются обменом рабочей силы на капитал. Тт. Бессонов и Кон не замечают, что все производственные отношения специфические для товарно-капиталистического хозяйства опосредствуются обменом, и в этом смысле обмен товаров является основным отношением этого хозяйства. Ленин в своем фрагменте «К вопросу о диалектике» пишет: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (геср. зародыши в сех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца» (Ленин, т. XIII, с. 302). Такая постановка вопроса не имеет, разумеется, ничего общего с антимарксистским положением И. И. Рубина: «Исследование процесса обмена, его общественной формы и его связи с производством товарного общества составляет по существу предмет марксовой теории стоимости» («Очерки», с. 95). Маркс исследует производство (общественные отношения по производству) товарного хозяйства и естественно начинает свое исследование с анализа товара и его противоречий, вскрывает двойственный характер труда в товарном хозяйстве и показывает, как эти противоречия развиваются и разрешаются процессом обращения.

Анализ противоречия товара—зародыша всех противоречий современного общества—и развитие форм стоимости у Маркса раскрывает нам сущность товарного обращения и неизбежно приводит нас к деньгам, к капиталу как самовозрастающей стоимости, к отношениям эксплуатации, ко всеобщему закону капиталистического накопления, являющемуся законом классовой борьбы, законом развития и гибели капиталистического общества.

Явно неверно, недиалектично поэтому противопоставлять закон стоимости, как «закон равновесия и существования капитализма», закону прибавочной стоимости, как закону гибели капитализма. Закон стоимости есть закон движения товарно-капиталистической системы и в пространстве и во времени. Развитие товара и есть развитие противоречий капитализма, ведущих его к гибели. Нельзя поэтому противопоставлять структурный анализ законов капитализма анализу законов его гибели.

Противопоставление структурного анализа каузальному характерно для И. И. Рубина. «Надо принять во внимание,—говорит он,—отличие структурного анализа от каузального» (Рубин, Абстрактный труд и стоимость, с. 90). Тов. Бессонов вместо методологической критики этой постановки вопроса фактически ее приемлет и из нее исходит. Тов. Бессонов противопоставляет стоимость и цену производства, регулирующие рыночный обмен и относящиеся, по его мнению, к структурному анализу капитализма, к законам производства и распределения прибавочной стоимости, как законам гибели капитализма (см. с. 21 и 22 сборника «Рубинщина или марксизм?»). Не приходится доказывать механистический характер этого противопоставления. Только механисты противопоставляют регулятор экономической системы, как закон равновесия, закону движения этой системы. Они не понимают, что равновесие есть мо-

мент движения, что закон движения хозяйственной системы есть и закон относительной пропорциональности отдельных элементов общественного процесса воспроизводства.

Если в вопросе о предмете политической экономии, в понимании взаимоотношения производительных сил и производственных отношений, формы и содержания, авторы сборника не извлекли никаких уроков из дискуссии и остались на своих механистических позициях, то в вопросе об абстрактном труде они пытаются свести эти уроки на-нет и замазать ревизионистский характер своих ошибок. Тов. Кон жалуется на то, что его неправильно поняли в результате употребляемой им терминологии (см. с. 74). Но раз весь вопрос в терминологии, то дело поправимо: можно от нее отказаться. Тов. Кон так и поступил. «Для того, чтобы застраховать себя от подобных искажений,—пишет он,—я в третьем издании своего «Курса» отказываюсь от этой терминологии и именую то, что называл «абстрактным трудом» — трудом вообще, а труд, создающий стоимости, абстрактным трудом» («Рубинщина или марксизм?», с. 77).

Отметим прежде всего, что «труд вообще», т. е. затрату человеческой рабочей силы, однородной в физиологическом смысле, взятую как часть совокупного общественного труда, нельзя рассматривать энергетически, как это делает т. Кон. «В стоимости находит отражение самый факт, что на производство товара затрачен труд, что производство стоило определенной массы затрат физиологической энергии человека» («Курс», изд. 2-е, с. 20). Затрата физиологической энергии не всегда является у человека трудом, целесообразной производительной деятельностью. Затрата физиологической энергии обща человеку с животными и лишена качества общественного явления. Этого т. Кон, поднав под влияние механистической методологии, не замечает. Напрасно он думает далее свести свою ошибку в вопросе об абстрактном труде к неудачной терминологии. В предисловии к 3-у изданию своего «Курса» т. Кон заявляет, что он лишь во избежание «навязывания» ему ошибок считает необходимым «ограничиться в «Курсе политической экономии» рассмотрением вопроса о двойственности труда только в условиях менового общества» (с. 4). Значит т. Кон считает двойственность труда общей всем формациям общества и категорией над исторической. Это свидетельствует о непонимании т. Коном сущности своих ошибок в трактовке абстрактного труда. Что это именно так, видно из приводимых самим т. Коном цитат из его «Курса». «Не следует думать,—писал он там,—что понятие абстрактного труда применимо только к меновому обществу. Всюду, где возникает необходимость соизмерения различных видов труда, приходится прибегать к помощи понятия абстрактного труда» («Курс», изд. 2-е, с. 20). «Абстрактный труд в его специфической меновой общественной форме, или, говоря иначе, труд, создающий стоимости, есть историческая категория, свойственная только меновому обществу» (там же, с. 26). Заменяем старую терминологию т. Кона новой—и мы увидим, что понимание абстрактного труда не становится от этого у него правильным. Неверно, что «всюду, где возникает необходимость соизмерения различных видов труда, приходится для этого прибегать к помощи понятия(?) абстрактного труда», или,—по «новой» терминологии,—«труда вообще». Под соизмерением труда марксистами всегда понималось общественное его соизмерение, т. е. приведение различных видов труда к их общественной мере, к специфической пропорциональности, присущей данному обществу. Это соизмерение или «приравливание» происходит в социалистическом обществе и первобытной крестьянской общине как раз без помощи объективного выражения труда, как «труда вообще», на основе непосредственного учета потребностей и необходимых для

их удовлетворения масс конкретного труда. «Определенный труд отдельных лиц в его натуральной форме, особенный, а не всеобщий характер труда образует здесь общественную связь». Здесь общественный характер труда опосредствован очевидно не тем, что «труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, а продукт его—форму всеобщего эквивалента»²⁰. По мысли же т. Кона во всех общественных формациях с развитой и расчлененной системой труда последний включается в общественную систему через соизмерение и приравнивание различных видов труда, как труда вообще. Отличие товарного хозяйства от всех других общественно-экономических формаций состоит по т. Копу только в том, что в нем это приравнивание происходит в вещной форме. Здесь у т. Кона происходит чисто механическое присоединение специфической общественной формы к какому-то надисторическому содержанию—труду вообще. Он смешивает «помощь понятия», т. е. то, что люди думают, с действительностью. Одно дело, когда люди прибегают к «помощи понятия» «труда вообще», другое дело, когда «труд вообще», независимо от всякой «помощи понятия», в результате производственных отношений, существующих помимо понятия, помимо сознания людей, становится объективной общественной формой труда. Общечеловеческий характер труда или «труд вообще» действительно применим ко всем эпохам, но там он существует только как всякое общее, т. е. только в частном, только в конкретных видах труда. Что члены социалистического общества будут мыслить при помощи понятий и понятие «труда вообще» будет находиться в том числе, не подлежит сомнению. Но какую помощь будут им эти понятия оказывать, безразлично для материалиста-диалектика, который исследует не то, что люди думают, а то, как они действуют. «Исходным пунктом для нее (для марксовской критики политической экономии—*Аutors*) может служить никак не идея, но только внешнее объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом» (Маркс, Капитал, т. I, изд. 1927, с. XXXIX, текст дан по Ленину, Собр. соч., т. I, пзд. 2-е, с. 83). Специфически общественная форма труда в товарном хозяйстве состоит в том, что здесь равенство труда как затрат однородной человеческой рабочей силы выступает в противоположность конкретному труду и как бы наряду с ним и поэтому в виде всеобщего эквивалента. Такая специфическая форма необходима для «соизмерения» труда, т. е. для его обобществления лишь в товарном хозяйстве.

По Марксу абстрактный труд существует лишь в товарном хозяйстве, в котором равенство труда как затрат одной и той же человеческой рабочей силы выступает как специфически общественная форма труда. Лишь в товарном хозяйстве это равенство становится общественной формой труда, т. е. абстрактным трудом. Понятие абстрактного труда выражает это и ничего более; тем самым оно отличается от понятия труда вообще²¹.

²⁰ Маркс, Критика политической экономии, с. 67.

²¹ Такое понимание абстрактного труда ничего общего не имеет не только с вульгарно-физиологическими взглядами, развивавшимися т. Коном, но и с эклектическим пониманием т. Бориллина, который писал, что «физиологические затраты превращаются в абстрактный труд. Можно сказать, что физиологические затраты присутствуют в абстрактном труде, но они даны в нем в снятом, в превращенном виде, они даны в нем в ином качестве. В этом и только в этом смысле присутствует физиологическая затрата, энергии (!) в категории (!?) абстрактного труда» («Под знаменем марксизма» № 12 за 1929, с. 102). Таким образом т. Бориллин включает энергию, правда, «снятую», но все-таки энергию, в абстрактный труд

Мы не могли остановиться на целом ряде других ошибочных положений, которыми изобилует сборник «Рубинщина или марксизм?», но и приведенного достаточно, чтобы убедиться, что авторы сборника своих ошибок не поняли, не поняли, что это ошибки по преимуществу механистического порядка. Мы не могли подвергнуть, далее, критике все остальные статьи сборника, точно также заключающие ряд ошибочных положений. И бесплодно заверение т. Кона, что он и его товарищи «не питают никакой склонности к этому антимарксистскому течению» (с. 52). Мы охотно верим, что субъективно авторы сборника хотят бороться против механистического направления и идеалистического извращения марксизма И. И. Рубиным, но методологическая установка тт. Кона, Бессонова и других лишает их возможности это субъективное желание претворить в жизнь. Сборник «Рубинщина или марксизм?», вопреки мнению его авторов, есть воплощение механистических тенденций в политической экономии, возглавляемых т. Бухариным. То, что эти тенденции прикрыты в рецензируемом сборнике односторонней борьбой с рубинщиной, не меняет сути дела.

Решительная борьба с системой механистических ошибок тт. Кона, Бессонова и других остается крайне актуальной, и только в этой борьбе возможно успешное преодоление ревизионистской концепции И. И. Рубина. Рецензируемый сборник наглядно иллюстрирует отрыв дискуссии от практики, от проблем, во весь рост стоящих перед марксистами-ленинцами. Корень этого величайшего недостатка в том, что извращение метода Маркса, измена диалектическому материализму закрывает исследователю путь к действительности и ведет его в тупик схоластики; схоласт смешивает бесплодную игру понятиями с теми тонкостями исследования, от которых зависит все понимание и которые Маркс сравнивает с «мелочами», исследуемыми микроскопической анатомией. Схоластическая игра понятий в равной степени характеризует и механистическую концепцию т. Бухарина и антиреволюционную «социологизированную» ревизию Маркса И. И. Рубиным. Поэтому-то товарищи, исходившие в дискуссии из этих неправильных методологических установок, занимались подчас чисто терминологическими упражнениями. Признание ими своих ошибок дает возможность покончить с этими извращениями теоретической работы и поставить перед ней задачи, диктуемые насущными потребностями нашего строительства и дальнейшим развитием мирового кризиса капитализма. Полное преодоление механистической и идеалистической ревизии марксизма будет способствовать ортодоксальной разработке актуальных проблем советского хозяйства и современного империализма, в которой метод Маркса—Ленина будет обогащен содержанием нашей эпохи и тем самым развит далее. Таков должен быть итог дискуссии по основным проблемам политической экономии.

Г. Абезгауз

Г. Дукор

Д. Меврзон.

тем самым он пытается эклектически соединить Кона и Рубина. Эта попытка построения «оригинальной» теории абстрактного труда у него сочетается с положительной оценкой идеалистической теории абстрактного труда И. И. Рубина. «В вопросе об абстрактном труде, — пишет т. Ворилина, — Рубин дал чрезвычайно ценную (?) и интересную разработку проблемы с марксистской (?) точки зрения; он чрезвычайно глубоко (?) выяснил социальные и исторические особенности категории абстрактного труда» (там же, с. III).

Формулировки последней статьи тт. Милюткина и Ворилина, разумеется, снимают эти ошибки (см. примечание в начале настоящей рецензии).

О Т Р Е Д А К Ц И И.

После сдачи номера в печать вышел второй номер журнала „Большевик“, где помещена статья т.т. Мплютнна и Борплнна с примечанием редакции „Большевика“,

Солндарнзпруясь целнкком с содержаннем этого примечаннн, редакцнн счнтает необходнмым прнвестн его полностью:

Редакцнн „Большевнка“ счнтает правнльнымн основные положеннн стнтьн т.т. Мплютнна п Борплнна

Редакцнн счнтает нужным особо подчеркнуть неотложную, настойчнвую необходнмость перенесеннн центра тяжести теоретнческой работы на изученне проблем соцналнстнческого стронтельства п современного импернализма. Коренным недостатком днскусснн в полнтической эконормнн явлнется ее оторванность от практикн, от жнвой действнтельности. Это обстоятельство не только сннжает уровень п результаты днскусснн, но п заводит ее в тупнк, превращает ее, в значнтельной степени, п бесплодные, схоластнческие споры, ведет к разрыву с маркнстско-ленннским методом.

Борьба за маркнстско-ленннскую теорню п метод Маркса п Леннна возможна лпшь в процессе изучения советской эконормнн п современного этапа развитнн мирового капитализма. Между тем, именно к этнм вопросам не было вниманнн со стороны наших теоретннков-эконормнстов. Проходнвшая же днскусснн еще больше отвлекла силы п вниманне эконормнстов от этнх актуальнейшнх вопросов современности, направнв их по пути голой абстракцнн п чистой схоластнкн. П в значнтельной степени в силу этого образовался тот „разрыв между практнческими успехамн п развитнем теоретнческой мысли“, которнй отмечал т. Сталин в своей речи на конференцнн аграрннков-маркнстсов.

Поэтому теоретнческая мысль наших эконормнстов вместо того, чтобы давать „практикам силу ориентировкн, ясность перспектнвы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела“, в значнтельной степени плелась в хвосте событий, не всегда даже регнструрун факты прошлого.

Отмечая, что значнтельная часть эконормнстов-коммунстов не сумела правнльно поставнть вопрос борьбы с буржуазными п мелкобуржуазными взглядами в теоретнческой эконормнн, редакцнн счнтает, что как механнстическая, так п идеалнстнческая концепцнн в вопросах теоретнческой эконормнн, несмотря на их кажущуюся протнвоположность, птаются из одного источннка. Обе уходят свопми корнями в неокантнанство — офнцнальную идеологию международного меньшевнзма; обе одинаково враждебны маркнзму. П потому не чем иным, как полнтическим п теоретнческим недомыслнем, следует счнтать попытку ставнть вопрос: каковая из этнх теорнй „хуже“.

Поэтому необходнмо вестн решнтельную борьбу как с механнстической концепцней в вопросах теоретнческой эконормнн, так п с непосредственно идеалнстической меньшевнстской ревнзней маркнзма, носителем п выразнтелем которой явлнется И. Рубнн.

Механнстическая ревнзнн эконормического ученнн Маркса-Леннна свопми корнями уходит в богдановщнну. Наиболее ярким представнтелем этой ревнзнн явлнются внутрн партнн т. Бухарнн п его школа (Айхенвальд, Марецкнй п др.), которне на механнстической основе формнровали идеологию правого уклопа. Система-

тически допускавшиеся рядом товарищей (Бессонов, Кош и др.) ошибки механистического порядка смыкаются с теоретическими ошибками правых оппортунистов, — хотя часть экономистов-коммунистов, стоящих на механистических позициях в теории, активно выступает за политическую линию партии и активно борется против правого уклона. Однако отделять политику от теории в такой „партийной науке как политическая экономия“ (Ленин) — величайшая непоследовательность. Механисты в политической экономии обнаружили, что антиленинская сущность их методологии логически ведет к оппортунистическим политическим выводам.

Редакция отмечает, что т.т. Бессонов и Кош в специальном заявлении в „Большевик“ заявили о полном признании допущенных ими в борьбе против Рубина механистических ошибок и заявили также, что они в основном присоединяются к статье тт. Милютина и Борилина.

Теоретические работы И. Рубина, — отражая меньшевистскую концепцию их автора, — выхолащивают революционное содержание марксизма и диалектический материализм Маркса и Ленина подменяют мешаниной из откровенно идеалистических и механистических построений. Занимая определенную антиреволюционную политическую позицию, И. Рубин уклоняется от исследования проблем советского хозяйства и изучения современного империализма, „эмигрируя“ от живой действительности, практики социалистического строительства и революционной борьбы мирового пролетариата в область абстракции и схоластики.

И несомненно, большую ошибку делают те товарищи (Борилин, Леонтьев и др.), которые, в основном правильно пачулав механистическую опасность в политической экономии, не сумели правильно пачупать опасность антимарксистских построений И. Рубина. Оказавшись в плену у рубинщины, они выдавали антимарксистские взгляды И. Рубина, как „углубляющие наше понимание марксистской политической экономии“ (Борилин), как „развивающие и углубляющие“ марксову политическую экономии (т.т. Коровой, Гребле и др.), как базирующиеся „на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина“ (Леонтьев), как „строго марксистские“ и т. д. Таким образом, вместо разоблачения антимарксистских взглядов И. Рубина они выступили фактически их защитниками, способствуя их распространению. Признание сперва „отдельных неточностей“ и „спорных“ формулировок у И. Рубина, а затем наличия „системы идеалистических ошибок“, наряду с оценкой его работ как „строго марксистских“, не может быть характеризовано иначе, как непоследовательность, как эклектизм.

В связи с этим, редакция отмечает ошибочность позиции, занятой журналом „Под знаменем марксизма“, который печатал как статьи И. Рубина, так и статьи его защитников в редакционном, а не дискуссионном порядке, и тем самым взяла на себя ответственность за взгляды, развиваемые и защищаемые И. Рубиным.

Одновременно должны быть отмечены и ошибки, допущенные журналом „Проблемы экономики“, печатавшем в редакционном порядке отдельные статьи („Несколько замечаний о теории организованного капитализма“), хотя и направленные против теоретических взглядов представителей правого уклона, но фактически критиковавшие их с бухаринских же позиций.

Оторванность дискуссии по вопросам теоретической экономии от практики и живой действительности находит свое выражение, наконец в том факте, что из поля зрения дискутирующих сторон выпал троцкизм, меньшевистская концепция которого представляет одну из серьезнейших опасностей как в деле социалистического строительства, так и во всей революционной борьбе мирового пролетариата.

Редакция констатирует, что, к сожалению, Коммунистическая академия до настоящего времени оказалась в стороне от дискуссии, не руководила ею и в этом отношении не выполнила своей роли руководящего теоретического центра, на обязанности которого лежит в первую очередь разработка теоретических проблем экономики, особенно советской экономики. Между тем, именно в этой дискуссии руководство со стороны Коммунистической академии было особенно необходимо. Надо надеяться, что Коммунистическая академия сделает все нужное, чтобы усилить

и направить теоретическую работу в политической экономии в соответствии с задачами и интересами международной социалистической революции.

Редакция считает, что печатаемой статьей т.т. Милютина и Бориллина дискуссия должна быть закончена и призывает экономистов-коммунистов переключиться на изучение вопросов социалистического строительства и империализма; такая теоретическая работа имеет огромное значение для строительства социализма в нашей стране и для всего дела мирового коммунизма.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ».

В № 12 «Проблемы экономики» помещено наше письмо в редакцию по вопросам закончившейся теоретико-экономической дискуссии. Письмо это, написанное в декабре 1929 г., появилось с большим опозданием. Изложенная там установка не является правильной и повторяет ошибки, совершенные нами в течение истекшей дискуссии, правильно отмеченные в статье т.т. Милютина и Бориллина в примечании редакции «Большевика» к нему.

С коммунистическим приветом

Б. Борилин
А. Леонтьев

7/III-1930 г.

О П Е Ч А Т К А

После подписки первых листов к печати обнаружена следующая существенная опечатка в статье т. Гатовского, а именно: на стр. 45 (строка 1-я снизу) выпал конец фразы. Напечатано: „Ленинское наследие не включает этой дисциплины“. Должно быть: „Ленинское наследие не включает этой дисциплины в законченном виде“.

Редакция,

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Милютин, В. и Ворилкин, Б.—К разногласиям в политической экономии	3
Мендельсон, Л.—Американское „процветание“ в свете всеобщего кризиса капитализма	18
Гатовский, Л.—О предмете и методе теории советского хозяйства	44
Раскин, В.—Проблема эмиссии денег в переходном хозяйстве	85
Преображенский, Е.—Изменения в стоимости золота и товарные цены	112
Блюмин, П.—Теория Штольцамана	131

БИБЛИОГРАФИЯ

Дашевский, Г.—Ф. Штернберг—Империализм	146
Абезгауз, Г., Дукор, Г., Меерзон, Д.—„Рубинщина или марксизм?“ Сборник статей под редакцией С. Бессонова и А. Кона	155

От редакции	174